

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

MOSCOW
STATE
UNIVERSITY
BULLETIN

Linguistics
and Intercultural Communication

Linguistique
et communication interculturelle

Linguistik
und interkulturelle Kommunikation

Lingüística
y Comunicación Intercultural

Linguistica
e comunicazione interculturale

Лингвистика
и меѓукултурна комуникација

Lingvistika
a mezikulturni komunikace

Lingwistyka
i Komunikacja Międzykulturowa

Лингвистика
и междукултурна комуникация

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал
Основан в 1946 году

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

19

Л
ИНГВИСТИКА
И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ

№ 2 • 2020

УЧРЕДИТЕЛИ:

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова;
факультет иностранных языков и регионоведения МГУ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Геккель Роберт (Goeckel Robert), доктор, профессор политологии и международных отношений, Университет штата Нью-Йорк, Колледж в Дженессо, США; **Илсон Роберт (Ison Robert)**, профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона; Лондон, Великобритания; **Ратмайр Ренате (Rathmayr Renate)**, доктор, профессор в отставке, бывш. зав. кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации Института славянских языков Венского университета экономики и бизнеса. Вена, Австрия; **Джек Ричардс (Richards Jack C.)**, доктор наук, почетный профессор факультета педагогики Сиднейского университета (Австралия); почетный профессор факультета педагогики университета Окленда (Новая Зеландия); **Сассекс Роланд (Sussex Roland)**, почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики, факультет языков и сравнительно-культурных исследований, Университет Квинслэнда. Брисбан, Австралия; **Чжэн Тиву (Zheng Tiwu)**, директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков, член президиума МАПРЯЛ, почетный член Союза писателей России, почетный доктор ИДВ РАН. Шанхай, КНР; **Ян Кэ (Yan Ke)**, профессор, директор Института европейского языка и культуры Гуандунского университета иностранных языков и международной торговли. Гуанчжоу, КНР

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Тер-Минасова С.Г. (главный редактор), доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой теории преподавания иностранных языков; **Молчанова Г.Г. (зам. главного редактора)**, доктор филологических наук, профессор, и.о. декана факультета иностранных языков и регионоведения, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации; **Загрязкина Т.Ю. (отв. секретарь)**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой французского языка и культуры

Члены редколлегии:

Запольская Н.Н., доктор филологических наук, доцент; **Захаров В.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Комарова А.И.**, доктор филологических наук, профессор; **Левицкий А.Э.**, доктор филологических наук, профессор; **Милославский И.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Павловская А.В.**, доктор исторических наук, профессор; **Полубиченко Л.В.**, доктор филологических наук, профессор; **Прошина З.Г.**, доктор филологических наук, профессор; **Раевская М.М.**, доктор филологических наук, доцент; **Робустова В.В.**, кандидат филологических наук, доцент; **Сафонова В.В.**, доктор педагогических наук, профессор; **Шевлякова Д.А.**, доктор культурологии, доцент

Редактор И.В. Краснолободцева

Адрес редакции:

119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13/14, корп. В, каб. 238.
Тел.: 8-495-734-03-10. Факс: 8-495-932-88-67. E-mail: vestnik19@yandex.ru
Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации РФ.
Свидетельство о регистрации № 016651 от 7 октября 1997 г.

Подписано в печать 23.07.2020. Формат 60×90 /16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,0. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 160 экз. Изд. № 11 552. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11).

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1.

Тел.: (495) 230-20-52

Когнитивные исследования

Молчанова Г.Г. Типы и техники мемовтики как механизма формирования нового знания 9

Теория и практика перевода

Ipson R. What makes a good translation equivalent? 23

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Артемида или Диана? (Репрезентация персонажей античной мифологии в переводах Нового Завета) 30

Калинин А.Ю. Прагматически детерминированные приемы аудиовизуального медиаперевода 41

Традиции и современные тенденции культуры

Павловская А.В. Взаимодействие культур в международном образовании: к вопросу о проблемах межкультурной коммуникации в глобальном мире 52

Головановская М.К. Культурологические особенности русского любовного признания 66

Моклецова И.В. Традиция милосердия в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души» 76

Раевская М.М. Язык и пространство: тема руины в испанской поэзии 86

Товбин К.М., Аторин Р.Ю., Кожурин К.Я. Культурологические проблемы старообрядоведения 100

Крюкова О.А. Культурная память сквозь призму документального фильма (на материале языка «прямого кино» Квебека) 111

Невежина Е.А. Взаимодействие культур в полилингвальном пространстве: франко-фламандский конфликт от истоков до наших дней 118

Розина М.С., Соловьева М.В. Проблемы интеграции студентов из стран Азии в российскую академическую среду и пути их решения 131

Региональные исследования

- Хлебникова В.Б.* Роль военно-политических мифов в развитии черноморской государственности в XIX – начале XX в. 141
- Морозова М.М.* Зарубежная литературная география: основные направления исследований 150

Язык и межкультурная коммуникация

- Столярова А.О.* Доминантные речевые акты в коммуникативной ситуации деловых переговоров 157

Язык. Познание. Культура

- Исаева А.Ю.* Метафоризация образа Парижа в мемуарах Ж.-Э. Османа 164

Теория языка и речи

- Шевлякова Д.А., Лентовская А.В.* Акциональные характеристики русских и итальянских глаголов 172

Теория и практика обучения иностранным языкам

- Миньяр-Белоручева А.П.* Роль национальной культурной картины мира в изучении иностранных языков 182

CONTENTS

Cognitive studies

- Molchanova G.G.* Types and Techniques of Memetics as a Means of New Knowledge Formation 9

Theory and practice of translation

- Ilson R.* What Makes a Good Translation Equivalent? 23
- Khukhuni G.T., Valuitseva I.I., Osipova A.A.* Artemis or Diana? (The Representation of the Ancient Mythological Characters in New Testament Translations) 30
- Kalinin A.Y.* Pragmatics-Driven Techniques of Audiovisual Media Translation 41

Traditions and modern tendencies of culture

- Pavlovskaya A.V.* Intercultural Communication in International Education: Concerning Problems of Intercultural Communication in the Global World. 52
- Golovanivskaya M.K.* Culturological Features of Russian Love Confession 66
- Mokletsova I.V.* Tradition of Mercy in N.V. Gogol 's Poem 'Dead Souls' 76
- Raevskaya M.M.* Language and Space: the Ruins Motif in Spanish Poetry. 86
- Tovbin K.M., Atorin R.Yu., Kozhurin K.Ua.* Old Believers Studies: Problems of Culture Studies 100
- Kryukova O.A.* Cultural Memory Through Documentary Films (Based on the Language of Quebec's "Direct Cinema") 111
- Nevezhina E.A.* The Interaction of Cultures in a Multilingual space: the Franco-Flemish Conflict from the Origins to the Present Day 118
- Rozina M.S., Solovjova M.V.* Problems of Integration of Asian Students in Russian Academic Environment and Ways to Overcome Them 131

Area studies

- Khlebnikova V.B.* The Role of Military-Political Myths in the Development of Montenegrin Statehood in the 19th – early 20th Centuries 141

Morozova M.M. Foreign Literary Geography: the Main Research Areas . . . 150

Language and Intercultural Communication

Stolyarova A.O. Dominant Speech Acts in the Communicative Situation
of Business Negotiations 157

Language. Cognition. Culture

Isaeva A.Yu. Metaphorization of the Image of Paris in the Memoirs of
J.-E. Osman 164

Language and Speech Theory

Shevliakova D.A., Lentovskaya A.V. Actional Characteristics of Russian
and Italian Verbs 172

Theory and Practice of Teaching Foreign Languages

Minyar-Beloroucheva A.P. The Role of the National Cultural Worldview
in Modern Languages Learning 182

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Г.Г. Молчанова

ТИПЫ И ТЕХНИКИ МЕМЕТИКИ КАК МЕХАНИЗМА ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО ЗНАНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматриваются устойчивые вербальные мемплексы, т.е. системы мемов, (медиавирусов по Докинзу) и антимемов, влияющих на умы и в целом на идеологический код данной культуры, с позиций когнитивистики и концептуальной интеграции. Устойчивый вербальный символ (*афоризм, по-словица, клише, прецедентный текст, лозунг, слоган*, (обобщенно – *мем*) представляет собой языковой знак двойственной природы: во-первых, это знак ситуации, обозначенной составляющими его словами; во-вторых, это особый вид текста (дискурса). В статье исследуются типы, приемы и техники в выборе схем наиболее эффективного форматирования мемплексов как механизмов формирования нового знания. Особое внимание уделяется технике бокового смещения, а именно, наиболее продуктивной сегодня словообразовательной модели *Концептуальной Интеграции*, мотивированной когнитивными, дискурсивными и прагматическими параметрами. Концептуальному и фрейм-слотовому анализу подвергается наименее исследованный сегодня тип политического мемплекса в качестве эффективного инструментария агонального дискурса. Стратегия и тактика трансформации и когнитивного рефрейминга мемплекса позволяют убедиться в его способности повлиять на изменение расстановки сил в политическом диспуте, благодаря специфичным приемам и техникам, более мобильным и современным, нежели традиционные средства массовой информации, свидетельствуя о его несомненной эффективности.

Ключевые слова: анти/мем; мемплекс; концептуальная интеграция; медиавирус; политический дискурс.

Техника «бокового смещения» – а именно теория ментальных пространств и концептуальной интеграции (Conceptual Integration, Intercontextual Blending), т.е. слияние двух или более концептов, происходящих из разных источников – доноров, признана сегодня

Молчанова Галина Георгиевна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации, декан факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: dean@fl.msu.ru).

одной из наиболее популярных теорий когнитивной лингвистики, под которой первоначально понималась именно нейролингвистика, вдохновляемая достижениями в области нейробиологии. Попытки применения ее к анализу текста/дискурса оставались долгое время достаточно робкими и вызвали недоумение, пока не стало очевидным, что так называемые риторические аспекты языка являются *центральными*, а отнюдь не маргинальными, прикладными в изучении процессов когниции. В своих работах Дж. Лакофф и М. Джонсон, М. Тернер и Ж. Фоконье не только применяют когнитивные модели в изучении тропов как явлений языка, но и утверждают приоритетность их изучения как основу познания ментальной деятельности человеческого мозга в целом.

В настоящее время, наряду со все возрастающим потоком работ лингвистов, антропологов, психологов, социологов, философов, непременно ассоциирующихся с лакоффским когнитивизмом, можно говорить о становлении когнитивной стилистики наряду с когнитивной риторикой, на основе подходов Лакоффа – Джонсона – Тернера к метафоре как к явлению языка и когниции, и подчеркиванию особой роли лингвиста-когнитолога как знатока «тропов и текстов» в исследовании науки мозга в их соперничестве с нейронаучной теорией Дж. Эдельмана и А. Дамасио [Turner, 1998].

Первоначальный интерес к метафорическим тропам перешел в стадию широкого увлечения такими аспектами ментальной деятельности, как *story, parable, blending, projection, analogy, recursion, binding, conceptual integration, inference, etc.*, под которыми зачастую понимается одно: наша способность, чаще всего бессознательная и не требующая никаких усилий, *проецировать* одно явление на другое. Надо отметить, что для отечественной лингвистики такой подход не является откровением: еще в 1862 г. А.А. Потебня ввел понятие «сгущение мысли», под которым понимал «содержание *проецируемого* нами (даже термин тот же: *projection!* – Г.М.), т.е. содержание, влагаемое в само произведение, иногда вовсе не входящее в расчеты художника... Заслуга его в известной гибкости образа, в силе внутренней формы возбуждать самое разное содержание... Два свойства “сгущения мысли”: 1) особенность его воздействия на человека сравнительно с обычным словом; 2) совместное существование в художественном произведении противоположных качеств, именно определенности и бесконечности очертаний. Устанавливается внутренняя связь восприятий, отличная от их механического сцепления» [Потебня, 1976: 181–182, 186].

Преимущества когнитивного подхода к традиционным типам бокового смещения заключаются в новом подходе к самому механизму создания метафоры: важен не непременно «общий семан-

тический компонент двух сравниваемых объектов», а разнообразные и сложные формы взаимопроникновения концептуальной, языковой и литературной сфер. Эта мысль – ключевая в основе теории концептуальной интеграции, разработанной Ж. Фоконье и М. Тернером. Они определяют концептуальную интеграцию как разновидность *проецирования* между понятийными областями, которое, являясь одной из базовых когнитивных способностей человека, обслуживает одновременно и восприятие, и *порождение новых понятий* [Fauconnier, Turner, 1998]. *Mental spaces* – ключевые понятия данной теории. Они представляют собой когнитивные конструкторы, создаваемые в сознании и хранящиеся в памяти говорящих в процессе коммуникации [Fauconnier, 1994]. «Ментальные пространства представляют собой комплексы, содержащие элементы, и они конструируются с помощью фреймов и когнитивных моделей» [Fauconnier, Turner, 1998: 6]. Вызванные направленными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства.

Интегрированная модель позволяет осмыслить взаимодействие ментальных пространств, приводя к представлению о возникновении нового знания, нового смысла. Основой мыслительной деятельности является слияние *ментальных пространств*, динамических когнитивных структур, которые в ходе этого процесса модифицируются и взаимодействуют, в результате чего возникают новые ментальные пространства и новые связи между ними, способствующие возникновению нового творческого знания. Возникшее при этом новое слитное пространство – *бленд* – может быть представлено интеграционной моделью, состоящей из следующих компонентов: двух или более *входных пространств* (input spaces); *порождающего пространства* (generic space); собственно *бленда* (conceptual blended space), т.е. нового концептуального пространства, нового смысла, основанного на фоновом знании и не выводимого из арифметического сложения смыслов двух или более входных ментальных пространств. Бленды – не сумма элементов, они обладают независимым контекстуально-обусловленным значением: «Наиболее подходящим аналогом концептуальной интеграции является не химическая реакция, а биологическая эволюция» [Fauconnier, Turner, 1998: 5].

Два или более изначальных пространства, содержащие *точки соприкосновения* (points) между двумя исходными входными пространствами называют «порождающим пространством, которое содержит то, что есть общего у двух входных пространств в любой момент времени в процессе концептуальной интеграции» [Там же: 8]. Таким образом, *бленд* наследует смысловые элементы исходных ментальных пространств, но порождает новое, уникальное значение.

Наиболее значима при этом «аналогия, которая в целом определяет процесс интеграции, поскольку человек осмысливает происходящее, основываясь на опыте проживания аналогичных ситуаций» [Dancygier, Sweetser, 2014: 84]. Эванс проводит сравнение лексического концепта и реального смысла слова в речи с фонемой и ее аллофонами. Лексический концепт, как и фонема, – это усредненное понятие, выведенное в результате опыта употребления слова. В речи функционирует его вариант [Evans, 2006: 498]. Процесс вынесения на первый план одних сторон значения и затемнение других называется *высвечиванием* (highlightning) [Lakoff, Johnson, 1980].

В процессах интегрирования ментальных пространств важно учитывать самые разные контексты, в которых может происходить высвечивание отнюдь не ядерных, прототипических, но периферийных сторон концепта, что делает их приоритетными и определяющими. В результате возникновения ассоциативной смысловой связи между созвучными, близкими или противоположными по смыслу словами, происходит неожиданное перемещение из одного семантико-экспрессивного поля в другое или параллелизм этих полей. При этом должно быть выполнено соблюдение ряда условий: 1) *Integration* – смешиваемые структуры могут быть легко представлены в виде единого концепта; 2) *web* – неразрывная связь между смешанным пространством и входными; 3) *unpacking* – расшифровка, декодирование, реконструирование сети пространств, из которых была произведена интеграция; 4) *topology* – смешиваемые объекты структур соотносятся с другими объектами своих пространств подобным образом, что обеспечивает семантическую обоснованность интеграции; 5) *good reason* – солидное обоснование. Полученный концепт в результате интеграции должен иметь определенное значение, будучи связанными с другими концептами в ментальных пространствах [Fauconnier, Turner, 2003]. Понятия концептуальной интеграции, сцепления, слияния, смешения, взаимопроникновения, иллюстрируются на примере следующей притчи: в древности антилопа уступала по скорости бега таким хищникам, как гепарды и длинноногие дикие собаки. И, хотя они уже вымерли, современная антилопа легко обгоняет других хищников, преследуемая призраками прошлого, сохранившимися в ее генетической памяти.

Метафора зачастую предполагает «многослойное сгущение мысли», это только подсказка, причем минимальная, но зато приводящая в движение те механизмы ментальных процессов, что основаны на нашем подсознательном, генетическом знании [Turner, Fauconnier, 1998]. Самые замысловатые сцепления концептов происходят на базисном уровне, человек *просто знает*, и это предварительное

знание, как у антилопы, заставляет пробуждать сложный комплекс ментальных структур, задействованных призраками прошлого из долговременной памяти и предыдущих дискурсов.

Человеческая когниция черпает из аналогов старых образов-схем материал для возбуждения сенсорно-моторных систем, взаимодействующих с новым коммуникативным контекстом, интегрируя информацию и способствуя ее конвергенции и пониманию. М. Тернер подчеркивает значимость нарративных тропов как фундаментального инструмента мысли, необходимого для планирования, оценки, объяснения, аналогии с прошлым и проецирования его на будущее, утверждая, что «значение параболично и литературно» [Turner, 1996: 57]. В этом он солидарен с такими исследователями-нейролингвистами, как Р. Чанк и Дж. Хоббс, помещающих нарративные формы в центр человеческой когниции. Но, в отличие от них, он постоянно и настойчиво акцентирует экологический характер когнитивных процедур: это акты человеческого мозга в человеческом теле и в человеческом окружении.

Человеческое мышление прибегает к нарративному воображению – иносказанию, аналогии, метафоре и т.п. постоянно, но незаметно, поскольку сам повседневный жизненный опыт организован в виде нарративного потока. Даже абстрактные понятия мы осознаем параболически, иносказательно, моделируя их в тропеических терминах: *время не ждет, любовь зла, надежда умирает последней* т.д.

Когнитивный подход к языку и тексту М. Тернера во многом перекликается с последними постструктуралистскими теориями: он рассматривает интертекстуальность и другие риторические фигуры как неотъемлемую принадлежность всего языка, языка в целом, а не только текста, отвергая разделение текстов на «художественные» и «референциальные»: литературно само наше мышление. «Язык – дитя литературного ума», утверждает М. Тернер, и можно добавить, что, как всякое дитя, он любит играть – играть словами, создавая интертекстуальные и аллюзивные отсылки – сигналы неявного смысла, пробуждающие в памяти ту или иную концептуальную структуру.

Интертекстуальность (ИТ) является сложным когнитивным феноменом и в то же время одним из важнейших компонентов человеческого мышления. Ее главной функцией традиционно признается установление коммуникативного взаимодействия, диалога между цитирующим и цитируемым авторами и между их эпохами и культурами. Ощущение в тексте «чужого слова», частые отсылки к классическим произведениям или к современным актуальным и популярным дискурсам основаны на процессах категоризации, упорядочивания знаний, кроме того, они способствуют поддержани-

ванию национально-культурного пространства и осознанию общественных норм и правил. Вызванные направленными ассоциациями ментальные пространства смешиваются со смыслом и контекстом нового текста, образуя новые ментальные пространства.

Интегрированная модель позволяет осмыслить взаимодействие ментальных пространств, приводя к представлению о возникновении нового знания, нового смысла. В работе М. Панагиотиду [Panagiotidu, 2012], использующей методику теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванса [Evans, 2006] и теории концептуальной интеграции М. Тернера и Ж. Фоконье [Turner, Fauconnier, 2003], вводится понятие *интертекстуального фрейма*, под которым понимается *концептуальное пространство*, в котором текст смешивается с *интертекстуальным знанием*.

ИТ-знание делится на два вида: 1) тематическое: содержание, основные идеи, имена героев и т.д.; 2) стилистическое: жанр, поджанры, ФЕ, крылатые выражения, цитаты, аллюзии. Происходит взаимодействие концептуальных структур, связанных с новым текстом и прототекстом, на основе фонового знания адресата. М. Панагиотиду выделяет три типа ИТ-связей по их сложности: 1) семантическая ИТ (вызвана одним словом); 2) тематическая ИТ (связь поддерживается рядом отсылок к определенному ИТ знанию); 3) стилистическая (цитаты и жанр) [Panagiotidu, 2012].

В настоящей статье, с учетом этой классификации, частично модифицированной и дополненной, предлагается выделять следующие типы межтекстовых ИТ-связей: 1) тематическая ИТ (связь поддерживается рядом отсылок к определенному ИТ-знанию: заимствуются элементы плана содержания прототекста (темы, мотивы, сюжеты, образы, сцены); 2) аллюзивная лексическая ИТ с вектором направленных ассоциаций и отсылками к именам собственным прототекста (автора, названия, имена мифологических и литературных героев, пр.); 3) меметическая ИТ (мемы и цитаты прототекста используются в новом тексте в измененном виде, т.е. в качестве антимеров); 4) цитатную ИТ с тождественным воспроизведением образца, но с изменением контекстуального смыслового акцента. Цитаты вообще наименее зависимы от читательского опыта и фоновых знаний. Со временем они могут полностью оторваться от контекста, в котором были созданы, потерять связь с текстом-источником и, по выражению Р. Барта, «потерять отцовство», но приобрести новые независимые, но при этом широко известные смыслы, например, мем «*Карфаген должен быть разрушен*» сейчас может употребляться в самых разных контекстах.

Рассмотрим механизмы и функции такого бокового смещения в политической меметике на примере анализа конфликтогенного мема

Brexit – объекта непрямого конфликтного диалогического взаимодействия, породившего множество ответных антимемов, возникающих по ассоциации с другими мемами-клише, с ним ассоциируемых. Такое взаимодействие относится к контroversивному типу речевого общения и предполагает реализацию гибкой коммуникативной стратегии уклонения от прямого высказывания в сочетании с видимостью сохранения принципов сотрудничества, но с имплицитным выстраиванием новых проекций между концептуальными структурами иницирующей и ответной реплик-реакций. Такая непрямо реагирующая интенциональность в политическом агональном дискурсе характеризуется уводом наиболее значимой информации в невыраженные импликации, в боковое смещение, чаще всего – в метафорический перенос и приращение смыслов.

Популярный политический мем этого года 1) Brexit создан посредством *слияния*, т.е. словообразовательной модели концептуальной интеграции (*Blending*). Это базовая, повседневная когнитивная операция, называемая также *Blended Spaces*, *Blended Viewpoints*. Она состоит в том, что неразрывные ассоциативные связи между характеристиками двух объектов, при долгом постоянном употреблении сливаются в одно целое и делают возможной подстановку: «одно вместо другого».

Цель блендинга – не столько сказать, сколько *подсказать*, напомнить прототипический образец, извлечь его из долговременной памяти воспринимающего и «спроектировать» на новый объект. Проекция всегда избирательна, т.е. в этом случае человеческая когниция действует на базе аналоговых образов-схем и их репрезентаций. Непременным условием при этом является наличие общего фонового знания у партнеров по коммуникации. При концептуальной интеграции двух вербализованных концептов: Britain и Exit, возникает новое знание, третий смысл – *Brexit*, в результате фонетической аттракции ассоциируемый с *break – перелом*. Структура: полифрейм. Тип общения: конфликтный не прямой речевой диалог сторонников Брексита (так называемых *brexiteers* – брекситеров, или евроскептиков) и их противников. Гипотеза: адекватная интерпретация адресатом заложенных в мемплексе нарастающих новых смыслов зависит от прагматической мотивации и знания различного типа контекстов: глобального когнитивно-концептуального и локальных: социально-ситуативного, культурно-исторического, дискурсивного и других, или от их сочетания [Kovecses, 2019: 126–130]. При этом в мемах евроскептиков знание когнитивно-концептуального контекста и механизм фреймо-слотового анализа позволяют обнаружить имплицитную ангажированность авторов. Так, в качестве реакции на исходный мем Терезы Мэй: *Brexit means*

Brexit, возник целый ряд ответных анти/мемов. Среди них поддерживающие евроскептиков (*Brexiters*) мемы, такие, как, например, 2) *Brexellent!* – также модель концептуальной интеграции, *blending: Britain + Exit + Excellent*. Следуя алгоритму фреймо-слотового анализа, определим первостепенные, т.е. ядерные слагаемые-вербализаторы концепта *Brexit*. Прототипическое значение ядра охватывает только самые типичные и частотные употребления, но они не случайны и не произвольны – все значения *Brexit* связаны между собой, так что каждое значение может породить одно или несколько новых, в конечном счете, они образуют цепь» (*chain*) или «сеть» (*network*) значений данной языковой единицы. Поскольку выбор донорского домена всегда мотивирован, в ядерную зону вносится инвариантное по отношению к *Brexit* значение *Выход Британии из Евросоюза*, но инвариант, как и прототип, не покрывает всего разнообразия употреблений данного концепта, которое, как будет видно дальше, в зависимости от контекста и динамики дискурса может значительно трансформироваться. Далее необходимо выявить типы или способы перехода от одного значения к другому в предположении, что здесь действуют общие семантические механизмы.

Обратимся к периферии *Brexit*, допуская, что периферия концепта формируется не на прототипической, а скорее, на экземплярной, или экспертной, т.е. основанной на опыте, категоризации. Периферия, в отличие от ядра, опирается, скорее, на принцип аналогии, который базируется на боковом смещении, на отношении расширения значения (т.е., фактически, метафорического переноса). Принцип аналогии в данном случае действует следующим образом: некоторый семантический признак оказывается доменом-источником (*donor domain*), т.е. он «внедряет» (*embodies*) в целевой домен (*target domain*) дополнительные элементы. В свою очередь, такие производные употребления могут образовывать своеобразные периферийные центры, так что их семантические признаки могут затем служить доменом-источником для следующих зависимых элементов. Внедрение и проецирование признаков домена-источника *Brexit* в домен цели *Brexellent* инициируется переносным значением, которое создает новое ядро концепта с оценочным положительным смыслом. 3) Мем *Just Brex it!* – Фреймо-слотовый анализ в рамках когнитивно-концептуального контекста показывает, что вектор ассоциаций направлен на известный слоган фирмы NIKE – *Just Do It!*, который, в свою очередь, заимствован из знаменитого американского агитационного плаката 1943 г. *WE Can Do It!* 4) Мем *Brexit means Breakfast* – случайная оговорка Т. Мэй была поддержана Д. Трампом: 5) *What Brexit means for Britain, it also means for breakfast. Brexit? I love Brexit. It's great! It's the most important meal of the day!* Знание

когнитивно-концептуального контекста в сочетании с процедурой фреймо-слотового анализа необходимы также и для экспликации негативно-оценочной позиции противников Брексита, например:

6) Антимем: *Bregret*. Внедрение и проецирование признаков домена-источника *Brexit* в домен цели *Bregret* инициируется переносным значением, которое выстраивается на совокупности значимой информации об объекте вторичной номинации и способно подчеркивать изменение его Активной зоны в каждом отдельном случае. Когнитивный диссонанс, возникающий при восприятии за счет изменения активной зоны приводит, в конечном счете, к изменению домена, репрезентирующего появление нового концепта, так как после ядерной характеристики *Brexit* в прототипическом, инвариантном значении – Выход Британии из Евросоюза, на периферии концепта возникает новая Активная зона – *Bregret* в значении *British regret* с профилированием в новой Активной зоне, что мгновенно вызывает ассоциативные связи, на основе которых внедряется другой профиль концепта, образующий ядро нового антимема – *Brexit means British regret*. 7) Антимем *Grexit* – строится по аналогичному сценарию: здесь также задействована словообразовательная модель *blending*. *Grexit* – это концептуальная интеграция *Greek* и *Exit*, ассоциирующая Брексит с греческим кризисом 2012 г., нанесшим этой стране катастрофический по масштабу экономический ущерб. Далее рассмотрим контroversивные антимемы, возникшие по ассоциации с пословичными концептуальными метафорами: 8) Мем евроскептика Бориса Джонсона: *We can have our EU cake and eat it too* основан на ассоциации с метафорогенным пословичным мемом – *You cannot have your cake and eat it*; ему противостоит: 9) антимем *The road to Brexit was paved with Boris Johnson's Euromyths*, ассоциируемый с другим метафорогенным пословичным мемом: *The road to hell is paved with good intentions*. Внедрение и проецирование признаков домена-источника *Hell* в домен цели *Brexit*, а другого домена-источника *good intentions* в домен цели *B. Johnson's Euromyths* инициируется переносным значением, которое способно подчеркивать изменение его Активной зоны и профилирование. После ядерной характеристики *Brexit* в прототипическом, инвариантном значении, на периферии этого концепта возникает новая активная зона – *Hell* во втором словарном значении: *hell* –2) *a situation that is extremely unpleasant* (MED: 667), это мгновенно задействует слоты – векторы направленных ассоциаций, на основе которых внедряется другой профиль этого концепта, а именно *Brexit* – это чрезвычайно неприятная для Британии ситуация. При этом формируется новое периферийное ядро этого антимема – *Brexit means Hell*. Дальнейшее внедрение и проецирование признаков другого домена-источника

good intentions = plans to do something good (MED: 748) в домен цели *B. Johnson's Euromyths* инициируется переносным значением, которое выстраивается на совокупности значимой информации об объекте вторичной номинации и способно подчеркивать изменение его Активной зоны: *myth* (во втором значении): *smth that people wrongly believe to be true* (MED: 937), что в сочетании с *Euro* во втором словарном значении: = *relating to Europe* (MED: 470) и упоминанием имени автора, Б. Джонсона, в совокупности создает еще один периферийный центр этого антимема с профилированием: уверения Б. Джонсона в полезности Брексита для страны носят мифический, т.е. недостоверный, характер. 10) *Never gonna give EU up, never gonna let EU down* – отсылка к популярной песне 1987 г. “*Never gonna Give you Up*” (*Rick Astley*). В основе мема – онтологическая концептуальная метафора *Up – Down*, подчеркиваемая изящной игрой слов: *EU* вместо *You* (фонетическая аттракция). 11) *Wake me up when Brexit ends*. Антимем построен на точной цитате из песни группы *Green Day – Wake me up when September ends*, с единственным отличием – заменой вербализованного ментального образования *September* на *Brexit*. Поскольку сущностные характеристики языковой личности проявляются в выборе цитат, постараемся понять, почему именно эта цитата подверглась изменению, сопоставляющему *Сентябрь с Брекситом*. Обратимся к семному (компонентному) анализу. *September = the ninth month of the year between August and October* (MED: 1293). Ни родовая, ни видовая, ни дифференциальные семы, казалось бы, не содержат в себе значимые компоненты, позволившие бы произвести такую замену. Но, как известно, помимо этих главных сем – мельчайших единиц значения, – существуют еще и скрытые, так называемые потенциальные семы, обертоны значения, не всегда находящие отражения в словарных дефинициях, но эвристически чутко ощущаемые всеми, кто принадлежит к единому языковому коллективу. Сопоставление: *Брексит = Сентябрь* приводит к боковому смещению, т.е. к метафорическому расширению концепта, а специфика метафоры в том, что она является причиной коммуникативного сбоя и вместе с тем средством коммуникативного взаимодействия. Она не прерывает его, но в то же время не позволяет переходить к новому этапу реализации глобальной цели – процессу понимания текста.

Воспользуемся алгоритмом фреймо-слотового анализа. Исходя из представления процесса понимания как последовательности пар фреймов с множеством объектов, приписываемых их терминалам и слотам как векторам направленных ассоциаций, процедуру понимания произведенной замены можно представить как поиск и обнаружение сходных фреймов, идентифицируемых как сходные в силу

того, что их слоты и терминалы присоединяют объекты одних и тех же ассоциативных связей. Фреймы мема и антимема окажутся почти идентичными. Учитывая, что, по Ван Дейку [Дейк, 1989: 141], «наше знание мира организовано в сознании в виде фреймов, т.е. неких концептуальных систем, организованных вокруг некоего концепта и содержащих, в отличие от простого набора ассоциаций, основную, типическую и потенциально возможную информацию, найдем сходные терминальные признаки и установим межфреймовые связи «дифференцирующей сети», т.е. семейства или пар фреймов, связанных такого рода отношениями. Через терминал *Сентябрь* на следующей фазе интерпретации мема присоединяется сходный фрейм *Брексит*, идентифицируемый как сходный ввиду того, что его терминалы вводят объекты одних и тех же видов, их слоты имеют идентичные векторы направленных ассоциаций. Сентябрь – конец лета, проецируемый на такие концептуальные метафоры, как: осень жизни, закат молодости, тоскливые, затяжные непогоды – примерно так же ощущают жители Британии нелепо затянувшийся процесс выхода из Евросоюза. Все перечисленные сложные комплексы ассоциативно-когнитивных фреймовых связей проявляются при анализе ситуации, увиденной глазами участника конфликтного диалога – противника Брексита. Но: помимо приведенного здесь глобального когнитивно-концептуального контекста, уместно задействовать и локальный ситуативно-культурный контекст, поскольку «в понимании онтологии мира весьма значимо существование субъективного образа объективного мира, причем альтернативные способы описания одного и того же представляют для лингвистики особый интерес» [Кубрякова, 2004: 5]. Автор песни посвятил ее своему отцу, умершему в сентябре. Кроме того, именно в сентябре ураган «Катрина», наиболее разрушительный в истории США, унес множество жизней, и песня, посвященная жертвам катастрофы, стала символичной. Слоган *Wake me up when September ends* стал мемом, отождествляющим Брексит с разрушительной трагедией. 12) Мем: Заголовок в “The Gardian”: *David Cameron and Europe: On the road to Damascus* требует знания еще одного типа контекста, а именно дискурсивного, поскольку знание формируется посредством дискурса, а дискурс по своей сути есть явление когнитивное, т.е. имеющее дело с передачей знаний, с оперированием знаниями особого рода, и главное, с созданием новых знаний. Данный мем построен на знании прецедентного дискурса – жития апостола Павла (Савла), а именно эпизода, описывающего событие, обратившее его в христианство (33–36 г. н.э.): «На пути к Дамаску внезапно осиял его свет с неба», после чего из фарисея, гонителя христиан он стал ярым проповедником христианства.

Сегодня этот мем означает уникальное событие, историческую переменную, важный поворотный пункт, жизненный перелом. К типу сомневающих участников конфликта относится автор антимема: 13) *Life is like a box of Brexits – you never know what you gonna get*, построенному по ассоциации с известным мемом из фильма Форест Гамп: *Life is a box of chocolates – you never know what you gonna get*. Внедрение в исходный мем вместо неисчисляемого Brexit – исчисляемого зависимого элемента Brexits (именно так, во множественном числе) по аналогии с конфетами ассорти Chocolates – приводит к рефреймингу, так как заменяет альтернативу: «или/ или» на возможность множественного выбора из чего-то непредсказуемого, но приятного, как шоколадные конфеты, что сводит проблему до уровня не очень существенной. Знание когнитивно-культурного и дискурсивного контекстов позволяет адекватно декодировать такие метафорические мемы, как: 14) *Brexit is Titanic*; илл: 15) *Brexit is the Worst Trade Negotiation since “Star Wars: The Phantom Menace”*; илл: 16) *Britain Has No Master. Britain is a Free Elf*. Следующий антимем: 17) *To Brexit or not To Brexit* явно отсылает еще не определившихся участников конфликтного непрямого диалога о Брексите к бессмертному шекспировскому риторическому вопросу, ставшему мемом – *To be or not to be*, породившему многочисленные антимемы, в том числе и приведенный выше. В словари входит новый глагол *To brexit*. Top definition in a Dictionary: *To be Brexiting (new) – saying goodbye to everyone at a party and then proceeding to stick around. F.: What.s up with Boris? I thought he was leaving. G.: Apparently, he is brexiting*. И, наконец: 18) Мем *To be Brexosted* – опять в формате словообразовательной модели Blending, или концептуальной интеграции: *Brexit + (Break) + Exosted – Британия истощена Брекситом*.

Модель концептуальной интеграции – blend – вообще наиболее частотна в динамике процесса словообразовательного развития данного концепта, что обусловлено его прагматической мотивацией и, в целом, уникальной функцией словообразования в становлении языка и его ролью в обогащении картины мира. В. Адамс указывает на взаимозависимость между экстралингвистической реальностью и способностью модели становиться продуктивной в связи с когнитивными, дискурсивными и прагматическими мотивирующими параметрами [Adams, 1973: 197]. В таком же когнитивном социально-событийном контексте возникли следующие антимемы на тему *Brexit*: 19) *It’s Brexistance!* и далее, ближе к Рождеству: 20) *Merry Brexmas!* По мере того, как Брексит затягивался и принимал все более реальные очертания кризиса, если не катастрофы, антимемы становились все менее шутливыми и все более прямыми, без боковых расширений и языковой игры. Мемплексы финальных мемов

Бориса Джонсона принимают форму императивов, а порожденные ими антимеры прямо принимают вызов и уже не носят шуточного, игрового характера: Например, MEME: *Get Ready for Brexit* (Boris Johnson); ANTYMEMES: *Get Ready for Brexit. ...to collapse; Get Ready for Brexit ... for more lies; Get Ready for Brexit...for lower wages; MEME: Learning to Live with Brexit* (Boris Johnson); ANTYMEMES: *Learning to Live with Brexit...preparing for Civil Unrest; Learning to Live with Brexit...preparing for more lies; Learning to Live with Brexit...preparing for Brexit and other things to terrify children; Learning to Live with Brexit...being poorer; Learning to Live with Brexit...get ready to live in a dystopian, deregulated, oligarch-controlled tax-haven where public services and civil liberties are but memories.* Наконец, накануне выборов Б. Джонсона мем принимает приказной формат – 21) *Get Brexit Done!*

Таким образом, динамика метафорического проецирования в конфликтном непрямом диалоге между исходным доменом и целевым (и) доменом (ами) носит осознанно мотивированный выборочный характер и обладает специфическим профилированием: т.е. если первоначально в него вовлекаются лишь те слоты фреймов, которые несут релевантные признаки разнообразных метафорообразующих концептов, то впоследствии средства убеждения становятся все более прямолинейными, поле контекстного разнообразия сужается до прямой словарной дефиниции, уже нет места остротам, шуткам и ярким эмоциям – народ истощен (*Brexosted*) затянувшимся *Brexit*-ом и прямо выражает свое логически, а не эмоционально, мотивированное мнение. Далее утверждается эта словообразовательная модель утверждается и входит в повседневный обиход. Так, скандалы в королевском дворце породили мемы: *Don't mind Brexit, who won Legs-it!* Еще позднее: *Megxit is worse than Brexit.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дейк Т.А. ван. Язык, познание, коммуникация. М., 1989.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. М., 2004.
3. Потебня А.А. Мысль и язык // Эстетика и поэтика. М., 1976.
4. Adams V. An Introduction to Modern English Word-Formation. English Language Series 7. L., 1973.
5. Dancygier B., Sweetser E. Figurative language. Cambridge, 2014.
6. Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning construction // Cognitive Linguistics. 2006. V. 17 (4). P. 491–534.
7. Fauconnier G. Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, 1994.
8. Fauconnier G., Turner M. Conceptual integration networks // Cognitive Science. 1998. № 22 (2).
9. Fauconnier G., Turner M. Polysemy and Conceptual Blending. Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language. Berlin; N.Y., 2003.

10. Kovecses Z. *Metaphor, Mind and Context* // Когнитивные исследования языка. Вып. 37. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике. М.; Тамбов, 2019. С. 126–130.
11. Panagiotidou M.E. *Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach*. Un-ty of Nottingham, 2012.

Galina G. Molchanova

TYPES AND TECHNIQUES OF MEMETICS AS A MEANS OF NEW KNOWLEDGE FORMATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper highlights (from a position of conceptual integration techniques) the ways the verbal anti/memes function in the modern political communication. Special attention is paid to the role and ways in which the definite memplex is used in the special politically controversial situation of Brexit, particularly for persuasive purposes.

Key words: anti/meme; memplex; conceptual integration; mediavirus; political discourse.

About the author: *Galina G. Molchanova* – Dr. habil in Philology, Professor, Head of the Department of Linguistics, Translation and Intercultural Communication, Dean of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: dean@ffl.msu.ru).

REFERENCES

1. Deik T.A. van. 1989. *Yazyk, poznanie, kommunikatsiya* [Language, cognition, communication]. Moscow, Progress. (In Russ.)
2. Kubryakova E.S. 2004. *Yazyk i znanie: na puti polucheniya znaniy o yazyke* [Language and knowledge: on the way to gain knowledge of the language]. Moscow. (In Russ.)
3. Potebnya A.A. 1976. *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. *Estetika i poetika* [Aesthetics and poetics]. Moscow, Iskusstvo. (In Russ.)
4. Adams V. 1973. *An Introduction to Modern English Word-Formation. English Language*. Series 7. London, Longman.
5. Dancygier B., Sweetser E. 2014. *Figurative language*. Cambridge Un-ty Press.
6. Evans V. 2006. Lexical concepts, cognitive models and meaning construction. *Cognitive Linguistics*, vol. 17(4), pp. 491–534.
7. Fauconnier G. 1994. *Mental spaces: aspects of meaning construction in natural language*. Cambridge, Cambridge Un-ty Press.
8. Fauconnier G., Turner M. 1998. Conceptual integration networks. *Cognitive Science*, no. 22 (2).
9. Fauconnier G., Turner M. 2003. *Polysemy and Conceptual Blending. Polysemy: flexible patterns of meaning in mind and language*. Berlin, N. Y.
10. Kovecses Z. 2019. *Metaphor, Mind and Context* [Metaphor, Mind and Context]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka, issue 37. Integrativnye protsessy v kognitivnoi lingvistike* [Cognitive language studies. 2019. Issue. 37. Integrative processes in cognitive linguistics]. Moscow-Tambov, pp. 126–130.
11. Panagiotidu M.E. 2012. *Intertextuality and literary reading: a cognitive poetic approach*. Un-ty of Nottingham.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

R. Ilson

WHAT MAKES A GOOD TRANSLATION EQUIVALENT?

*University College London,
WC1E6BT, Gower Street, London, United Kingdom*

When we use bilingual dictionaries, what makes us believe that the translations they offer are valid? Comparing the English nouns *smile*, *grin*, *smirk*, *sneer* with their translations in bilingual English-Russian and English-French dictionaries, I consider as criteria of translational adequacy the following: ostensive (referential) equivalence, etymology, morphology, phonology, (monolingual) definitional equivalence, (bilingual) reversion (reversibility). The special characteristics of reversion suggest that it might be worth distinguishing *translation equivalents* (=reversible items typically heteroglossal synonyms) as a hyponymic subset of translations (=heteroglossal definitions). Not considered here (for lack of immediately accessible evidence) is contextual or cotextual equivalence, though it would be significant if items in different languages had similar collocations and colligations.

Key words: translation; English; French; Russian; equivalence.

I

Examining several English nouns and their Russian and French translations, I hope to discern some of the criteria for a good translation equivalent.

Katzner¹ offers:

smile = улыбка

улыбка = smile

grin = усмешка

smirk = усмешка

sneer = (презрительная) усмешка *усмешка* = 1 smile; grin 2 sneer; smirk
презрительный = scornful; contemptuous, disdainful

O'Brien² offers:

smile = улыбка

улыбка = smile

grin = усмешка

усмешка = smile, smirk

Robert Ilson – Honorary Researcher Fellow of University College London, UK, Honorary Member of the European Association for Lexicography (e-mail: robert.ilson@outlook.com).

¹ Katzner K. (ed.) *English-Russian, Russian English Dictionary*. NY: Wiley, 1994.

² O'Brien M.A. (ed.) *New English-Russian, Russian-English Dictionary*. NY: Dover, 1944.

[*smirk* = усмешка]

sneer = (язвительная) насмешка, насмешка = mockery, derision, scoffing, jeering

зубоскальство язвительный = caustic, biting; (*fig.*) spiteful, wicked

[зубоскальство = scoff, jeer]

The equivalence *smile* = улыбка seems generally accepted. But on what basis? Can their relation be shown ostensively, as by eliciting the English and Russian words appropriate to pictures of people smiling? That may work – provided you are lucky enough for none of your Anglophone subjects to say *grin* instead of *smile* and none of your Russophone subjects to say *усмешка* instead of *улыбка*!

Are the two words connected etymologically, as with English *milk* = Russian *молоко*? Alas, I do not know. True, I have a fine *Dictionary of Russian Roots*³. But though it offers “over 500 of the most productive roots with their derivatives and compounds”⁴, *улыбка* is not among them – nor is any of its parts. On the other hand, English-language monolingual dictionaries of desk size or above offer etymologies as a matter of course; thus at *smile* n, *Concise Oxford Dictionary*⁵ offers “ME: *perh. of Scand. origin; rel. to smirk.*” At least some French monolingual dictionaries⁶ do so, too – but corresponding monolingual dictionaries of Spanish, Italian, Dutch, and German typically do not; this difference merits further investigation. As for Russian, *Ожегов*⁷ does not offer etymologies routinely (all such dictionaries may, however, show the foreign-language origins of borrowings).

Related to what might be called vertical or diachronic etymologies are what might be called horizontal or synchronic etymologies; that is, the analysis of an item into its morphological parts. Thus Katzner offers *shipbuilding* = *кораблестроение*; *судостроение*, where *корабль* and *судно* = ship, and *строение* = building, constructing. But such information, useful though it be when coping with compounds, is not much use when relating monosyllables (or, more generally, short words) to one another.

Yet another source of evidence is monolingual dictionaries.

*Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*⁸ offers at *smile*:

---

³ *Wolkonsky C., Poltoratzky S.* (eds.) *Dictionary of Russian Roots*. NY: Columbia University Press, 1969 (далее – DRR).

⁴ *Ibid.* P. vii.

⁵ *Concise Oxford Dictionary*. Oxford, 2011 (далее – COD).

⁶ *Eg Le Petit Robert*. Paris, 1989.

⁷ *Ожегов С.И.* (сост.) *Толковый словарь русского языка* / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2015 (далее – О).

⁸ *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary*. Springfield, Mass., USA, 2003 (далее – MWCD).

a facial expression in which the eyes brighten and the corners of the mouth curve slightly upward and which expresses esp. amusement, pleasure, approval, or sometimes scorn

O offers at *улыбка*:

Мимика лица, губ, глаз, показывающая расположение к смеху, выражающая привет, удовольствие, насмешку и т.п. (O)

Both dictionaries mention the face and the eyes. MWCD, mentioning “the corners of the mouth”, alludes to the lips. What is expressed by *smile/улыбка* includes “amusement/расположение к смеху”. Where MWCD offers “pleasure, approval”, O has “привет, удовольствие”. All these are positively valued – if not identical. Tellingly, both MWCD and O remind us that *smile/улыбка* can also express negative feelings: “scorn” for MWCD; “насмешка” for O (itself translated in Katzner as “ridicule; derision”). The correspondence is not exact. But it seems to provide better evidence than our other criteria that *smile/улыбка* are indeed Good Translation Equivalents.

As for *усмешка* (and indeed *насмешка*), we have some evidence of the etymological kind. DRR tells us that CMEX- ... СМЕШ- is a productive Russian root meaning ‘LAUGH’⁹. That suggests what might be called a lexicological “deep structure” relating these two Russian words to the semantic field that also includes English *grin, smirk, sneer* – and of course *smile/улыбка*.

In the absence of horizontal or synchronic etymological/morphological information, we must turn to the evidence of monolingual dictionaries.

O offers at *усмешка*:

улыбка, выражающая насмешку или недоверие, насмешливое движение рта.

O’s definition presents *усмешка* as a kind of *улыбка*; ie as a hyponym of *улыбка* – making therefore *улыбка* a hyperonym (superordinate) of *усмешка* (O). But how do the two differ? In that *усмешка* typically expresses something negative (eg, *насмешку*) whereas *улыбка*, though capable of expressing negativity (eg, *насмешку*), is typically positive (eg, *привет*).

Katzner’s *усмешка* makes clear that it encompasses what for Anglophones seems a large semantic space: *smile, grin, smirk, sneer*. That is not unknown in lexicography: French *aimer* corresponds to both *love* and *like* in English. How large that space is may best be shown by examining the treatment in a reputable monolingual English dictionary of *grin, smirk, sneer* (for *smile*, see above)¹⁰:

⁹ Wolkonsky C., Poltoratzky S. (eds.) Op. cit. P. 331.

¹⁰ Katzner K. (ed.) Ibid.

COD offers:

grin = a broad smile;

smirk = a smug or silly smile;

sneer = a contemptuous or mocking smile, remark, or tone (COD).

To capture these English-language nuances in a dictionary of Russian and English we probably need to expand their Russian translations. My Russophone colleagues can do that better than I. But to start the ball rolling, may I suggest:

grin = широкая улыбка;

smirk = самодовольная или глупая улыбка;

sneer = презрительная или насмешливая улыбка.

But this treatment strikes me as slightly defective, in that it uses only heteroglossal definitions; ie, definitions in a language other than that of the definiendum. Users of a bilingual dictionary (like me) want/expect (if possible) proper translation equivalents – word-for-word ones. For the English words under discussion here, such a one-word translation equivalent exists: it is *усмешка*. Should *усмешка* not be included in the entries above? The remaining question is where; in other words, as what Merriam-Webster lexicographers call the First Substitute or the Second Substitute? I'd say as the Second Substitute:

grin = широкая улыбка: *усмешка*;

smirk = самодовольная или глупая улыбка: *усмешка*;

sneer = презрительная или насмешливая улыбка: *усмешка*.

So those who wish to use *усмешка* in Russian will do so informed by its preceding heteroglossal definition, which can act as what many bilingual lexicographers call a Sense Discriminator – even though they might prefer homoglossal sense discriminators; eg:

grin = (a broad smile) *усмешка*.

Such efforts at sense discrimination via the insertion of extra information are not unknown in bilingual dictionaries:

Collins Robert French-English English-French Dictionary¹¹ offers: like... = *person aimer* (bien).

II

By way of comparison, here is how CRFEEF deals with the analogous problem:

smile = sourire [NB. sous + rire = lesser + laugh.];

grin = (*smile*) (large) sourire;

smirk = (*self-satisfied smile*) petit sourire satisfait or suffisant; (*knowing*) petit sourire narquois; (*affected*) petit sourire affecté;

---

¹¹ *Atkins B.T.* (ed.) Collins Robert French-English, English-French Dictionary. Collins, 1981. (CRFEEF)

sneer = [in CRFEEF *sneer* n is entered as an *act* or a *remark* but not as a facial expression. However, it offers, as one translation of **he said with a sneer**, dit-il...avec un sourire de mépris, which suggests *sourire de mépris* as the missing facial expression.

Thus we have in French:

sourire = smile;

large *sourire* = grin;

petit *sourire* = smirk:

sourire de mépris = sneer

self-satisfied = satisfait/suffisant

knowing = narquois

affected = affecté

...and in Russian (shortened to save space):

улыбка = smile:

широкая улыбка = grin;

самодовольная улыбка = smirk;

презрительная улыбка = sneer;

усмешка = grin; smirk; sneer.

French presents a classic semantic hierarchy, with *sourire* as its hyperonym, *large sourire*, *petit sourire*, and *sourire de mépris* as its immediate hyponyms, and *petit sourire satisfait/suffisant*, *petit sourire narquois*, and *petit sourire affecté* as hyponyms of *petit sourire*; ie, as co-hyponyms of a hyponym. Russian can be described thus too, with *улыбка* as hyperonym and *широкая улыбка*, *самодовольная улыбка*, and *презрительная улыбка* as its hyponyms. But in Russian there is the additional complication that *усмешка* can replace *улыбка* as an alternative hyperonym for all the multi-word translations above; that is, for all save the translation of *smile* itself. Which leaves the question: What is the relation of *улыбка* and *усмешка*? Here one might say that *улыбка* and its hyponym *усмешка* can serve as co-hyperonyms, with *улыбка* the unmarked (or neutral) member of the pair and *усмешка* the marked member. As for English, its *smile*, *grin*, *smirk*, and *sneer* seem independent words without an obvious hyperonym. Nor are they related etymologically or morphologically (though *smile* and *smirk* may be related etymologically and *sm-/sn-* may be some sort of phonaestheme).

So to cover this semantic area English has four independent words (*smile*, *grin*, *smirk*, *sneer*); at the other extreme French has one word (*sourire*) nuanced by modifiers (eg *large*); Russian has two words: neutral unmarked *улыбка* like *sourire* and also able to be nuanced by modifiers; marked *усмешка*, meaning something like *улыбка* +, where + indicates some nuance of expression that may not be actually expressed verbally. (I note in passing that neither French nor Russian seems to have a one-word translation equivalent of the English noun *frown*.)

This investigation can readily and usefully be performed not only by adding other languages but also by adding other bilingual dictionaries. What might we not discover by looking at the relevant items in a dictionary of French and Russian?

III

The Ultimate Test – Or Is It?

So far we have identified several criteria for assessing translation equivalents: ostensive equivalence, etymology, morphology, phonology, and definitional equivalence. As for *улыбка* = *smile*, the pair exhibited ostensive and definitional equivalence only. But there is another test which if passed will constitute conclusive evidence of translational equivalence: reversion. By that is meant for example that if the English-Russian part of a bilingual dictionary offers *smile* = *улыбка* and its Russian-English part offers *улыбка* = *smile*, we can assert with confidence that the two are indeed translation equivalents. Likewise for *smile* = *sourire* and *sourire*=*smile*.

But bilingual dictionaries tend to limit such reversion to single-word equivalents (such as *smile*, *grin*, *smirk*, *sneer*). While *улыбка* and *усмешка* are both entered in dictionaries of Russian and English, *широкая улыбка*, *самодовольная улыбка*, *презрительная улыбка* are not main entries or sub-entries (though they may appear in examples). As for dictionaries of French and English, CRFEEF besides its main entry *sourire* makes at *sourire* a sub-entry of **un large [sourire]**, which it glosses as: ‘(*chaleureux*) a broad smile; (*amusé*) a (broad) grin, a broad smile’. **Sourire/regard de [mépris]** appears as a sub-entry under **mépris** and is glossed as ‘scornful *ou* contemptuous smile/look’; interestingly, *sneer* is not included in the gloss. Main entries or sub-entries for *petit sourire* etc. are, however, nowhere to be found in the French-English part of CRFEEF.

What all the above suggests to me is that:

1) It might be worth distinguishing *translation equivalents* (=reversible items typically heteroglossal synonyms) as a hyponymic subset of *translations* (=heteroglossal definitions);

2) Makers of bilingual dictionaries might do well to enter more multi-word items as main entries or sub-entries; and/or to include them in examples at main entries or sub-entries.

REFERENCES

1. Ozhegov S.I. (ed.) 2015. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Pod obshch. red. L.I. Skvortsova. Moscow, Mir i Obrazovanie. (In Russ.)
2. Atkins B.T. (ed.) 1981. *Collins Robert French-English, English-French Dictionary*. Collins.
3. *Concise Oxford Dictionary*. 2011. Oxford.

4. Katzner K. (ed.) 1994. *English-Russian, Russian English Dictionary*. NY, Wiley.
5. Le Petit Robert. 1989. Paris.
6. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. 2003. Springfield, Mass., USA.
7. O'Brien M.A. (ed.) 1944. *New English-Russian, Russian-English Dictionary*. NY, Dover.
8. Wolkonsky C., Poltoratzky S. (eds.) 1969. *Dictionary of Russian Roots*. NY, Columbia University Press.

Р. Илсон

К ВОПРОСУ ОБ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ ПЕРЕВОДА

*Университетский Колледж Лондона,
WC1E6BT, Великобритания, Лондон, Gower Street*

Когда мы используем двуязычные словари, что заставляет нас верить в то, что переводы, которые они предлагают, адекватны? Сравнивая английские существительные *smile, grin, smirk, sneer* с их соответствиями в двуязычных англо-русских и англо-французских словарях, в качестве критериев адекватности перевода я рассматриваю следующие: очевидную (референциальную) эквивалентность, этимологию, морфологию, фонологию, (одноязычную) эквивалентность словарных статей, (двуязычную) реверсию (обратимость). Особые характеристики реверсии позволяют предположить, что стоило бы выделить *разнородные эквиваленты* (= обратимые элементы, прототипические гетероглоссальные синонимы) как гипонимическое подмножество переводов (= гетероглоссальные определения). В статье не рассматриваются (в связи с отсутствием на сегодняшний день явных доказательств) контекстуальная и котекстуальная эквивалентность, хотя нельзя отрицать роль наличия сходных свободных и идиоматически связанных словосочетаний у тождественных элементов в разных языках.

Ключевые слова: перевод; английский язык; французский язык; русский язык; эквивалентность перевода.

Сведения об авторе: *Роберт Илсон* – профессор, почетный научный сотрудник Университетского колледжа Лондона, Лондон, Великобритания, почетный член Европейской ассоциации лексикографии (e-mail: robert.ilson@outlook.com).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ожегов С.И.* (сост.) Толковый словарь русского языка / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М., 2015.
2. *Atkins B.T.* (ed.) Collins Robert French-English, English-French Dictionary. Collins, 1981.
3. Concise Oxford Dictionary. Oxford, 2011.
4. *Katzner K.* (ed.) English-Russian, Russian English Dictionary. N.Y., 1994.
5. Le Petit Robert. Paris, 1989.
6. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary. Springfield, Mass., USA, 2003.
7. *O'Brien M.A.* (ed.) New English-Russian, Russian-English Dictionary. N.Y., 1944.
8. *Wolkonsky C., Poltoratzky S.* (eds.) Dictionary of Russian Roots. N.Y., 1969.

Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева, А.А. Осипова

**АРТЕМИДА ИЛИ ДИАНА?
(РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПЕРСОНАЖЕЙ АНТИЧНОЙ МИФОЛОГИИ
В ПЕРЕВОДАХ НОВОГО ЗАВЕТА)**

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области Московский государственный областной университет, Россия, 141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования

«Московский педагогический государственный университет», 119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отражением в переводах Нового Завета имен античных божеств. Поскольку исходным языком Нового Завета был греческий, в оригинале представлены греческие имена. В то же время присущее античной культуре отождествление персонажей греческой и римской мифологии привело к их латинизации в тексте Вульгаты. Поскольку в Западной Европе именно она была основной и наиболее авторитетной и являлась источником для переводов на другие языки, указанная традиция отразилась и в них, включая и версии, создававшиеся авторами, оппозиционными католической церкви. Примером может служить Библия Джона Уиклифа. Начиная с эпохи Реформации протестантские переводчики, в отличие от католических, использовали в качестве исходного текста еврейский и греческий оригиналы, но в течение долгого времени они сохраняли традицию латинизации имен мифологических персонажей. Однако в переводах XX в. наблюдается тенденция к возвращению к греческой форме подлинника. В русских версиях сказывалась как общая ориентация на греческий и церковнославянский тексты, так и влияние латинских форм в переводе Нового Завета, выполненном Российским библейским обществом в первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Артемида; Зевс; Диана; Юпитер; Гермес; Меркурий; Новый Завет; греческий; латинский; оригинал; перевод; традиция; европейский; русский; язык.

Хухуни Георгий Теймуразович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета (e-mail: khukhuni@mail.ru).

Валуйцева Ирина Ивановна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета (e-mail: irinaiv-v@yandex.ru).

Осипова Анна Александровна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникаций Московского педагогического государственного университета (e-mail: assya@yandex.ru).

Начало работы над русским переводом Библии, выход в свет которой по независящим от ее инициаторов причинам затянулся почти на шесть десятилетий, относится к первой четверти XIX в., причем два первых полных издания Нового Завета (1821 и 1822 гг.; Четвероевангелие и Деяния святых апостолов появились в 1818 и 1819 гг.) выходили параллельно с церковнославянским текстом¹. В переводе Деяний святых апостолов привлекает внимание следующий момент. Во фрагменте, где представитель властей города Эфеса успокаивает возмущение своих сограждан, вызванное деятельностью апостола Павла (Деян. 19: 35), он обращается к ним со следующими словами: «Граждане Ефесские! Какой же человек не знает, что город Ефес есть служитель великия богини Дианы и ея изображения, нисшедшаго от Юпитера?»

Прочитированный отрывок, на наш взгляд, представляет несомненный интерес, поскольку его репрезентация в различных версиях библейского текста наглядно иллюстрирует одну из наиболее важных сторон межъязыковой передачи, на которую неоднократно указывалось в специальной литературе: «Существование иноязычного перевода художественного произведения обуславливает проблему качества, которая, с точки зрения лингвистической теории перевода, может быть переформулирована как проблема переводческого тождества. Исследование соотношения оригинала и перевода художественного текста предполагает экспликацию переводческих связей, ответственных за передачу исследуемых художественных образов. Значимым в данном контексте представляется вопрос асимметрии языковой формы художественного текста» [Тарасенко, Керо Хервилья, 2016: 15].

Одним из проявлений (хотя и весьма специфичных) подобной асимметрии можно, по-видимому, считать и случаи, связанные с различной традицией репрезентации имен героев и богов античной мифологии. Целью настоящей статьи (а как справедливо заметил в одной из своих работ И.Г. Милославский, «постановка цели – необходимое условие существования научного лингвистического исследования» [Милославский, 2017: 21]) является анализ того, как с этой точки зрения обстоит дело в различных версиях Нового Завета на разных языках.

Обратимся к двум основным для отечественной культуры переводам Священного Писания – церковнославянской Елизаветинской Библии XVIII в., используемой в богослужении Русской Православ-

---

¹ Господа нашего Новый Завет на славянском и русском языке. Иждивением Российского Библейского общества. Вторым тиснением. Санкт-Петербург: В Типографии Российского Библейского Общества, 1822.

ной Церкви², и Синодальному переводу 1876 г.³ В первом находим: «мужие ефесстии, кто бо есть человек, иже не вестъ, яко ефесский град служителъ есть великия богини артемиды и диопета?» Во втором – «Мужи Ефесские! Какой человек не знает, что город Ефес есть служителъ великой богини Артемиды и Диопета?»

Несовпадения наблюдаются во всех трех версиях, в первую очередь именно при передаче собственных имен персонажей античной мифологии. Церковнославянский и Синодальный тексты содержат только Артемиду, рядом с которой – причем, без каких-либо пояснений – фигурирует в качестве однородного члена Диопет, тогда как в Новом Завете Российского Библейского общества на ее месте находим Диану, а лексема Диопет заменена причастным оборотом с упоминанием Юпитера. Греческий же оригинал выглядит следующим образом⁴: “ἄνδρες Ἐφέσιοι, τίς γάρ ἐστιν ἄνθρωπος ὃς οὐ γινώσκει τὴν Ἐφεσίων πόλιν νεωκόρον οὖσαν τῆς μεγάλης θεᾶς Ἀρτέμιδος καὶ τοῦ Διοπέτου?”

Рассмотрим лексему «Диопет». Несколько лет назад митрополит Волоколамский Иларион приводил ее в качестве примера содержащихся в Синодальном переводе неточностей: в данном случае его создатели ошибочно приняли эпитет *διοπετής/diopetês* – «низринутый Зевсом», т.е. упавший с неба, за имя собственное [Митрополит Иларион, 2016]. На наш взгляд, в данном случае со стороны создателей Синодального перевода имела место не столько ошибка (ибо не зная значения слова *Διοπέτους* они явно не могли), сколько *сознательное стремление* сблизить русский текст с церковнославянским – но в данном случае это дела не меняет.

Перейдем к оппозиции *Артемиды / Диана*. Для ее объяснения приходится принимать во внимание ряд лингвокультурных и экстралингвистических факторов.

Как известно, для римской культуры была характерна тенденция отождествлять своих богов с чужими по сходству выполняемых ими функций, причем подобное отождествление имело место в первую очередь по отношению к греческой мифологии. В этой связи известный отечественный специалист по истории древнего мира

---

² Библия на церковнославянском языке. Гражданский шрифт. URL: https://dom-knig.com/read_264442-336 (дата обращения: 05.03.2019).

³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М., 2013.

⁴ Bilingual (Greek Original – English) New Testament. URL: <https://www.ellopos.net/elpenor/greek-texts/new-testament/> (дата обращения: 05.03.2019).

Ю.Б. Циркин писал: «Если римские и греческие боги в том или ином отношении схожи, то естественно было объединить их в одной фигуре» [Циркин, 2004: 20]. Эту традицию сохранил в своем переводе Священного писания и создатель Вульгаты Иероним, в котором рассматриваемый фрагмент содержит словосочетание “*magna Dianæ, Jovisque prolis*”⁵.

Возникает вопрос: почему в версии РБО предпочли заменить греческую Артемиду на римскую Диану и добавить опять-таки римского Юпитера, отступив не только от греческого подлинника, но и от церковнославянского текста (напомним, печатавшегося в первых изданиях параллельно с русским)? Не претендуя на окончательный ответ, позволим высказать следующее предположение. Для европейской традиции римская «номенклатура» богов была гораздо более привычной, нежели греческая, а единственной разрешенной версией Библии была, по существу, латинская Вульгата. Она являлась источником и для переводов, оппозиционных католической церкви, которые сохраняли и присущую ей систему передачи собственных имен. Например, в переводе Джона Уиклифа (XIV в.)⁶ находим: “of greet Dian, and of the child of Jubiter”.

Когда в эпоху Реформации католическая церковь вынуждена была перейти от запрета на осуществление библейских переводов к созданию собственных «правильных» версий, то в течение длительного времени источником для них служила опять-таки Вульгата, что нашло отражение и в интересующем нас фрагменте – начиная от Дуэйско-Реймской Библии, создававшейся в противовес деятельности протестантов в 1582–1610 гг. (“of the great Diana, and of Jupiter’s offspring”), и до Библии Нокса, относящейся уже к середине XX в. (“of the great Diana, and of the image which is Jupiter’s offspring”)⁷.

Протестантская традиция, напротив, исходила из принципа передавать книги Ветхого и Нового Заветов непосредственно с языков оригинала – древнееврейского и греческого. Однако от привычной латинизации мифологических персонажей отказываться она не стала. В Библии Тиндейла⁸ читаем: “of the great goddas Diana and of ye ymage which came fro heven” (обращает на себя внимание отсут-

---

⁵ Vulgata. Biblia Sacra iuxta Vulgata Versionem. T. II. Stuttgart: Württembergische Bibelanstalt, 1975.

⁶ Bible (Wycliffe). URL: [https://en.wikisource.org/wiki/Bible_\(Wycliffe\)](https://en.wikisource.org/wiki/Bible_(Wycliffe)) (дата обращения: 05.03.2019).

⁷ Catholic Bible Online. Vulgate. Douay-Rheims. Knox Bible. URL: http://catholicbible.online/side_by_side/NT/Act (дата обращения: 05.03.2019).

⁸ Tyndale. The Bible. URL: <https://www.elopos.net/elpenor/greek-texts/new-testament/> (дата обращения: 05.03.2019).

ствие имени Юпитера); в Библии короля Иакова⁹: “the great goddess Diana, and of the image which fell downe from Iupiter”.

Таким образом, возможно, что на решение авторов Нового Завета РБО оказала влияние именно западноевропейская традиция – тем более, что само создание названной версии не обошлось без английского влияния, а одним из его инициаторов был британский пастор Джон Патерсон. Отечественный библеист А.А. Алексеев, характеризуя данный перевод, которому он в целом дает весьма положительную оценку, отмечал, что «некоторые частные решения в этом переводе были сделаны с оглядкой на английский перевод Библии короля Иакова» [Алексеев, 2001: 33]. Конечно, сложно утверждать, что это имело место в данном конкретном случае, поскольку подобное параллельное употребление греческих и римских мифологических имен допускалось и в дальнейшем – ср. толкование лексемы *Дионет* в Библейской энциклопедии конца XIX в.: «Диопет (Деян. XIX, 35) (упавший от Юпитера) – статуя богини Артемиды в Ефесском храме, по народному преданию, получившая происхождение от Юпитера или Зевса»¹⁰.

Так или иначе, Синодальный перевод вернулся к греко-славянской репрезентации имени античной богини, сохранив даже вызывающего столь много замечаний *Дионета*. Примерно так же поступили создатели двух наиболее «славянизированных» версий Нового Завета: В.А. Жуковский и К.П. Победоносцев. Перевод В.А. Жуковского предшествовал Синодальному¹¹; там мы находим: «великую Артемиду и диопеть (образ) ея». У К.П. Победоносцева¹² – «великой богини Артемиды и Диопета (Зевсом посланного кумира)». Таким образом, оба автора сохранили мнимое имя собственное, но снабдили его пояснением, причем В.А. Жуковский написал его со строчной буквы и поставил при переходном глаголе форму винительного падежа, совпадающего не с родительным, а с именительным, подчеркнув тем самым, что речь идет о неодушевленном предмете.

Аналогичным образом (хотя и без *Дионета*) передается эта лексема и в новых русских переводах Библии, относящихся уже к нашему времени. Так, в Современном русском переводе Российского

---

⁹ King James Bible online. With Archaic English Spelling. URL: https://www.kingjamesbibleonline.org/1611_Acts-19-35/ (дата обращения: 05.09.2019).

¹⁰ Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия в двух книгах. Труд и издание архимандрита Никифора. М.: Типография А.Н. Снегиревой. Остоженка, Савеловский пер., собств. дом., 1891. Т. I. С. 494.

¹¹ Новый завет Господа нашего Иисуса Христа / Пер. В.А. Жуковского. Берлин: тип. П. Станкевича, 1895.

¹² Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа в новом русском переводе. Перевод К.П. Победоносцева. СПб.: Синодальная типография, 1907.

библейского общества¹³ читаем: «великой богини Артемиды и ее священного изображения, упавшего с неба»; в так называемой Заокской Библии под редакцией М.П. и М.М. Кулакова¹⁴ – «город Эфес – хранитель храма Артемиды и упавшего с неба *образа ее*». Таковую же репрезентацию находим в «Восточном» («Центральноазиатском») переводе, созданном специально для мусульманской аудитории¹⁵: «великой Артемиды и упавшего с небес ее изображения».

Обращение к некоторым позднейшим версиям англоязычной Библии также демонстрирует тенденцию перехода от латинизированной передачи имени античной богини к исходной греческой форме. Так, обстоит дело с *Good News Bible / Translation*, авторы которой опирались на концепцию динамической эквивалентности Ю. Найды¹⁶: “of the great Artemis and of the sacred stone that fell down from heaven”; с *New International Version*, создававшейся приблизительно в то же время (1960–1970-е годы) и с тех пор неоднократно редактировавшейся, порой весьма существенным образом¹⁷: “of the great Artemis and of her image, which fell from heaven” и др.

Особый интерес представляет Библия Лютера. В своем оригинальном виде (издание 1545 г.)¹⁸ интересующий нас фрагмент выглядит следующим образом: “der grossen Göttin Diana / vnd des himlischen Bildes”. Но в последней версии, подготовленной к пятистолетнему юбилею Реформации и выпущенной в 2017 г. (следует отметить, что она встретила неоднозначную реакцию)¹⁹, античной богине вернули ее греческий облик: “der großen Artemis <...> und ihres Bildes, das vom Himmel gefallen ist”.

---

¹³ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М., 2011.

¹⁴ Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / Под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. М., 2015.

¹⁵ Священное Писание. Восточный перевод. URL: <https://www.biblegateway.com/versions/%D0%A1%D0%B2%D1%8F%D1%89%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B5-%D0%9F%D0%B8%D1%81%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%92%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%87%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4-CARS/> (дата обращения: 12.03.2019).

¹⁶ Good News Translation. // The Bible. URL: <https://www.biblestudytools.com/gnt/> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁷ New International Version // Bible Gateway. URL: <https://www.biblegateway.com/versions/new-international-version-niv-bible> (дата обращения: 05.03.2019).

¹⁸ Lutherbibel 1545. Original Text. URL: <http://liederschatz.net/biblia/biblia2/> (дата обращения: 16.03.2019).

¹⁹ Lutherbibel 2017. Deutsche Bibelgesellschaft. URL: <https://www.die-bibel.de/index.php?id=399> (дата обращения: 05.03.2019).

Перейдем теперь к другому эпизоду Деяний (14: 12), где также упоминаются античные боги, за которых приняли апостола Павла и его спутника после чудесного исцеления хромого (ссылки на источники приведены в предыдущих примечаниях).

Греческий текст выглядит следующим образом: “ἐκάλουν τε τὸν μὲν Βαρνάβαν Δία, τὸν δὲ Παῦλον Ἑρμῆν, ἐπειδὴ αὐτὸς ἦν ὁ ἡγούμενος τοῦ λόγου”. Церковнославянский перевод соответственно: «Нарицаху же убо варнаву дия, павла же ермиа, понеже той бяше начальник слова».

Дий и *Ермий* могут показаться нынешнему русскому читателю не слишком знакомыми. В первом случае Елизаветинская Библия воспроизводит греческий оригинал – Дий в античной мифологии было одним из имен Зевса, а форма Ермий в славяно-русской традиции обычно применялась для передачи имени бога Гермеса (греч. Ἑρμῆς).

Создатели Синодального перевода «наполовину» модернизировали версию своих предшественников: «И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием, потому что он начальствовал в слове», то есть *Ермий* остался в привычном церковнославянском виде, но *Дия* решено было заменить более узнаваемым в XIX в. *Зевсом*. В.А. Жуковский сохраняет верность славянской передаче: «И называли Варнаву Діемъ, Павла же Эрміемъ, понеже онъ преимущественно говорилъ»; К.П. Победоносцев идет как будто путем Синодального перевода, но опять-таки вводя поясняющую единицу, поскольку Ермий для читателей начала XX в. был уже, вероятно, не слишком знакомой фигурой: «И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием (Гермесом), потому что он держал главную речь». Перевод РБО начала XIX столетия и здесь резко отличается от остальных, вновь прибегая к латинским именам: «И называли Варнаву Юпитером, а Павла Меркурием, потому что он первенствовал в слове».

Во всех упомянутых выше современных версиях перевода Священного Писания предлагаются практически одинаковые репрезентации. В Современном русском переводе РБО: «Варнаву они называли Зевсом, а Павла – Гермесом»; в Заокской Библии: «И стали называть Варнаву Зевсом, а Павла Гермесом»; в Восточном переводе также не проявляется каких-либо существенных отличий: «Они назвали Варнаву Зевсом, а Паула Гермесом».

Обратимся к европейской традиции. В Вульгате, как и следовало ожидать, даются имена римских богов: “et vocabant Barnabam Iovem Paulum vero Mercurium”. Такое же решение находим в английских версиях, опирающихся на нее. В Библии Уиклифа: “And thei clepiden

Barnabas Jubiter, and Poul Mercurie”; в Дуэйско-Реймской Библии: “And they called Barnabas, Jupiter: but Paul, Mercury”; в Библии Нокса: “They called Barnabas Jupiter, and Paul Mercury”.

Теперь о протестантских переводах. Здесь картина аналогична той, которую мы уже рассмотрели. У У. Тиндейла: “And they called Barnabas Iupiter and Paul Mercurius”. В Библии короля Иакова: “And they called Barnabas Iupiter, and Paul Mercurius”. Предсказуемое решение находим и в современных версиях. *Good News Bible / Translation* предлагает: “They gave Barnabas the name Zeus, and Paul the name Hermes”; *New International Version*: “Barnabas they called Zeus, and Paul they called Hermes”. Равным образом «выравнены» по греческому образцу интересующие нас имена и в новом издании Библии Лютера: если в тексте 1545 г. стоит: “Vnd nenneten Barnabam / Jupiter / vnd Paulum / Mercurius”, то в издании 2017 г. читаем: “Und sie nannten Barnabas Zeus und Paulus Hermes”.

Наиболее своеобразно переданы имена античных богов в Иерусалимских Библиях (*The Jerusalem Bible* 1966²⁰ и *The New Jerusalem Bible* 1985²¹), созданных в XX в. английскими католиками под влиянием их французских собратьев. Подчеркнем, что высокие качества перевода отмечали представители и других конфессий – так, митрополит Иларион указывал: «Опыт христианских церквей в других странах показывает, что переводы Писания на современный литературный язык – неотъемлемая часть диалога традиции и современности. В католической Церкви эта проблема была решена созданием таких переводов, сочетающих точность с литературными достоинствами, как французская *Bible de Jerusalem* или английская *Jerusalem Bible*» [Митрополит Иларион, 2013]. Схожую мысль находим у отечественного библеиста А.С. Десницкого: «Католическая английская Библия – это лучшее, что есть в глобальном масштабе» [Десницкий].

Тем интереснее, что при разрешении данного вопроса ее создатели проявляют своеобразный «греко-латинский эклектизм». Так, «эфесский эпизод» (Acts 19: 35) выглядит следующим образом: “of great Diana and of her statue that fell from heaven”, тогда как попытка обожествления апостола Павла и его спутника в (Acts 14: 12) передана уже с использованием греческих имен: “They addressed Barnabas as Zeus, and <...> Paul <...> Hermes”.

---

²⁰ The Jerusalem Bible. Garden City, New York; London: Doubleday; Darton, Longman and Todd, 1966.

²¹ The New Jerusalem Bible. New York; London: Doubleday; Darton, Longman and Todd, 1985.

Заметим, что во французской *La Bible de Jerusalem*²², послужившей образцом для английской версии, подобная двойственность отсутствует: “de la grande Artémis et de sa statue tombée du ciel”; “Ils appelaient Barnabé Zeus et Paul Hermès”.

Таким образом, как в русской, так и в западной традиции наблюдается разнообразие при воспроизведении встречающихся в тексте Деяний святых апостолов имен персонажей античной мифологии. При этом для отечественных переводов в целом, за исключением версии Российского библейского общества, создававшейся в первой четверти XIX в., характерна несомненная ориентация на использование греческих имен, что соответствует как языку оригинала, так и православной традиции, хотя их конкретная форма может варьироваться. Для европейских переводов, начиная с латинской Вульгаты, напротив, можно, с одной стороны, отметить тенденцию к «романизации» (причем не только в переводах с латинского текста, но и в ряде классических версий, передававшихся непосредственно с оригинала), а с другой – стремление к «грецизации», наблюдаемое в современных изданиях, хотя в отдельных переводах оно могло носить не вполне последовательный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.А.* Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 г. // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2001. С. 7–38.
2. *Десницкий А.С.* Типичные ошибки толкователей и погрешности в восприятии библейского текста. URL: <https://predanie.ru/desnickiy-andrey-sergeevich/book/216966-tipichnye-oshibki-tolkovateley-i-pogreshnosti-vo-spriyatiiya-bibleyskogo-teksta/> (дата обращения: 07.01.2019).
3. Милославский И.Г. Цель как характеристика лингвистического исследования // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 9–23.
4. Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). История и значение Синодального перевода Библии // Русская Православная Церковь. 4 октября 2016 года. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4630008.html> (дата обращения: 06.03.2019).
5. *Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев).* Переводы Библии: история и современность // Русская Православная Церковь.

---

²² *La Bible de Jerusalem.* URL: https://www.bible-center.ru/ru/bibletext/jerusalem_fr/ge/4#ed_sel=jerusalem_fr (дата обращения 09.03.2019).

Отдел внешних церковных связей. 26.11.2013. URL: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/> (дата обращения: 06.03.2019).

6. *Тарасенко Т.В., Керо Хервилья Э.Ф.* Повседневная культура и ее элементы в художественном и переводном тексте (На материале переводов на испанский язык романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 3. С. 14–26.
7. *Циркин Ю.Б.* Мифы Древнего Рима. М., 2004.

Georgy T. Khukhuni, Irina I. Valuitseva, Anna A. Osipova

ARTEMIS OR DIANA?

(THE REPRESENTATION OF THE ANCIENT MYTHOLOGICAL CHARACTERS IN NEW TESTAMENT TRANSLATIONS)

*Moscow Region State University
24 Vera Voloshina street, Mytishchi, Moscow Region, 141014*

*Moscow State Pedagogical University
Moscow, 1/1 M. Pirogovskaya Str., 119991*

The present paper deals with the representation of the names of the ancient gods in New Testament translations. In the text of the original which was Greek the names of gods were naturally Greek. But as in Antiquity the characters of the Greek mythology were identified with the Roman ones, the text of the Vulgate renders them in Latinized form. Because in Europe before the Reformation the Latin translation was the main and the most authoritative version of the Holy Writ, it had been used as the source text for the rendering of the Bible, even by the authors, who were opposed to Catholic Church (e.g. Wycliffe). After the Reformation, the Catholic translators continued the use of the Vulgate as the original even until the middle of the 20th century. In contrast to them, the Protestants translated the Bible almost exclusively from Hebrew and Greek texts, but often retained the Latin names of the Greek gods until approximately the same period. The Russian tradition of translating the Bible is characterized by some peculiarities. On the one hand, there was a general orientation towards the Greek and Church Slavonic texts; on the other, the influence of the Latin forms also occurred in the early New Testament version edited by the Russian Bible Society in the first quarter of the 19th century.

Key words: Artemis; Zeus; Diana; Jupiter; Hermes; Mercurius; New Testament; Greek; Latin; original; translation; tradition; European; Russian; language.

About authors: *Georgy T. Khukhuni* – Dr. habil in Philology, Head of the Department of Language Theory and English Studies at Moscow Region State University (e-mail: khukhuni@mail.ru); *Irina I. Valuitseva* – Dr. habil in Philology, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow Region State University (e-mail: irinaiv-v@yandex.ru); *Anna A. Osipova* – Dr. habil in Philology, Professor of the Department of the Theory and Practice of Translation and Communication, Moscow State Pedagogical University (e-mail: assya@yandex.ru).

REFERENCES

1. Alekseev A.A. 2001. Pervyi russkii perevod Novogo Zaveta v izdanii 1823 g. [First Russian Translation of the New Testament 1823 Edition]. *Rol' perevodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavyanskikh literaturnykh yazykov*. Moscow, Institut slavyanovedeniya, pp. 7–38. (In Russ.)
2. Desnitskii A.S. *Tipichnye oshibki tolkovatelei i pogreshnosti v vospriyatii bibleiskogo teksta* [Typical Errors of the Bible Text Commentators]. URL: <https://predanie.ru/desnitskiy-andrey-sergeevich/book/216966-tipichnye-oshibki-tolkovateley-i-pogreshnosti-vospriyatiya-bibleyskogo-teksta/> (accessed: 07.01.2019). (In Russ.)
3. Miloslavskiy I. 2017. Cel' kak harakteristika lingvisticheskogo issledovaniya ["Target" as a characteristic of the linguistic research]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–23. (In Russ.)
4. Mitropolit Volokolamskii Ilarion (Alfeev). 2016. Istoriya i znachenie Sinodal'nogo perevoda Biblii. [History and Meaning of the Synodal Translation of the Bible] *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4630008.html> (accessed: 06.03.2019). (In Russ.)
5. Mitropolit Volokolamskii Ilarion (Alfeev). 2013. Perevody Biblii: istoriya i sovremenost' [Bible Translations: History and Modern Times] *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'. Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazei*. URL: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/> (accessed: 06.03.2019). (In Russ.)
6. Tarasenko T.V., Kero Hervilya E.F. 2016. Povsednevnyaya kul'tura i ee elementy v hudozhestvennom i perevodnom tekste (Na materiale perevodov na ispanskij yazyk romana M.A. Bulgakova "Master i Margarita") [Elements of everyday culture in literature and translated texts (based on the translations of the master and margarita novel by Mikhail Bulgakov)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 14–26. (In Russ.)
7. Tsirkin Yu.B. 2004. *Mify Drevnego Rima* [Myths of the Ancient Rome]. Moscow, OOO Izdatel'stvo Astrel'. (In Russ.)

А.Ю. Калинин

ПРАГМАТИЧЕСКИ ДЕТЕРМИНИРОВАННЫЕ ПРИЕМЫ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО МЕДИАПЕРЕВОДА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»,
119991, Россия, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1*

Статья посвящена проблемам перевода в аудиовизуальных СМИ, выполненного в технологии войсовер (перевод для закадрового озвучивания). Аудиовизуальный перевод понимается как межъязыковой трансфер вербального компонента многоуровневого полимодального текста и отличается целым рядом особенностей, существенно ограничивающих свободу переводчика в выборе стратегий, тактик и приемов перевода. Наиболее значимы, на наш взгляд, временные ограничения, требования синхронизации звучания переводного текста с компонентами видеоряда, а также психофизиологические параметры восприятия перевода на слух. В связи с этим очевидно, что традиционные представления о переводческой эквивалентности, которые формировались на основе анализа образцов письменного, преимущественно литературного, перевода не всегда оказываются релевантными применительно к звучащему медиaperеводу, а значит, требуют пересмотра в русле коммуникативно-функционального подхода. В то же время в сопоставительной стилистике и лингвистическом переводоведении разработана обширная таксономия переводческих операций, обладающая значительным дескриптивным потенциалом. По этой причине в настоящей статье используется типологический арсенал переводческих преобразований, описанных в классических работах трансформационного толка (транспозиция, эквиваленция, модуляция и адаптация). Вместе с тем в качестве предмета исследования выступают приемы перевода, детерминированные не структурно-языковой асимметрией, а расхождениями в культурно-когнитивном репертуаре носителей исходного и переводящего языков, а также специфическими условиями многоканального восприятия аудиовизуальных медиатекстов.

Ключевые слова: аудиовизуальные СМИ; аудиовизуальный медиaperевод; войсовер; «прямой» и «косвенный» перевод; способы перевода; приемы перевода; транспозиция; модуляция; эквиваленция; адаптация.

Сегодня ни для кого не секрет, что аудиовизуальный перевод (АВП) вообще и перевод материалов аудиовизуальных СМИ в частности отличаются от других видов переводческой деятельности

Калинин Андрей Юрьевич – старший преподаватель кафедры французского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a_kalinine@mail.ru).

целым рядом принципиально важных особенностей, связанных как с целями и технологическими параметрами его выполнения, так и с формой предъявления переводного контента реципиентам. Очевидно, что с позиций коммуникативно-функционального подхода [Молчанова, 2015] представления о переводческой эквивалентности, сформировавшиеся в рамках трансформационных теорий перевода, не всегда применимы к АВП, ввиду его концептуальной специфики. Главным отличием аудиовизуального АВП от межъязыкового трансфера в других областях является тот факт, что в качестве его объекта выступает *многомерный полимодальный текст*, сочетающий элементы разнообразных семиотических систем. Наличие динамического изображения, которому присущи смена планов и особая эстетика развертывания, может существенно ограничивать возможности перевода во временном и содержательном отношениях: обязательным требованием к тексту перевода, независимо от того, представлен он в виде субтитров или в голосовой форме, здесь является синхронизация вербальной информации с компонентами оригинального видеоряда. По этой причине некоторые исследователи, говоря об АВП, используют термин *ограниченный перевод* (*constrained translation*) [Mayoral и др., 1988].

Существуют и специфические черты, характерные для отдельных разновидностей АВП. Такая специфика обусловлена функциональной направленностью того или иного объекта экранного трансфера. Очевидно, что в киножанрах (игровые и анимационные фильмы) будут преобладать эстетическая и дивертивная функции, тогда как для медиаперевода функциональной доминантой является информационная и суггестивно-дидактическая направленность аудиовизуального произведения. Наконец, в АВП присутствуют и такие ограничения, которые связаны с технологиями, избранными для его выполнения. Так, технология *войсвер* (от англ. *voice-over*, перевод для закадрового озвучивания), исследуемая в настоящей работе, в отличие от полного дубляжа (*lip sync dubbing*), предусматривает не только сохранение оригинальной аудиодорожки в приглушенном виде, но и некоторое отставание звучащего перевода от нее с тем, чтобы создать у зрителей хотя бы самое общее представление о звучании исходного аудиоряда и ощущение вторичности предназначенного для них текста [Калинин, 2019].

При рассмотрении телеологических аспектов использования тех или иных способов и приемов перевода не стоит забывать и о факторе формы предъявления переводного текста (ПТ) реципиентам. В ситуации перевода публицистических материалов на телевидении в технологии *войсвер* переводной контент поступает зрительской аудитории в голосовой форме. Вместе с тем восприятие вербальной

составляющей телевизионного ПТ на слух должно быть максимально естественным и незатрудненным, поэтому обеспечение органичности звучания для реципиентов устных (прямая речь персонажей) и псевдоустных (закадровый комментарий) фрагментов ПТ является не менее, если не более, значимым требованием, предъявляемым к данной разновидности перевода, нежели точность в передаче значений отдельных компонентов исходных высказываний. Из этого обстоятельства вытекает нежелательность, а иногда и недопустимость развернутых экспликаций и переводческого комментирования, которые широко применяются в практике письменного перевода литературных, публицистических, научных и научно-популярных текстов. Отсюда возникает объективная потребность в обращении к приемам перевода, который авторы «Сопоставительной стилистики французского и английского языков» Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне называли «косвенным» [Vinay, Darbelnet, 1958], а мы вслед за Д. Селескович и М. Ледерер рассматриваем как приемы, соотносящиеся с *интерпретационным способом* перевода. Последний приобретает особую актуальность, когда переводчику приходится иметь дело с проблемой передачи в АВП номинаций культурных и идеологических концептов, специфичных для концептуально-языковой картины мира носителей исходного языка (ИЯ), исторических, географических, идеологических и социальных реалий, незнакомых для среднестатистического иностранного телезрителя.

Практика перевода для закадрового озвучивания в аудиовизуальных СМИ предоставляет богатый материал для анализа приемов интерпретационного способа перевода. Именно поэтому материалом для исследования, положенного в основу настоящей статьи, послужили телепередачи из рубрики *Focus* производства многоязычной группы телеканалов *Евроьюс*. Данные аудиовизуальные тексты могут быть отнесены к особому медиажанру *feature* [Добросклонская, 2013], т.е. кратких телепрограмм, посвященных определенной теме. Корпус исследования составили оригинальные аудиовизуальные произведения вышеуказанного жанра и их переводы в языковой триаде русский – английский – французский языки, предназначенные для трансляции на соответствующем канале. Все переводы выполнены в технологии *войсвер* или *полудубляжа*, т.е. подготовленного перевода для одно- или двухголосного закадрового озвучивания. Лимитированный объем статьи заставляет нас ограничиться рассмотрением лишь некоторых случаев использования приемов *транспозиции*, *модуляции*, *эквиваленции* и *адаптации* на примере перевода на английский и французский языки одного из выпусков программы телеканала *Евроьюс на русском*, озаглавленного «*БАМ: возвращение советской мечты*».

Данный выпуск посвящен истории и современным проблемам российских территорий, через которые прошла Байкало-Амурская магистраль, ставшая крупнейшим инфраструктурным проектом советской эпохи. Очевидно, что сама тема телепередачи предполагает постоянные отсылки в ИТ к концептам советской и российской культур, различного рода реалиям, номинации которых не могут быть переведены на иностранный язык без той или иной доли переосмысления, с одной стороны, и учета ограничений, которые накладывают прагматические параметры аудиовизуального медиатранслата, – с другой. Иногда и вся ситуация, представленная в ИТ, в целом требует особых средств ее описания в английском и/или французском языках. Приведем несколько примеров переводческих приемов, использованных для передачи подобных контекстов (таблица).

Транспозиция

Под транспозицией принято понимать прием, «который состоит в замене одной части речи другой частью речи без изменения смысла всего сообщения» [Вине, Дарбельне, 1978: 160]. Такая операция тривиальна в любом виде перевода и связана с правилами сочетаемости слов в ПЯ и его стилистическими нормами (пример 4: рус. *после сворачивания большинства проектов* и англ. *as mining and other projects were cancelled*). Однако при изучении АВП, предназначенного для восприятия на слух, значительно больший интерес представляют случаи транспозиции со смещением элементов высказывания. Такие сдвиги затрудняют автоматическое выравнивание записанных текстов оригинала и перевода, и на первый взгляд создают впечатление нарушения соответствия между ними (пример 3), однако в действительности эквивалентность здесь устанавливается на уровне речевых единиц более высокого порядка, которые при описании устной речи иногда называют фоноабзацами [Попова, 2012]: рус. *всесоюзная комсомольская стройка* – англ. *built by young activists from across the Soviet Union* – фр. *jeunes communistes venus de toute l'Union soviétique*).

Модуляция

Для Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне модуляция – это «варьирование сообщения, чего можно достичь, изменив угол или точку зрения» [Вине, Дарбельне, 1978: 160]. Однако в том случае, если обязательная модуляция возникает там, где «дословный или даже транспонированный перевод приводит в результате к высказыванию грамматически правильному, но противоречащему духу языка перевода» [там

Избранные фрагменты транскриптов переводов для закадрового озвучивания телепрограммы канала «Евроњьюс на русском» (фразовое членение и пунктуация условны)

<i>БАМ: возвращение советской мечты (ИТ на рус. яз.)</i>	<i>BAM: a Soviet dream back on track (ИТ на англ. яз.)</i>	<i>Ligne ferroviaire Baïkal-Amour: la renaissance d'un r�ve sovi�tique (ИТ на фр. яз.)</i>
1. Сегодня, 40 лет спустя, железная дорога остается главной экономической опорой региона	Forty years later, the railroad remains an isolated backbone of the region	Aujourd'hui, cette ligne ferroviaire constitue encore l'�pine dorsale de la r�gion
2. Эти дальневосточные земли были слабо заселены до начала строительства Байкало-Амурской магистрали – БАМа	This remote far eastern land was barely inhabited when the construction of BAM, the Baikal-Amur Mainline, began	C'est ainsi qu'il y a quarante ans, dans ce territoire de Sib�rie orientale quasiment inhabit�, fut construite la Baïkal-Amour Magistrale dite la BAM
3. БАМ был объявлен все-союзной ударной комсомольской стройкой. Десятки тысяч молодых людей откликнулись на романтический призыв	It was built by tens of thousands of young activists, attracted from across the Soviet Union by the call of this romantic, epic undertaking	Des dizaines de milliers de jeunes communistes venus de toute l'Union sovi�tique ont r�pondu � l'appel de la construction de cette ligne, exalt�s par ce qu'on surnommait � l'�poque, "le projet du si�cle"
4. Однако при огромных затратах отдача оказалась низкой. Люди начали уезжать, а городки – приходить в упадок после сворачивания большинства проектов разработки залежей	But very soon inefficiency began to take a heavy toll. The workers' towns fell into decay, losing half their populations as mining and other projects were cancelled	Mais tr�s vite, ce projet – v�ritable gouffre financier – a �t� lourd � supporter : les villes nouvelles construites pour accueillir les ouvriers ont �t� peu � peu abandonn�es apr�s l'annulation de la plupart des projets miniers et industriels
5. ...вслед за распадом СССР БАМ был объявлен нежизнеспособным	... in the 1990s, the railroad was pronounced non-viable	...apr�s le d�mant�lement du syst�me communiste, cette ligne sous-utilis�e a �t� d�clar�e non-viable �conomiquement

же], – свободная модуляция представляет собой не что иное, как тактическое решение переводчика выйти за пределы узкого микроконтекста, являющееся результатом глобального понимания описываемой ситуации и стремления дать наиболее адекватное представление о ней получателям перевода. Иными словами, речь идет о модуляции, детерминированной прагматически. В примере 1 словосочетание *главная экономическая опора региона* передано и на английском, и на французском языках через эквиваленцию (см. ниже) с анатомической метафорической основой: англ. *backbone of the region*; фр. * pine dorsale de la r gion*. Однако в переводе на английский

язык добавлено еще и причастие *isolated*, которое вероятно призвано подчеркнуть тот факт, что в масштабах России БАМ предстает как удаленная, замкнутая и слабо связанная с остальной железнодорожной сетью страны ветка, имеющая только региональное значение. Данный пример иллюстрирует модуляцию особого рода – *семантическую амплификацию*. В том же ключе можно рассматривать и фрагмент примера 5 (русс. БАМ был объявлен нежизнеспособным и фр. *cette ligne sous-utilisée a été déclarée non-viable économiquement*).

Эквиваленция

Приемом эквиваленции в «Сравнительной стилистике...» называется использование совершенно разнородных стилистических и структурных средств для описания одной и той же ситуации [Вине, Дарбельне, 1978]. Эквиваленция – чрезвычайно распространенный прием перевода медиатекстов, в которых зримый или невидимый на экране рассказчик ведет разговор со зрителем. Мы уже отмечали выше вариант замены в примере 1 метафорической основы при передаче идеи о важности БАМа для всего региона (*opora – backbone – épine dorsale*). Не менее показательным является пример 5, в котором приведены варианты перевода именной группы *вслед за распадом СССР*. В переводе на английский язык был сделан выбор в пользу обозначения эпохи: *in the 1990s*. Очевидно, что конструкция с предлогом *вслед за* отвечает на вопрос *когда?* И, несмотря на то, что субстантивированное числительное *1990s* не может считаться вариантом межъязыкового соответствия словосочетания *распад СССР*, выбор переводчика в пользу такой эквиваленции представляется оправданным. Если в современной языковой картине мира носителей русского языка это словосочетание является концептуализированным, то для основной массы носителей английского языка и культуры указанные события хоть и известны, но, по всей вероятности, не воспринимаются как эпохальные, а значит, воспроизведение в ПТ его английского соответствия *dissolution of the USSR*, возможно потребовало бы дополнительных уточнений относительно его датировки, что мало сообразуется с требованиями экономии времени и легкости восприятия телепередач общекультурного содержания.

Адаптация

Адаптацию Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне считали исключительным, «предельным» приемом перевода, применимым лишь «к случаям, когда ситуация, о которой идет речь в исходном языке, не

существует в языке перевода и должна быть передана через посредство другой ситуации, которую мы считаем эквивалентной» [Вине, Дарбельне 1978: 160]. Более того, на наш взгляд, адаптация представляет собой прием одновременно и наиболее ориентированный на получателя переводной информации (а значит, по определению, органичный для ПЯ), и наиболее рискованный с точки зрения обеспечения эквивалентности ИТ и ПТ. Для того, чтобы адаптация оказалась уместной и адекватной, от переводчика требуется не только доскональное понимание ситуации, представленной в ИТ, но и осознание неизбежных потерь при подборе ее аналога в культуре ПЯ [Вербицкая, Игнатович, 2011]. В то же время такие потери могут компенсироваться естественностью восприятия адаптированного компонента ПТ реципиентами, что имеет первостепенное значение в аудиовизуальном медиапереводе, воспринимаемом на слух.

В примере 4 русское существительное *городки* передано на французский язык с помощью фразеологизированного словосочетания *villes nouvelles*. Для русскоязычного зрителя очевидно, что речь здесь идет о тех город(к)ах, которые возникали вдоль маршрута строительства БАМа изначально для проживания строителей и работников угольных предприятий, а затем для обеспечения функционирования магистрали. Французский концепт *ville nouvelle* имеет совершенно иную историю. Так называли города, которые строились во Франции в 1960-1970-е годы в рамках государственной программы децентрализации на удалении от крупных агломераций и изначально имели всю необходимую инфраструктуру и рабочие места¹. При всей несхожести упомянутых денотатов, очевидно, что их объединяют как минимум две концептуально значимые семы: населенные пункты, построенные «с нуля», а не в результате расширения существующих мегаполисов, (1) и там, где создавались новые рабочие места (2). А с учетом того, что концепт *ville nouvelle* привычен для французской аудитории и не требует дополнительных комментариев, такую адаптацию можно считать удачной. Две реалии и два несоответствующих концепта разных языковых картин мира могут, с определенными оговорками, рассматриваться как параллельные, а адаптирующий прием перевода, который состоит в использовании номинации параллельного концепта, можно определить как *концептуальную аппроксимацию*.

Однако, как уже отмечалось, прием адаптации должен использоваться с осторожностью. Пример 3 показывает, что при передаче на

---

¹ Pitte J.-R. Qu'est-ce qu'une «ville nouvelle»? URL: www.canalacademie.com/ida10074-Qu-est-ce-qu-une-ville-nouvelle-par-Jean-Robert-Pitte.html (дата обращения: 01.11.2019).

английский язык номинации идеологического концепта *комсомольская стройка*, переводчик использовал конструкцию (*built by*) *young activists*. По всей вероятности, калька (*Komsomol*) в данном контексте аудиовизуального перевода вряд ли обеспечивала бы среднестатистическому англоязычному зрителю однозначное и незатрудненное понимание ситуации. Вместе с тем выбранный вариант адаптации вызывает сомнения, принимая во внимание значения слова *activist* в английском языке: “a person who believes strongly in political or social change and takes part in activities such as public protests to try to make this happen”² или же “a person who uses or supports strong actions (such as public protests) in support of or opposition to one side of a controversial issue”³.

Для отечественного зрителя очевидно, что во времена существования СССР комсомольцы не участвовали ни в протестных движениях, ни в борьбе за радикальные социально-политические изменения в стране, а всего лишь являлись членами высокоформализованной и официальной молодежной коммунистической организации. Отсюда модуляция, использованная при переводе на французский язык (*jeunes communistes*), представляется вполне приемлемой, тогда как адаптация, реализованная в переводе на английский, на наш взгляд, не оправдана. В развитие хода рассуждений переводчика, выполнявшего перевод на французский язык, можно выдвинуть гипотезу о том, что в рассматриваемом контексте была бы допустима и более радикальная модуляция – метонимическая: фр. *les jeunes*, англ. *youngsters*, поскольку в 1970-е годы в нашей стране сам по себе факт членства в ВЛКСМ вовсе не означал глубинных коммунистических убеждений, а *комсомольские стройки* были прежде всего *молодежными*.

Подводя итог проделанному анализу, хотелось бы подчеркнуть: в его задачу входило продемонстрировать, что традиционные приемы перевода, которые были описаны еще на заре существования научного переводоведения, предстают в новом свете при изучении отдельных сфер переводческой деятельности в современных условиях (в нашем случае аудиовизуального медиаперевода), поскольку могут быть детерминированы не только лингвистическими, но и прагматическими факторами. Если классические теории перевода трансформационного толка усматривают необходимость таких преобразований прежде всего в феномене межъязыковой асимметрии,

---

² Cambridge Dictionary. URL: www.dictionary.cambridge.org/dictionary/english/ (дата обращения: 01.11.2019).

³ Merriam-Webster Dictionary. URL: www.merriam-webster.com/dictionary (дата обращения: 01.11.2019).

то наблюдения над практикой перевода в аудиовизуальных СМИ показывают, что они подчас обусловлены и фактами внеязыковой действительности. Во-первых, это асимметрия межкультурная, т.е. наличие у носителей контактирующих в процессе перевода языков разных фоновых знаний, концептуально-языковых картин мира, коллективного когнитивного опыта. Во-вторых, – требования и эстетические каноны, связанные с прагматическими аспектами технологий выполнения перевода, традициями форм и процессуальных характеристик предъявления переводного контента реципиентам и наконец, с психолингвистическими и психофизиологическими параметрами восприятия многоканальных текстов. Столь разнородные факторы, с одной стороны, накладывают на переводчика целый ряд принципиальных ограничений, а с другой – несомненно предопределяют направления поиска релевантных приемов перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вербицкая М.В., Игнатович М.В.* Роль, место и особенности культурной адаптации при переводе культурно-специфических интертекстуальных включений (на материале романов Т. Пратчетта) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2011. № 3. С. 86–92.
2. *Вине Ж.-П., Дарбельне Ж.* Технические способы перевода (Пер. с фр.) // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.* М., 1978. С. 157–167.
3. *Добросклонская Т.Г.* Вопросы изучения медиатекстов. 4-е изд. М., 2013.
4. *Калинин А.Ю.* К вопросу о таксономии аудиовизуального перевода в СМИ // *Теория языка и межкульт. комму-ция.* 2019. № 4 (35). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/13_Калинин.pdf (дата обращения: 24.12.2019).
5. *Молчанова Г.Г.* Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* 2015. № 3. С. 9–21.
6. *Потанова Р.К.* Речевая коммуникация: от звука к высказыванию. М., 2012.
7. *Mayoral R., Kelly D., Gallardo, N.* Concept of Constrained Translation. *Non-Linguistic Perspectives of Translation // Meta.* 1988. № 33 (3). P. 356–367.
8. *Vinay J.-P., Darbelnet J.* *Stylistique comparée du français et de l'anglais.* P., 1958.

Andrei Y. Kalinin

PRAGMATICS-DRIVEN TECHNIQUES OF AUDIOVISUAL MEDIA TRANSLATION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article focuses on some issues of audiovisual translation, executed in voice-over mode within the scope of audiovisual media. Audiovisual translation is regarded as an interlingual transfer of the verbal component of layered multimodal

texts that is characterized by a range of constraints that allow little latitude in the translator's choice of pertinent translation strategies, procedures and techniques. The most significant to be mentioned are the time constraints, the requirements for synchronizing the sounding of the translated voice-over with the shots and frames of the video sequence, as well as the psychophysiological parameters of the perception of the translated content by ear. In this regard, it seems obvious that the traditional concepts of translation equivalence, which were posited on the basis of written, mainly literary, translations analysis, do not always turn out to be relevant as far as revoicing in media workflow is concerned, and therefore require to be revisited in the light of the communicative-functional approach. However, Comparative Stylistics and linguistics-oriented Translation Studies, contributed largely to building up an extensive taxonomy of translation operations, which have significant descriptive potential. For this reason, the present article uses the typological arsenal of translation techniques depicted by the seminal works which developed within the framework of transformation-centered approach (transposition, equivalence, modulation and adaptation). Nevertheless, the study focuses on the translation techniques the usage of which is motivated not by structural language asymmetry, but rather by discrepancies in the cultural and cognitive repertoire of the source and target languages speakers, as well as by specific conditions of multichannel perception of audiovisual media texts.

Key words: audiovisual media; audiovisual translation; voice-over; “direct” and “oblique” translation; translation mode; translation technique; transposition; modulation; equivalence; adaptation.

About the author: *Andrei Y. Kalinin* – is a conference interpreter and Assistant Professor at the Department of French Language of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a_kalinine@mail.ru).

REFERENCES

1. Verbickaja M.V., Ignatovich M.V. 2011. Rol', mesto i osobennosti kul'turnoj adaptacii pri perevode kul'turnospecificicheskikh intertekstual'nyh vkljuchenij (na materiale romanov T. Pratchetta) [Role, scope and peculiarities of cultural adaptation in culture-specific intertextual elements (showcased by translations of T. Pratchett's romans)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 86–92. (In Russ.)
2. Vine Zh.-P., Darbel'ne Zh. 1978. Tehnicheskie sposoby perevoda (Per. s fr.) [Translation techniques]. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* [Issues of Translation theory in foreign Linguistics (Translated from French)]. Moscow, pp. 157–167. (In Russ.)
3. Dobrosklonskaja T.G. 2013 *Voprosy izuchenija mediatekstov. Izdanie chetvortoe* [Issues of media text research. Fourth edition]. Moscow. (In Russ.)
4. Kalinin A.Y. 2019. K voprosu o taksonomii audiovizual'nogo perevoda v SMI [Towards a taxonomy of audiovisual media translation]. *Teorija. jazyka. i mezhkul'turnaja. Kommunikacija* [Language theory and Intercultural Communication], no. 4 (35). URL: https://api-mag.kursksu.ru/media/pdf/13_Kalinin.pdf (accessed: 24.12.2019). (In Russ.)

5. Molchanova G.G. 2015. Kommunikativno-funkcional'naja teorija perevoda kak vid variativnoj interpretacii dejstvitel'nosti [*Functionalist and communicative approach to translation as a way of interpreting reality*]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 9–21. (In Russ.)
6. Potapova R.K. 2012. *Rehevaja komunikacija: ot zvuka k vyskazyvaniju* [Verbal communication: from sound to utterance]. Moscow. (In Russ.)
7. Titford Ch. 1982. Sub-titling: constrained translation. *Lebende Sprachen*, no. 27(3), pp. 113–116.
8. Vinay J.-P., Darbelnet J. 1958. *Stylistique comparée du français et de l'anglais*. Paris, Didier, 1958.

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КУЛЬТУРЫ

А.В. Павловская

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В МЕЖДУНАРОДНОМ ОБРАЗОВАНИИ: К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья продолжает тему, начатую в предыдущем номере, касательно необходимости пересмотра подходов к проблемам межкультурного общения в глобальном мире. Теперь речь идет о конкретных вопросах, связанных с проблемами межкультурной коммуникации в международном образовании, а еще точнее, с проблемами обучения студентов из Китая, приезжающих учиться в Россию. Поток их все растет, с ним растут и проблемы, касающиеся как преподавателей, столкнувшихся с новыми задачами, так и студентов, оказавшихся в новой среде, к существованию в которой они чаще всего бывают не подготовлены. Речь идет не о преподавателях русского как иностранного, получивших специальное образование и имеющих большой опыт в работе с иностранцами, а о тех специалистах, кто ведет свой предмет – от физиков до лириков – иностранной группе, не имея при этом специальной подготовки. И таких теперь большинство. К сожалению, знания двух соседних народов друг о друге довольно ограничены. Преподаватели, чаще всего, не учитывают ни особенности системы образования в Китае, ни традиции общения между учеником и учителем, ни менталитет. В свою очередь, студенты приезжают учиться в Россию, будучи практически незнакомы с особенностями жизни, обучения и общения в этой стране. В статье рассматриваются конкретные ситуации конфликта культур в учебной аудитории и предлагаются возможные варианты выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: международное образование; межкультурная коммуникация; русско-китайские отношения; национальные менталитеты; традиции образования; адаптация; иностранные студенты; конфликт культур.

Сегодня вопросы взаимодействия России с все более активизирующимися во внешнем мире народами восточной Азии, в первую

Павловская Анна Валентиновна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: annapavl@mail.ru).

очередь с Китаем, вышли на новый уровень. В последние годы российские университеты столкнулись со значительным увеличением числа китайских студентов. Процесс этот стремителен и пока еще, по прогнозам, не достиг своего пика. Согласно правительственным данным, число граждан Китая, обучающихся в России за шесть лет, увеличилось вдвое и на сегодняшний день составляет около 30 тыс. человек. Есть и встреченный процесс, неуклонно растет число российских учащихся в китайских вузах, оно достигло 18 тыс.¹

Российские вузы имеют давнюю историю работы с иностранными студентами вообще, а с китайскими в частности. Однако столь значительный поток учащихся оказался серьезным испытанием для многих из них, так же, как и для студентов. Речь идет о культурном взаимодействии на самом разном уровне – от учебной аудитории до выездной практики, от жизни в общежитии до похода в магазин.

Ситуация складывается парадоксальная. Во всем мире китайские студенты и стажеры знамениты своей трудоспособностью, упорством, ответственным отношением к делу. В 1995 г. я получила грант на проведение научной работы в Amherst College (Massachusetts), победителей было трое, кроме меня историк англичанин и химик китаец. На последнем все полгода держалась целая лаборатория: он уходил на работу в 6 утра и возвращался в 12. Как оказалось, он выращивал какой-то особенный кристалл, который кроме него никто не мог вырастить. Мне объяснили, что американские сотрудники лаборатории имеют жестко ограниченный законодательством рабочий день, обязательные перерывы на еду, чай, кофе, не говоря уже о библиотечных днях, отпусках и т.д. А кристалл нуждался в постоянном внимании. Только китайский стажер, со своим упорством, трудолюбием, пренебрежением к личному времени, ответственностью за порученное дело смог завершить важную работу.

В нашей же стране на сегодняшний день китайские студенты успели приобрести репутацию хитрецов и прогульщиков, пропускающих занятия, не выполняющих задания и недобросовестно относящихся к своим обязанностям. В прессе встречаются объяснения, что в Россию де едут те, кого можно назвать «четвертой» волной китайских учащихся: первая едет в Великобританию и другие европейские страны, вторая в США, третья в Австралию и лишь четвертая к нам. Однако теоретически это ничуть не объясняет ситуацию, поскольку выбор скорее связан с финансовыми возможностями учащихся, а не с их потенциальными способностями.

---

¹ «Голикова сообщила о росте числа китайских студентов в России». РИА новости, 13 июня 2018. URL: <https://ria.ru/20180613/1522613954.html> (дата обращения: 07.10. 2019).

Другое дело, что университеты вышеперечисленных стран требуют для поступления определенный уровень владения английским языком, подтвержденный международными экзаменами, в то время как мы довольствуемся внутренними вступительными испытаниями в вузах.

В чем же кроется причина трудностей, с которыми столкнулись и российские преподаватели², и китайские студенты.

Начнем с того, что можно назвать социально-психологическими причинами. Речь идет о сложностях идентификации и самоидентификации, отсутствии знаний о характере и образе жизни народов, вступающих в общение. Это рождает непонимание, отчуждение, чувство неуверенности, даже страх, тормозит работу и нормальное общение. На первый взгляд, мы много знаем о Китае и китайцах, кажется, больше, чем о других народах. Мы помним, что мы соседи, что исторически мы были связаны торговыми узами, а в отдельные периоды XX в. были близкими друзьями и союзниками, противостояли мировому империализму. По сути, все это сводится для многих представителей старшего поколения к воспоминаниям о китайских термосах, которые бережно хранились в советских семьях и к тому, что «русский с китайцем братья навек». Песня была задорная и сейчас слушается с удовольствием.

Однако если мы копнем немного глубже, окажется, что мы крайне мало знаем о своем «младшем» и таком многочисленном брате. За долгую историю государства российского мы прошли через духовное единение с Византией, культурное взаимодействие с Италией, преклонение перед Германией, восхищение Англией, подражание Франции, копирование американского образа жизни. Запад вообще, и Европа в особенности, давно стали «своими», близкими и понятными для русского человека. Это не исключает проблем непонимания и межкультурных конфликтов, но, в сущности, западный мир близок и понятен нам, связан с нашим миром кровными узами, многое из него мы переняли и адаптировали на русской почве, кое-что попробовали и отвергли.

С Китаем ситуация совершенно другая. Относительно близкие отношения начинаются только с XVII в., хотя смутные знания друг о друге были, конечно, и до этого. Более того, начиная с XVIII в. понятие «иностранец» все больше связывается с представителями западного мира (до этого периода оно было шире, включало ино-

---

² Подчеркну, что речь не идет о преподавателях русского как иностранного, профессионалах в области обучения иностранных учащихся, а об огромной массе работников высшей школы, только недавно столкнувшихся с массовым присутствием на своих лекциях и семинарах иностранных студентов из восточной Азии.

верцев, инородцев, иноземцев, варваров³). А вот уже фразы подобно следующей, из ежемесячного издания XVIII в. «Зритель», «Большой свет у нас более иностранной нежели Руской», могут относиться исключительно к европейской теме⁴.

Китайцы же были в сознании русского человека экзотикой, диковинкой, пришельцами из иного мира. Купеческая дочь Екатерина Андреева (впоследствии жена поэта Константина Бальмонта) в своих мемуарах вспоминала о том, как ее отец, богатый купец, принимал у себя в Москве своих торговых партнеров: «Иногда мы видели у отца настоящих живых китайцев с длинными косами в шелковых кофтах, расшитых птицами, цветами, драконами, в мягкой обуви на белых войлочных подошвах. Они пили и угощали отца своим чаем из крошечных тончайшего фарфора чашечек. Здраваясь с нами, они щурили свои узенькие глазки, оскаливали желтые зубы, что, верно, изображало улыбку, прикасались своими сухенькими ручками с длиннейшими ногтями к нашим ладоням. Я их страшно боялась...»⁵ Это были персонажи из сказочного, а не реального мира.

В первой половине XX в., после революции, общение с китайцами становится более тесным. Они принимают участие в гражданской войне, держат в столичных городах знаменитые прачечные во время НЭПа, становятся персонажами произведений М. Булгакова, В. Вересаева, революционных повестей вроде «Красных дьяволят» (в первой экранизации 1923 г. китаец был заменен на чернокожего мальчика, а в знаменитом фильме Неуловимые мстители 1967 г. и вовсе стал цыганом). Однако и в этот период, и во время близких отношений с Китаем, на уровне массового восприятия образ китайца в СССР остается весьма смутным и расплывчатым. Как говорит один и персонажей сказки Маршака (1922): «В Китае? Это там, где у людей косые глаза и длинные косы?»⁶ Собственно, к этому и сводились все представления о далеком брате, становившемся иногда в зависимости от исторического периода далеким врагом.

И сейчас, когда говоришь о том, что будут занятия с иностранцами, для многих это означает с французами или итальянцами, после разъяснения же слышишь слегка разочарованное «а, с китайцами».

Знания россиян о Китае лишены привычных для нашей страны источников информации, по которым даже те, кто никогда не покидал родного города, знают многие европейские страны. Например,

---

³ Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. Т. 1. СПб., 1890–1912. 1993.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 9. Л., 1984. С. 99.

⁵ Московский альбом. М., 1997. С. 63.

⁶ Маршак С.Я. Волшебная палочка. М., 1968. С. 4.

художественной литературы, по которой мы знаем Францию Дюма и Ремарка, или музыки, делающей нам понятным британский мир Битлз и Queen, или киноиндустрии, открывшей нам американскую, индийскую и бразильскую жизнь. Даже Интернет в Китае другой, без привычных нам Википедии, Гугла, Ютуба, Инстаграма, Ватсапа и многого другого, что заблокировано в стране по политическим соображениям. Это же влияет и на распространение знаний о России в Китае. Даже те, кто изучают русский язык, делают это, как правило, по старым учебникам, добротным с точки зрения методики преподавания иностранного языка, но устаревшим с культурологической точки зрения. К тому же традиционно в преподавании РКИ приоритетным является изучение классической русской литературы, прекрасной с художественной точки зрения, но мало что дающей для понимания современного мира и людей.

Для эффективного общения и работы с китайскими учащимися необходимо познакомиться хотя бы с основами китайской культуры и менталитета. Это необходимо не просто для общего образования, это залог успеха. Тема эта большая и отдельная. Она не слишком хорошо представлена в отечественной литературе, в которой за последние десятилетия появился неплохой набор трудов, в том числе и переводных, об итальянском, британском, французском и других характерах, из восточноазиатской темы лучше всего представлены японцы. Информация же о китайцах крайне скудна и чаще всего сводится к весьма примитивным и не слишком достоверным данным на туристических сайтах.

Несмотря на огромные перемены, которые происходят сегодня в китайском обществе, стремительную глобализацию многих сторон культуры, особенно в молодежной среде, проникновение западных традиций и образа жизни, которые постепенно, как и в других регионах мира, становятся и здесь символом «цивилизации», базовые особенности национального характера и мировосприятия остаются неизменными. Как написал один известный ученый, «глобализированные» китайцы «остаются китайцами и в собственных глазах, и в глазах окружающих». Более того, социологические исследования, проведенные на Тайване, который исторически был в большей степени подвержен влиянию Запада, показывают, что тайванцы более преданы традиционным ценностям и нормам жизни, чем жители КНР [Малявин, 2007: 16]. Очень многое в поведении китайцев, как и других народов мира, регулируется исторически сложившейся традицией, в определенной степени сформировавшей менталитет и характер народа.

Приверженность традиционным ценностям, изолирующая от окружающего мира система иероглифов, мировоззрение, сформирова-

рованное многовековым развитием философской мысли, а также общее историческое развитие Китая определили одну из важнейших особенностей китайской культуры – ее закрытость, причем обоюдоострую. С одной стороны, это недопущение чужестранцев в свой мир, стремление сохранить для себя все богатство своего мира и культуры. Одна из исторических загадок: почему чай, изначально привозимый в Европу из Китая, был черный, в то время как вся страна пила и пьет зеленый? Такое впечатление, что китайцы сознательно «испортили» для продажи одно из своих главных сокровищ. С другой стороны, и чужой мир отторгается, а находясь в нем, китайцы замыкаются в своем мирке, сохраняя в нем привычные ритуалы и тип общения. Это, безусловно, осложняет процесс обучения в иностранном вузе.

Известно, что для китайцев чрезвычайно важны межличностные отношения, отношения в социуме, мнение окружающих. Однако все это относится только к «своим»: поведению китайцев свойствен контраст между в высшей степени вежливым, обходительным обращением со «своими» людьми и холодно-безучастным, а часто откровенно враждебным отношением к «чужим» [Малявин, 2007: 25]. Гонконгский социолог Сунь Лунци говорит об отсутствии в Китае «публичной добродетели» и «непросвещенном эгоизме» китайцев. «Можно сказать, – заключает Сунь Лунци, – что с самого рождения китаец вовлечен в сеть межличностных отношений, которая определяет и организует его существование, контролирует его сознание. Когда китайский индивид не находится под контролем сознания окружающих, он становится самым эгоистичным из людей, живёт совершенно беспорядочно и втягивает в этот беспорядок других» [Малявин, 2007: 26]. Не отсюда ли не укладывающееся в рамки традиционных представлений поведение китайских студентов, оказавшихся в чуждом им окружении.

Важными представляются и знания о таких, казалось бы, незначительных для учебы вопросах, как особенности быта и ритма жизни китайцев. В противном случае российским преподавателям трудно понять, почему студенты не хотят приходить на дополнительное занятие в шесть часов, ссылаясь на необходимость ужина в это время. Для россиян время приема пищи не имеет особенного значения, есть время – и поел, а для китайцев оно очень важно, структурирует день, настраивает на определенный ритм, дает силы. Жалуются китайские студенты и на отсутствие длительного обеденного перерыва, который студенты у себя на родине используют не только для приема пищи, но и для отдыха, его отсутствие ведет к рассеянности во время занятий, появлению чувства усталости, снижению успеваемости [Сяопэн, 2017: 156]. Подобных моментов

взаимного непонимания много, они отражаются на учебном процессе и касаются отнюдь не только вопросов питания.

Безусловно, речь не идет о том, что каждый работающий с китайскими студентами преподаватель должен получить второе образование по синологии. Однако иметь представление о неких базовых аспектах жизни и менталитета учеников, хотя бы в конкретно-прикладном ракурсе, о том, что может затрагивать учебный процесс и общение в аудитории, просто необходимо. Это же относится и к студентам, которые помимо изучения русского языка должны обязательно проходить адаптационный курс, своего рода введения в русскую жизнь и систему образования.

Европейская модель образования, привычная нам с XVIII в., проникла в Китай только в XX в., да и то фрагментарно, а во всей полноте лишь с началом нового этапа модернизации общества в последние десятилетия. В написанной почти сто лет назад книге китайского писателя и философа Линь Юйтана «Китайцы: моя страна и мой народ» еще отчетливо прослеживается традиционное отношение к образованию. Ученый отмечает различие между китайским и европейским подходом к образованию. И западные, и китайские профессора весьма преданы своим знаниям. Но если преданность первых впечатляет сильнее, хотя порой и «приобретает черты болезненного любования своим предметом», уважение китайцев к образованному человеку имеет другой источник. Уважают именно такую образованность, которая «позволяет людям расширить и углубить понимание мира, питает их житейскую мудрость, позволяет трезво смотреть на вещи в критические моменты жизни».

Не было в Китае и науки в западном понимании этого слова, за исключением филологии и истории. «Астрономия... очень близка астрологии, а зоология и ботаника весьма близки кулинарии, так как все животные, фрукты и овощи пригодны к употреблению в пищу», остроумно замечает Линь Юйтан, намекая на китайский практицизм.

Раньше в учебных заведениях господствовала система наставничества, когда учитель точно знал, что прочитал ученик, а что нет, «отношения учителя и ученика были очень тесными и доверительными». Не было оценок, сроков выполнения заданий, никто не переходил из класса в класс, не учился ради диплома. Иное дело – официальный экзамен для получения ученой степени, открывавший путь к государственной карьере чиновника, высшему стремлению китайцев во все времена. Но это стояло особняком, не было связано с «ученостью» и со знаниями.

Восхваляя старую традиционную китайскую систему даже не образования, а скорее, накопления знаний, философ иронизирует

над новой для страны – западной: «... прежде никто не верил или пытался кого-то убедить, что благодаря накоплению баллов-очков по психологии, религии, способам реализации товаров, конституционной истории Англии и другим предметам можно воспитать образованного человека» [Юйтан, 1994: 84, 211, 216].

Конечно, за сто лет многое изменилось, Китай сделал огромный рывок в развитии научного знания, реформировал по западному образцу систему образования, сегодня кампус китайского университета не отличишь от американского, было взято лучшее и привито на свою почву. Однако менталитет и отношение к основам жизни, подпитываемое ритуалом и религиозно-философскими установками, меняются крайне медленно. И, возможно, это не является недостатком, а позволяет сохранить в глобальном мире хоть каплю национальной самобытности.

В связи с этим важными представляется и изучение различий в системах образования двух стран, которые крайне редко учитываются при построении учебного процесса. Их множество, и они затрагивают самые разные стороны образовательного процесса. Например, общение преподаватель-ученик. В Китае с детства воспитывают уважение к учителю, он всегда прав, ему надо внимать и с ним надо соглашаться. Российская система дискуссий, споров, обсуждений, не принимается китайскими студентами, создает чувство растерянности. «Кто знает – молчит (не спорит), а кто не знает – говорит (спорит, доказывает)» изречение древнекитайского философа Лао Цзы, ставшее поговоркой, хорошо раскрывает суть проблемы. И хотя в русском языке есть нечто похожее – «слово серебро, молчание золото» – возможно, справедливое как народная мудрость, но не относящееся к «говорливой» образовательной среде. Преподаватели чаще всего теряют интерес к такой аудитории и жалуются на пассивность студентов.

Накопление знаний в китайском образовании идет постепенно, нанизывается одно на другое. Российские преподаватели любят отклоняться от предмета, выстраивать доводы и контрдоводы, ставить под сомнение общепринятые истины, требовать от студентов попытаться самостоятельно решить сложные вопросы. Все это сбивает с толку иностранных учащихся.

Истоки подобного отношения кроются и в особенностях китайской логики, основанной на их представлениях об истине. «С точки зрения китайцев, истину нельзя доказать, ее можно только лишь внушить», – писал Линь Юйтан. Здесь обнаруживается противостояние логики и здравого смысла, который в Китае заменил и индукцию, и дедукцию. Аналитический подход делит истину на составные части, для нахождения аргументов, в результате истина

теряет внутренние связи и содержание. Философ отмечает свойственную китайцам «мистическую силу доверия к словам» [Юйтан, 1994: 96–98].

Неудивительно, что целью обучения считалось просто запоминание как можно большей части непреложных «истин»: ученики аккуратно записывали и запоминали слова учителя, а потом передавали их собственным ученикам. В старом Китае занятие наукой и сводилось преимущественно к прочтению и запоминанию наизусть огромного числа произведений. Для этого требовались невероятные усилия, невероятная усидчивость и необыкновенная память. Некоторые ученые могли от начала до конца пересказать наизусть знаменитый труд Сыма Цяня «Ши цзи» («Исторические записки»), составленный в II–I в. до н.э. Этот грандиозный труд, описывающий историю Китая от мифических родоначальников до современных автору времен, состоит из 130 обширных глав! [Юйтан, 1994: 212]

В китайской традиции передача знания связывается с письменным словом, даже скорее начертанием. Чтение книг и письменные ответы, а тем более экзамены, преобладают. В России исторически, еще со времени открытия первых университетов, в образовании царствует устная речь: увлекательные лекции, научные споры, горячие дискуссии, – вот на чем держится российское образование. Реформы, переведшие основные экзамены в письменную форму, не находят поддержки у преподавателей: всегда можно списать, случайно угадать, во время же устного экзамена любой мало-мальски опытный педагог определяет уровень знаний учащегося. Доверия к «бумажкам» на Руси не было никогда и ни в каких сферах. Забавный пример из истории: во время конфликта между основателями Московского художественного театра и их главным «спонсором» купцом Саввой Морозовым, знаменитый режиссер В.И. Немирович-Данченко потребовал заключения письменных условий с Морозовым, ограничивающих степень его вмешательства в жизнь театра. К.С. Станиславский, сам купец по происхождению, был против: «Не советую и Вам делать это, так как знаю по практике, что такие условия ведут только к ссоре. Если два лица, движимые одной общей целью, не могут столкнуться на словах, то чему же может помочь тут бумага?»⁷ Вот образец русского отношения к письменным документам.

Китайцам свойственна сдержанность в выражении чувств. Во время разговора они стараются сохранять неподвижным положение лица и тела, сидят прямо, почти не шевелятся. Китайцы избегают смотреть прямо на собеседника, потому что, по их представлениям,

---

⁷ Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М., 1960. С. 109.

так делают только враги или ненавидящие друг друга люди. Во время разговора с преподавателем у них практически отсутствуют движения и мимика, немного двигаются только губы, а голос приближен к шепоту. Очень громкий разговор считается недопустимым. На часто задаваемый в аудитории вопрос «понятно?», китайцы, согласно этикету, всегда отвечают «да», кивают согласно головой [Афонасенко, 2017; Сяопэн, 2017]. Российские же преподаватели принимают такое поведение за равнодушие и отсутствие интереса к предмету.

Причины подобного поведения также скрыты в характере и традициях поведения китайцев. Главное понятие китайской этики – это «лицо», понятие, которое трудно определить словами. Это образ человека в глазах окружающего социума, общественный статус и одновременно имидж, главное здесь – мнение окружающих и производимое на них впечатление. Это – чувство собственного достоинства и достоинства других, причем опора делается опять же не столько на содержание, сколько на форму, как ты или кто-то еще выглядит со стороны. Потеря лица – гораздо больше, чем позор в русском понимании этого слова, в русской культуре унижение часто вызывает сочувствие, сострадание, участие. В Китае потерянное лицо почти невозможно восстановить.

«Хороший человек не спорит, а тот, кто спорит, – не хороший человек», – гласит изречение из даосского канона “Дао-Дэ цзин”. В связи с этим немалая часть поведения китайцев до сих пор преследует цель подтвердить и сохранить “лицо” – как собственное, так и окружающих людей. Главное средство достижения этой цели – избегание любых конфликтов пусть даже ценой неискренности и лжи в общении с другими. Доведенная до карикатурной крайности, но не совсем безосновательная критическая точка зрения на общество, ценящее превыше всего “лицо” своих членов, представлена в отзыве нонконформистского мыслителя XVI в. Ли Чжи о современных ему нравах: “Лжец лжет лжецу, и оба довольны” [Малявин, 2007: 24].

Почитание преподавателя сопровождается у китайцев установлением с ним близких отношений, совместными обедами, приглашением в гости, тесным общением вне аудитории. Отношения же российских преподавателей со своими студентами более дистанцированы и ограничиваются временем, проведенным в стенах вуза, что создает заметный дискомфорт у китайских учащихся, особенно в первое время обучения. В трудах, посвященных проблемам адаптации китайских студентов в российских вузах, часто встречается предложение о введении института «тьюторства» для них.

Приезжающие в Россию студенты вынуждены самостоятельно преодолевать трудности вхождения в инокультурную среду, не имея серьезной профессиональной поддержки и помощи. Конечно, часто работает личностный фактор. Всегда и везде есть отдельные энтузиасты, которые не жалеют сил и времени, помогая иностранным студентам адаптироваться в чуждой для них обстановке. Но речь должна идти о выработке общих *профессионально подготовленных* систем, принципов и разработок, направленных на облегчение адаптационного периода. При этом не универсальных, а конкретно ориентированных, составленных в России (а не переведенных или пересказанных с английского, как у нас нередко бывает) для, скажем, студентов из Восточной Азии, или даже конкретно для китайских.

В заключение назовем несколько возможных направлений работы и принципов создания программ, направленных как на адаптацию иностранных студентов в российских вузах, так и призванных облегчить работу российских преподавателей, впервые сталкивающихся с китайской студенческой аудиторией.

1. Необходима разработка новых положений теории межкультурной коммуникации с учетом современной ситуации в глобальном мире, а также применительно к российским условиям. Выработка *своих* подходов к проблеме. В стране существуют труды по межкультурной коммуникации, созданные непосредственно на российской почве и отечественном материале, среди них выделяется книга С.Г. Тер-Минасовой «Язык и межкультурная коммуникация», посвященная проблемам «человеческого общения с особым вниманием к языку как главному – но не единственному! – средству общения» [Тер-Минасова, 2004: 4], или работа О.А. Леонтович, посвященная проблемам межкультурного взаимодействия России и США [Леонтович, 2003]. Однако они рассматривают отдельные аспекты межкультурной коммуникации, необходимо же создать широкую и системную основу межкультурной коммуникации.

2. Изучение теоретических и прикладных аспектов того, что можно назвать термином «национальный характер» или «регионоведение», определение параметров и факторов их формирования.

3. Введение единого экзамена по русскому языку для тех, кто хочет обучаться в российских вузах, аналог TOEFL. Это позволит снять одну из ключевых проблем, с которой сталкиваются в аудитории как российские преподаватели, так и иностранные студенты.

4. Разработка практических советов по адаптации студентов (туристов, бизнесменов, трудовых эмигрантов) к российской жизни, а также направленных на понимание российского менталитета (национального характера). Можно использовать западный опыт, где во многих странах выходят многочисленные разработки из серии

“Survival Guide” (букв. «Путеводитель для выживания») или скромный личный опыт: «Как иметь дело с русскими», «Как делать бизнес в России», “Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette” [Павловская, 2001, 1998; Pavlovskaya, 2011].

5. Введение в программы вузов, принимающих иностранных студентов, вводного адаптивного культурологического курса, посвященного практическим аспектам жизни и учебы в России, а также пониманию российского менталитета. Можно ввести институт тьюторства в рамках работы иностранных отделов или учебных частей факультетов.

6. Более широкое использование новых способов воздействия и информирования в первую очередь Интернет, социальные сети, с акцентом на визуальные средства, привлечение к работе учащейся российской молодежь, организация совместных мероприятий.

7. Чрезвычайно важным представляется использовать во время учебы студентов, на раннем этапе, своего рода метод «погружения» (хорошо известно, что иностранные студенты, особенно из азиатских регионов, часто держаться закрытой общиной, создавая свой микромир и мало контактируя с окружающей средой), путем организации целевых интерактивных экскурсий, выездных практик, мероприятий с участием российских студентов.

8. Для российских преподавателей предлагается организовать курсы повышения квалификации, в том числе и онлайн, посвященные особенностям работы со студентами из Восточной Азии, их образовательным традициям, менталитету, обычаям. Очень пригодится опыт преподавателей, давно работающих с данной аудиторией (в особенности, преподавателей русского как иностранного).

Безусловно, все вышесказанное важно и для других групп иностранных учащихся, акцентирование именно на «китайской проблеме» вызвано актуальностью момента, теми конкретными сложностями, с которыми столкнулись преподаватели вузов. Организация такого рода мероприятий должна поддерживаться на самом высоком уровне, от государственного до руководства вузов, что позволит значительно улучшить процесс обучения студентов, привлечь их к учебе в России, а в итоге способствовать взаимопониманию между странами и народами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Афонасенко Е.* Особенности этнического самосознания современных китайцев // Развитие личности. МГПУ. 2004. № 1. С. 131–143.
2. *Леонтович О.А.* Россия и США. Введение в межкультурную коммуникацию. Волгоград, 2003.
3. *Линь Юйтан.* Китайцы: моя страна и мой народ. М., 2010.
4. *Малявин В.* Китай управляемый. Старый добрый менеджмент. М., 2007.

5. Павловская А.В. Как иметь дело с русскими. М., 2001.
6. Павловская А.В. Как делать бизнес в России. М., 1998.
7. Сунь Сяопэн. Основные проблемы социокультурной адаптации студентов из Китайской народной республики в условиях российской системы высшего образования // Научно-педагогическое обозрение. Томск, 2017. № 1. С. 153–163.
8. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2004.
9. Hall E.T., Hall M.R. Understanding Cultural Differences. Intercultural Press, 1990.
10. Hirsch E.D. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know. Vintage Books, 1987.
11. Hirsch E.D. The Dictionary of Cultural Literacy. Houghton Mifflin, 1988.
12. Pavlovskaya A. Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette. Marshall Cavendish; 2nd edition, 2011.

Anna V. Pavlovskaya

**INTERCULTURAL COMMUNICATION
IN INTERNATIONAL EDUCATION:
CONCERNING PROBLEMS OF INTERCULTURAL
COMMUNICATION IN THE GLOBAL WORLD**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper continues discussing the subject opened in a previous issue concerning the need to develop new approaches to the problems of intercultural communication under modern conditions. This time it is illustrated by the important issue based on the experience of Chinese students who study in Russian universities and Russian lecturers who teach Chinese students. The number of Chinese students is steadily growing and Russian educational organizations are not quite ready to deal with such a great number of pupils. And students, in their turn, are unprepared for integrating into an alien culture. Old theories of intercultural communication, formulated in the middle of the 20th century under specific historic conditions and for certain purposes, today are outdated. The necessity of working out new principles, methods and theories in the field of intercultural communication is being considered, as well as the great need for presenting practical information in various forms – the internet, manuals, introductory courses for adaption foreign students in Russian educational system and everyday life. Courses for Russian teachers working with students from China, telling about Chinese educational traditions, behavioral customs and mentality are also very important. Some other ways of solving the problems of integrating Chinese students into the Russian world are suggested.

Key words: international education; intercultural communication Russo-Chinese relations; national mentalities; traditions of education; adaptation; international students; conflict of cultures.

About the author: *Anna V. Pavlovskaya* – Dr.habil in History, Professor, Head of the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: annapavl@mail.ru).

REFERENCES

1. Afonasenko E. 2004. Osobennosti etnicheskogo samosoznaniya sovremennykh kitaytsev [Peculiarities of modern Chinese citizens' ethnic identities]. *Razvitiye lichnosti*. Moscow, MSPU Publishing, no. 1, pp. 131–143 (In Russ.)
2. Leontovich O.A. 2003. *Rossija i SShA. Vvedenie v mezhkul'turnuju kommunikaciju*. [Russia and USA. Introduction to Intercultural Communication]. Volgograd, Peremena Publishing. (In Russ.)
3. Lin Yutang. 2010. *Kitajcy: moja strana i moj narod* [My Country and My People]. Moscow, Vostochnaya Literatura Publishing. (In Russ.)
4. Malyavin V. 2007. *Kitaj upravljaemyj. Staryj dobryj menedzhment* [China Managed. Good Old Management]. Moscow, Europe Publishing House. (In Russ.)
5. Pavlovskaya A.V. 2001. *Kak imet' delo s russkimi* [How to Deal with Russians]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
6. Pavlovskaya A.V. 1998. *Kak delat' biznes v Rossii* [How to do Business in Russia]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
7. Sun Xiapin. 2017. Osnovnye problemy sociokul'turnoj adaptacii [Main Sociocultural Adaptation Problems of Chinese Students In Russian System Of Higher Education]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, no.1, pp. 153–163. (In Russ.)
8. Ter-Minasova S.G.. 2004. *Jazyk i mezhkul'turnaja kommunikacija* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
9. Hall E.T., Hall M.R. 1990. *Understanding Cultural Differences*. Intercultural Press.
10. Hirsch E.D. 1987. *Cultural Literacy: What Every American Needs to Know*. Vintage Books.
11. Hirsch E.D. 1988. *The Dictionary of Cultural Literacy*. Houghton Mifflin Press.
12. Pavlovskaya A. 2011. *Culture Shock! Russia: A Survival Guide to Customs and Etiquette*. Marshall Cavendish; 2nd edition.

М.К. Голованивская

КУЛЬТОРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОГО ЛЮБОВНОГО ПРИЗНАНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье анализируются три основных глагола русского любовного признания, через которые выявляется специфика русских представлений о любви – признаваться, объясняться, открываться. Глагол «признаваться» уподобляет любовь преступлению, «объясняться» – загадке, несурзости, «открываться» – тайне. За каждым из этих уподоблений стоит мифологический и культурно исторический исток, ни одно из этих словоупотреблений не случайно. Так за глаголом «объясняться» стоит античный (древнегреческий) миф, поясняющий, отчего два человека испытывают друг к другу внезапное сильное притяжение, страсть. В статье поясняется исток типично русских представлений о паре возлюбленных и потом супругов, как о двух половинах. Речь тут идет об истории из платоновского «Пира» (диалог, посвященный вопросам любви), о некогда живших, по этому мифу, людях трех полов: мужчинах, женщинах и андрогинах, обладавших невероятной силой. Именно за это последние по воле богов были рассечены на две половины. «И вот когда, – читаем мы у Платона, – тела были таким образом рассечены, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались, страстно желая срастись, умирали от голода и бездействия, потому что ничего не желали делать порознь... Вот с таких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу». То же пишет и Аристофан, излагая свою историю об андрогинах. Он говорит о том, что «любовью называется жажда целостности и стремление к ней». К этой же истории возводится и «преступность» любви. Преступление в желании соединения вопреки воле богов. На эту же ситуацию указывают этимологии слов «пол» и “sex”. Слово «пол» (мужской и женский) произошло от старославянского «поль» – половина. Эта же картина наблюдается и в других славянских языках, где упомянутый корень связан с понятиями «сторона», «половина», «разрез». Ситуация отсечения, отреза, отрыва стоит и за словом «секс», пришедшим в русский язык из английского, а туда – из латыни.

Голованивская Мария Константиновна – доктор филологических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: golovanivskaya@gmail.com).

“Sexus” – первоначально означало «отделение», «рассечение» (см. однокоренные «секция», «сегмент», секатор). «Пол», как и латинский “sexus” – линия отрыва, разделения, шрам, который притягивает то, что было когда-то отделено. Отсюда и притяжение полов, половое влечение, которое ни при каких идейных веяниях никогда не подвергалось сомнению. Этот же предмет составляет тайну, которую нужно скрывать, а решение открыться требует отваги и готовности рискнуть. Прежде всего потому, что именно у славян любовь, суженый и суженая – части судьбы. В отличие от европейской судьбы (Фортуны) славянский Судженицы, приходя в дом к новорожденному непременно обсуждают вопросы его будущей сердечной жизни. В статье приведены и проанализированы примеры из любовных объяснений, содержащихся в русской классической литературе, а точнее в русской прозе.

Ключевые слова: социокультурный смысл; русский менталитет; мифология; античность; христианство; культура; традиция; любовь; любовное признание.

По-русски в любви объясняются, открываются, признаются.

Эти три глагола в полной мере раскрывают особенности национального менталитета в восприятии любовного чувства, что доказывается тем фактом, что для характеристики этого действия в других языках используются глаголы принципиально другой семантики, а эти в данном контексте непереводимы. По-французски мы говорим “dire, manifester son amour”, по-английски – “tell somebody you love him, to declare one’s love”, по-немецки – “seine Liebe gestehen” и т.д.

Рассмотрим скрытые смыслы, стоящие за каждым из русских глаголов.

Глагол «объясняться» связан с идеей непонятности сказанного, чего-то что само собой не очевидно и требует.

Глагол «признаться» предполагает, что то, о чем идет речь общественно неодобряемо, даже преступно (признаются в совершенном преступлении, проступке, грехе). Мы говорим: «он признался в содеянном», «он признал свою вину», «он признался», «чистосердечное признание» и т.д.

«Открыться» предполагает, что содержание речи, ее предмет сокровенно, сокрыто, он указывает на положение чувства где-то глубоко внутри без видимого проявления вовне, любовь – это тайна, которую признающий открывает.

В индоевропейской мировоззренческой системе получение любого знания оформляется через глагол «открывать» (ср. русское «открытие», французское “découverte”, английское “discovery”, немецкое “Entdeckung” и т.д.), связано это с исконно мифологической идеей запятанности, закрытия истинного знания для человека (тут представлен весь спектр возможностей от трагической судьбы Ада-

ма и Евы или царя Эдипа до выражений типа «много будешь знать – скоро состаришься» и др.), однако в нашем случае речь идет не об открытии внешнего по отношению к человеку знания, а об открытии человеком знания о самом себе. Это другой случай, и у нас есть все основания относиться к этому глаголу не как к стертой метафоре, а как к осмысленному словоупотреблению.

Попробуем понять, почему русские мыслят любовь как преступление, тайну, непонятное и необъяснимое чувство.

Любовь как преступление. Любовное чувство описывается в русской литературе, да и в обыденном сознании как страдание (страсть), почти болезнь. Из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»: «Одинцова протянула вперед обе руки, а Базаров уперся лбом в стекло окна. Он задыхался; все тело его видимо трепетало. Но это было не трепетание юношеской робости, не сладкий ужас первого признания овладел им: это страсть в нем билась, сильная и тяжелая – страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей... Одинцово стало и страшно и жалко его»¹.

Так представлен этот сюжет в классических текстах, да и в жизни. Один человек влечется к другому, внезапно, необъяснимо, и более не мыслит своей жизни без него. При этом в нашей культуре принято придавать этому состоянию судьбообразующий статус [Антипов, 2012: 33–36; Рыбаков, 1981], любовь в русской культуре причина для заключения брака, что далеко не так в традиционалистских культурах, где для заключения брака принимаются рациональные доводы, связанные с прагматикой соединения семей и продолжения рода (все культуры с сильным влиянием родового строя или религий) [Coogan, 2010: 78; Положенкова, Добронос, 2016: 34]. А если нет возможности сочетаться браком, то большая любовь все равно есть фактор судьбы (см. Григорий и Аксинья из «Тихого Дона» М.А. Шолохова или Анна Каренина и Вронский из романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого).

Объяснение риторики «я без тебя жить не могу», при том что испытывающие наваждение рационально прекрасно понимают условность такого ощущения, имеет, на наш взгляд, единственный мифологический исток, трактующий возлюбленных как две половины, потенциально могущие образовать единое целое. Речь тут идет об истории из платоновского «Пира» [Платон, 2006: 238] (диалог, посвященный вопросам любви), о некогда живших, по этому мифу, людях трех полов: мужчинах, женщинах и андрогинах, обладавших невероятной силой. Именно за это последние по воле богов были рассечены на две половины. «И вот когда, – читаем мы

---

¹ Тургенев И.С. Отцы и дети. СПб., 2008. С. 106.

у Платона, – тела были таким образом рассечены, каждая половина с вожделением устремлялась к другой своей половине, они обнимались, сплетались, страстно желая срастись, умирали от голода и бездействия, потому что ничего не желали делать порознь... Вот с таких давних пор свойственно людям любовное влечение друг к другу, которое, соединяя прежние половины, пытается сделать из двух одно и тем самым исцелить человеческую природу». То же пишет и Аристофан, излагая свою историю об андрогинах. Он говорит о том, что «любовью называется жажда целостности и стремление к ней». Вот матрица, из которой растет русская любовная риторика. Вот объяснение того, что муж называет жену, а жена мужа «моя половина». На это же указывает и русское слово «пол» (мужской и женский), произошедшее от старославянского «поль» – половина [Фасмер, 1987]. Эта же картина наблюдается и в других славянских языках, где этот корень связан с понятиями «сторона», «половина», «разрез». Эта же ситуация стоит и за словом «секс», пришедшим в русский язык из английского, а туда – из латыни. “Sexus” – первоначально означало «отделение», «рассечение» (см. однокоренные «секция», «сегмент», секатор» [Centre National...]. «Пол», как и латинский “sexus” – линия отрыва, разделения, шрам, который притягивает то, что было когда-то отделено. Отсюда и притяжение полов, половое влечение, которое ни при каких идейных веяния никогда не подвергалось сомнению. В приведенной цитате из повести Алексея Толстого «Гадюка» эта мысль выражена предельно определенно:

«— Ну? – спросила она. – О чем вы хотели со мной говорить?»

Он швырнул портфель на кровать, взъерошил волосы и начал гвоздить кулаком непроветренный воздух в комнате.

— Товарищ Зотова, мы всегда подходим к делу в лоб, прямо... В ударном порядке... Половое влечение есть реальный факт и естественная потребность... Романтику всякую там давно пора выбросить за борт... Ну вот... Предварительно я все объяснил... Вам все понятно...

Он обхватил Ольгу Вячеславовну подмышки и потащил со стула к себе на грудь, в которой неистово, будто на краю неизъяснимой бездны, колотилось его неученое сердце².

Миф (или история), объясняющий сильнейшее иррациональное притяжение двух людей друг к другу, нереализация которого может привести к смерти, явно имеет общий исток, возможно, универсальный для целого ряда культур.

«Преступление», в котором признается влюбленный – конфликт с христианской догмой. «Человек христианский» образует единое

---

² Толстой А.Н. Гадюка // Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1979. С. 98.

целое только с Богом [Сергеева, 2013], его земная половина должна происходить из правильного разума, а не из ослепляющей страсти, античного, языческого характера. Сознание своей ополовиненности, нецелостности, актуализация своего пола (и в прямом смысле и в метафорическом, о котором мы писали) есть осуждаемая с точки зрения христианства реальность. Соединением людей ведаёт Господь, заключая браки на небесах, не страсть земная и порочная. Земная и порочная страсть близко подводит человека к сраму, срамному – ещё одному пейоративному обозначению «пола» человека (см., например, в «Обломове» Гончарова: «Ее взгляд встретился с его взглядом, устремленным на нее: взгляд этот был неподвижный, почти безумный; им глядел не Обломов, а страсть»³).

Любовь как непонятность. Непонятность любовного чувства, которую надо объяснять, связана с деактуализацией античного мифа о гермафродитах. Человек, попавший во власть чувства, ничего об этой истории не знает. Он сам не понимает, почему «не может жить без», а ещё совсем недавно мог. Объясниться – означает выстроить правдоподобное объяснение имеющей место эмоциональной реальности. Доказать, что такова судьба, такова воля Божья, что вся жизненная логика вела к заветной встрече.

Соединение любви, личной жизни человека с идеей судьбы – типично славянская особенность. Европейская судьба (Фортуна, Предназначение, группа понятий, связанная со жребием [Голованивская, 2007: 56–78]), личную жизнь человека в себя не включает. Фортуна раздаёт «ремесла», предназначение говорит о высшей миссии человека в его земной жизни, жребий трактует вопросы везения/невезения, у славян же иначе (см., например, связь любви и судьбы в последнем куплете известной песни «Очи черные»: Но не грустен я, не печален я,/ Утешительна мне судьба моя:/ Всё, что лучшего в жизни Бог дал нам,/ В жертву отдал я огненным глазам)!

Суженицы, или Судженицы, – славянские «ответственные» за судьбу [Агапкина, Белова, Толстая, 2002] – это три мифических существа женского пола, три бессмертные сестры, посещающие ребенка. В полночь на третий или пятый день после рождения приходят издали в дом, где он родился, чтобы наречь ему его судьбу. Суд вершит сначала старшая сестра, обрекающая ребенка на смерть. Затем говорит средняя, предрекая новорожденному физические недостатки или увечья, а затем уже в дело вступает младшая, как водится, самая милостивая, она-то и определяет, сколько ребенку жить, когда идти к венцу и с чем в жизни столкнуться. Считалось,

---

³ Гончаров И.А. Обломов. М., 1969. С. 356.

что они писали судьбу ребенку на лбу или макушке (отсюда выражение «так ему на роду написано», род – это родничок, верхняя часть головы), а также и то, что по-русски «суженый» и «суженный» означает именно любимого, а не того, кто может быть избран в женихи или невесты чужой волей.

Конечно, связь судьбы и любви – феномен не исключительно славянского происхождения. Все мы знаем, что распространенные по миру гадатели по руке, практикующие древневосточные способы предсказания судьбы, считают с ладони и линию жизни, и линию ума, и линию сердца, то есть любви. Влияние страстей человеческих на жизнь и судьбу известно многим цивилизациям, но важно здесь, что в каждой из них этому феномену – страсти – отводится свое место, в соответствии с той трактовкой, которое это понятие получило в культуре. Так, гадание по картам преподносит «сердечные дела» с легкой иронией, а составители астрологических карт – высокомерно, всякий раз предлагая заказчику карты мыслить более глобальными категориями, чем его крохотная жизнь.

Мы в России относимся к любви и страсти серьезно, уважительно, привыкли считаться с ней и привязывать к разработанному в культуре понятию любви целый пучок моральных норм. И дело здесь не только в том, что славянские Судженицы с сердобольной младшей сестрой хранятся в нашей исторической памяти, в отличие, например, от сознания европейцев, бережно хранящих на своей цивилизационной полке шалящего мальчика Амура, лупящего своими стрелами в кого ни попадя. В запыленных закромах нашего коллективного бессознательного есть еще одно сокровище, славянская богиня Лада, которая дополняет и развивает то, что пишет на лбу новорожденного младшая из Суджениц. Прежде всего мы «помним» Ладу – богиню любви, брака, весны и плодородия – в некоторых словах и выражениях, обозначающих согласие, радость и полноту жизни. Здесь и слово «ладно», и восклицание «лады!», и выражение «пойти на лад», и даже воспроизводящие солнечную форму олады и оладушки, привносящие за семейный стол ощущение гармонии, подхваченное музыкальным значением слова «лад». Какие уж тут легкомысленности при таком мифологическом арсенале! Кстати, Лада, она же Лето (Леда в древнегреческой мифологии), ассоциировалась с белой лебедушкой, и поныне украшающей своим изображением не только интерьеры брачных салонов и магазинов для новобрачных, но и традиционный свадебный стол [Трубачев, 1959: 99–102].

Сделанные исследователем мифологии и культуры М.М. Маковским в его «Сравнительном словаре мифологической символики в

индоевропейских языках» наблюдения позволяют увидеть некий более глубокий и широкий контекст: язычники понимали любовь как космогоническое начало, внесшее гармонию в нарождающуюся вселенную, в ней же содержалась и упорядочивающая сила. Мы понимаем, что здесь он говорит о, так сказать, Большой Любви, которая не разделяется на подвиды и объединяет все: любовь к Богу (или к богам), матери, истине, ближнему. Очевидно, что категоризация этого понятия, впрочем, без выделения из него ряда синонимов – явление куда более позднее, чем языческий мир. Анализируя происхождение эквивалентов слова «любовь» во множестве языков, мы убеждаемся, что это понятие исторически связано с такими понятиями, как «музыка, гармония», «пустота, бездна, нуль», «вечер, ночь», «страстно желать», «слово», «говорить», «темный», «луна», «затмеваться» (о солнце), «застывший в религиозном экстазе» [Маковский, 1996].

Вот это все и есть объяснение, которое в более, конечно, сжатой форме должен представить говорящий о своем чувстве.

Любовь как сокровенное и тайна. Изложенное помогает понять в чем тайна (см. в качестве примера реплику Принцессы из «Обыкновенного чуда» Е.Л. Шварца: *Принцесса*. «Ну вот и хорошо. У меня теперь есть тайна, которую я не могла бы поведать даже самым близким людям. Только вам. Вот она: я люблю вас. Да, да! Правда, правда! Так люблю, что все прощу вам. Вам все можно») ⁴.

Внезапно осознанная самонедостаточность, потеря целостности делает человека уязвимым. Обнаружение этого перед другим – опасность. Но тайна также и в осознании своего пола, вызывающего тела, грезы, которую порождает страсть. В осознании своего стыда и срама в значении пола и много шире. Вернемся к уже упомянутому слову «срам», обозначающему одновременно и половые органы, и высшее порицание человека или самую негативную оценку его поступка – срам, позор. Это слово заимствовано из церковно-славянского языка, в котором оно также обозначало высшее порицание, а также оценку чего-либо – «ужас, жуть» [Даль, 1998].

Как ни покажется странным, но слова «срам» и «стыд» особенно часто начинают употребляться, применительно к ситуации любовного объяснения и действия, с ним связанного, именно во второй половине XIX в. [Фасмер, 1987], у Достоевского и после него, но в значении особенном, приравнивающим душевное откровение к телесному. Срам – это и развратное действие, и признание в любви, которое с точки зрения нравов того времени – такой же разврат.

---

⁴ Шварц Е.Л. Пьесы. М., 2001. С. 65.

Любовь срамна, стыдна в плоскости телесного позыва, и этот телесный позыв и есть сокровенное, тайное, это нагота, которую человек всегда инстинктивно пытается прикрыть руками.

В самом начале этой статьи мы привели английский, французский и немецкий эквиваленты русских понятий «объясниться», «признаться», «открыться в любви». Все они со всем синонимическим рядом в европейских языках сводятся к понятной формуле «сказать о своей любви», «объявить о своей любви». Европейский менталитет, видящий мир через закон и прозрачный регламент, мыслит любовное объяснение как предпосылку к действию, о наличии которой надо просто объявить. Истории счастливой любви в европейском искусстве – норма, запрограммированная историей «Амура и Психеи», в то время как для русской культуры и литературы нормой является несчастная любовь, которая в силу внутренней противоречивости самого понятия, нормативно несчастлива. Из многочисленных любовных историй русской литературы, счастливой может считаться разве что история «Кити и Левина» из «Анны Карениной» Л.Н. Толстого, а формула «они жили долго и счастливо и умерли в один день» – прерогатива русской сказки, но никак не реалистичного русского романа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агапкина Т.А., Белова О.В., Толстая С.М.* Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 2002.
2. *Антипов М.А.* Судьба в мировоззрении древних славян // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2012. № 42. С. 33–36.
3. *Головановская М.К.* Ментальность в зеркале языка. Основные мировоззренческие категории французов и русских. М., 2009.
4. *Даль В.* Словарь живого великорусского языка. М., 1998.
5. *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996.
6. *Платон.* Диалоги. М., 2006.
7. *Положенкова Е.Ю., Добронос Д.А.* Брак и семья в христианской и мусульманской традициях // Молодой ученый. 2016. № 1. С. 862–865.
8. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. М., 1981.
9. *Сергеева Е.В.* Человек и бог в русском религиозно-философском дискурсе. М., 2013.
10. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. 2-е изд., стереотип. Т. 3. М., 1987.
12. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Etymologie. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (дата обращения: 01.04.2018).
13. *Coogan M.D.* God and Sex. What the Bible Really Says. N.Y.; Boston, 2010.

Maria K. Golovanivskaya

CULTUROLOGICAL FEATURES OF RUSSIAN LOVE CONFESSION

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Russian love-knowledge verbs are analyzed in the article, which reveal the specifics of Russian ideas about love - to admit, explain, and open up. The verb “to confess” gives love to a crime, “to explain” - to a riddle, incongruity, “to open” - to a secret. Each of these similes has a mythological and cultural-historical origin, and none of these uses is accidental. So behind the verb “explain” is an ancient (ancient Greek) myth that explains why two people feel a sudden strong attraction to each other, passion. The article explains the origin of the typical Russian representations of a couple of lovers and then spouses as two halves. We are talking here about a story from Plato’s “Feast” (a dialogue dedicated to the issues of love), about people who once lived, according to this myth, of three genders: men, women and androgynes, who had incredible power. It was for this that the last ones were cut into two halves by the will of the gods. “And when”, we read in Plato, “the bodies were thus dissected, each half longing for the other half, they embraced, intertwined, longing to grow together, and died of hunger and inactivity, because they did not want to do anything apart... From such a long time ago, people have a love attraction for each other, which, by connecting the former halves, tries to make one of the two and thereby heal human nature”. Aristophanes writes the same story about androgynes. He says that “love is called the thirst for wholeness and the desire for it.

To the same story, the “crime” of love is being built. A crime in the desire to unite contrary to the will of the gods. The etymologies of the words “gender” and “sex” indicate the same situation. The word “gender” (male and female), came from the Old Slavic “half” – half. The same picture is observed in other Slavic languages, where the root is associated with the concepts of “side”, “half”, “cut”. The situation of cutting off, separation is behind the word “sex”, which came to Russian from English, and there – from Latin. “Sexus” originally meant “separation”, “dissection” (see the single-root “section”, “segment”, “secateur. “Sexus”, like the Latin – the line of separation, separation, which was once separated, hence the attraction of the sexes, the sexual attraction, which, under any ideological tendencies, has never been questioned. The same subject constitutes a mystery, which must be hidden, and the decision to open requires courage and readiness to take risks. First of all, because it is the Slavs who love, would-be wife and would-be husband – parts of fate. Unlike the European destiny (Fortune), the Slavonic Sudzhenitsy, coming to the house to the newborn, is sure to discuss the issues of his future heart life. The article lists and analyzes examples from the love explanations contained in Russian classical literature, or rather, in Russian prose.

Key words: socio-cultural meaning; Russian mentality; mythology; antiquity; Christianity; culture; tradition; love; love confession.

About the author: *Maria K. Golovanivskaya* – Dr. habil in Philology, Professor at the Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: golovanivskaya@gmail.com).

REFERENCES

1. Agapkina T.A., Belova O.V., Tolstaya S.M. 2002. *Slavyanskaya mifologiya: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic mythology: Encyclopedic dictionary]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 2002. (In Russ.)
2. Antipov M.A. 2012. Sud'ba v mirovozzrenii drevnikh slavyan [Fate in the worldview of the ancient Slavs]. *Sborniki konferentsii NITs Sotsiosfera* [Conference collections NITs Sociosphere], no. 42, pp. 33–36. (In Russ.)
3. Golovanivskaya M.K. 2009. *Mental'nost' v zerkale yazyka. Osnovnye mirovozzrencheskie kategorii frantsuzov i russkikh* [Mentality in the mirror of language. The main worldview categories of the French and Russian]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur. (In Russ.)
4. Dal' V. 1998. *Slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka* [Dictionary of living Great Russian language]. Moscow, Tsitadel'. (In Russ.)
5. Makovskii M.M. 1996. *Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropeskikh yazykakh* [Comparative dictionary of mythological symbolism in Indo-European languages]. Moscow, Gumanitar. izd. tsentr "VLADOS". (In Russ.)
6. Platon. 2006. *Dialogi* [Dialogs]. Moscow, "Azubka-Attikus", 2006. (In Russ.)
7. Polozhenkova E.Yu., Dobronos D.A. 2016. Brak i sem'ya v khristianskoi i musul'manskoi traditsiyakh [Marriage and family in Christian and Muslim traditions]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], no.1, pp. 862–865. (In Russ.)
8. Rybakov B.A. 1981. *Yazychestvo drevnikh slavyan* [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow, Izdatel'stvo 'Nauka'. (In Russ.)
9. Sergeeva E.V. 2013. *Chelovek i bog v russkom religiozno-filosofskom diskurse* [Man and God in the Russian religious and philosophical discourse]. Moscow, Direkt-Media. (In Russ.)
10. Trubachev O.N. 1959. *Istoriya slavyanskikh terminov rodstva i nekotorykh drevneishikh terminov obshchestvennogo stroya* [The history of the Slavic terms of kinship and some of the oldest terms of the social system]. Moscow, Izd-vo AN SSSR. (In Russ.)
11. Fasmer M. 1987. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. In 4 vol. Vol. 3. Moscow, Progress. (In Russ.)
12. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Etymologie [National Center for Textual and Lexical Resources. Etymology.]. URL: <http://www.cnrtl.fr/etymologie/> (accessed: 01.12.2019). (In French)
13. Coogan M.D. 2010. *God and Sex. What the Bible Really Says*. New York, Boston, Twelve. Hachette Book Group.

И.В. Моклецова

**ТРАДИЦИЯ МИЛОСЕРДИЯ
В ПОЭМЕ Н.В. ГОГОЛЯ «МЕРТВЫЕ ДУШИ»**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы 1*

Предметом данного исследования стали аксиологические аспекты содержания русской культуры на примере классической литературы, проявляющиеся в жанровом и стилистическом своеобразии художественных произведений. Цель его состоит в раскрытии особенностей русских традиций в содержании поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души», в изучении идейно-нравственных представлений писателя и способов их реализации в тексте. В статье используются сравнительно-исторический, системно-типологический, историко-функциональный методы, позволяющие комплексно рассмотреть сложное историко-культурное и литературное явление. Результаты работы свидетельствуют, что поэтика «Мертвых душ» сформирована на основе религиозного мировоззрения писателя; новизна работы состоит в том, что впервые тема милосердия рассматривается в качестве одной из основных в реализации авторского замысла с целью показать духовные ценности русского народа. Результаты исследования могут быть использованы в курсах лекций по культурологии, русской классической литературе в высшей и средней школе, на семинарских и практических занятиях, работа представляет интерес для тех, кто занимается проблемами русской духовности, русской народной культуры и литературы.

Ключевые слова: аксиология; история русской литературы; традиционная культура; русская духовная культура; поэтика; жанр; система персонажей; тема милосердия; религиозное мировоззрение; духовное завещание; Н.В. Гоголь; поэма «Мертвые души».

Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» (1842) – образец философской прозы, являющийся результатом определенного этапа развития религиозно-философских исканий автора. Предметом данного исследования стали аксиологические аспекты содержания русской культуры на примере классической литературы. Цель его состоит в раскрытии особенностей русских традиций в содержании поэмы

Моклецова Ирина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: imokletsovamsu@yandex.ru).

«Мертвые души», в изучении идейно-нравственных представлений писателя и способов их реализации в тексте, в том числе и в языке произведения, потому что литературные источники являются богатым материалом «для постижения культурных ценностей и особенностей той лингвокультурной среды, к которой принадлежит их создатель» [Юдина, 2018: 58]. Новизна работы состоит в том, что впервые тема милосердия рассматривается как одна из основных в реализации авторского замысла с целью показать духовные ценности русского народа.

Первые исследования, которые были обращены к религиозным воззрениям Гоголя, написаны учеными русского зарубежья, это труды К.В. Мочульского, Д.М. Чижевского, Н. Ульянова, протопресв. В.В. Зеньковского¹, они получили развитие в современной науке [Виноградов, Воропаев, 1998: 234–249; Воропаев, 2001: 240–249; Есаулов, 2006: 222–230; Назаров, 2006: 50–56; Денисов, 2012: 49–58; Воропаев, 2013: 83–92], одной из тем которой стало изучение библейского контекста в творчестве писателя. Писательский подвиг Гоголя состоит в том, что социальные проекции своего времени он перенаправил вглубь души каждого человека, призвав его задуматься о законах Духа, о вечности. В этом сказалось православное мировоззрение писателя, который понимал невозможность исполнения общественных правил и традиций при отсутствии здорового духовно-нравственного основания личности [Виноградов, 2000].

Несомненна тесная связь тематики поэмы Гоголя с русской традиционной культурой, которая прямо обращает читателя к воззрениям русского народа. В основе представлений о жизни и поведении людей в русской традиционной культуре лежит христианская концепция любви к Богу и ближнему как к самому себе. Отечественные исследователи выделяют понятие «милосердие» как целостную систему «воззрений, основанных на евангельских идеях, любви к ближнему и помощи ему; бескорыстной отдачи просящему больше, чем он просит. <...> Это – система взглядов, но в то же время – это и черта национального характера: органичная потребность делать добро» [Громыко, Буганов, 2007: 176]. В своих мечтах даже главный герой Павел Иванович Чичиков ориентирован именно на патриархальные ценности: это мирная семейная жизнь, наполненная бескорыстной любовью и заботой друг о друге.

С момента появления в печати тома I «Мертвых душ» понятие «милосердие» претерпело в русской культуре достаточные изменения. В.И. Даль отразил в своем собрании лексические значения

---

¹ См.: Голубева Е.И. Библейский текст в творчестве Н.В. Гоголя: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016. С. 3.

«милосердия», наиболее приближенные по времени к гоголевским текстам: «Милосердие ср. – достъ ж.» – сердоболие, сочувствие, любовь на деле, готовность делать добро всякому; жалостливость, мягкосердость»². Гораздо больше примеров приходится на функционирование лексемы «милость» и однокоренные «милостивый», «миловать», «милостыня», в которых проявляется глубокий религиозный смысл, раскрывающийся в словах Нагорной проповеди Иисуса Христа: «Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут»³. Эта мысль полно выразилась в пословицах и поговорках: «Богат Бог милостью. У Бога милости много. Милость подпора правосудию»⁴. В современных толковых словарях дается более узкое определение: «милосердие, милос'ердие, -я, ср. Готовность помочь кому-н. или простить кого-н. из сострадания, человеколюбия. Проявить м. Взывать к чьему-н. милосердию. Общество "М.". Действовать без милосердия (жестоко)»⁵. Понятие «гуманизм» несет в себе антихристианское и антицерковное содержание: «гуманизм, гуман'изм, -а, м. 1. Гуманность, человечность в общественной деятельности, в отношении к людям. 2. Прогрессивное движение эпохи Возрождения, направленное к освобождению человека от идейного закрепощения времен феодализма. прил. гуманистический, -ая, -ое»⁶.

Сегодня необходимо услышать самого Гоголя, которому многое в русской жизни открывалось гораздо яснее, чем многим его современникам, включая В.Г. Белинского⁷. Поэма «Мертвые души» предопределила появление в последующей русской литературе произведений, обильно насыщенных библейскими образами, мотивами, реминисценциями, аллюзиями, послужила развитию русской религиозной философии, оказала влияние на изобразительное и музыкальное искусство⁸. Полемика по данному вопросу активизирована в современной науке, о чем свидетельствуют переиздания трудов основных ее защитников и оппонентов⁹.

---

² *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1998. С. 327.

³ Евангелие от Матфея. Гл. 5, ст. 7 // Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: В русском переводе с параллельными местами. Российское Библейское общество. М., 1997. С. 1015.

⁴ *Даль В.И.* Указ. соч. С. 326.

⁵ Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com> (дата обращения: 15.12.2019).

⁶ Там же.

⁷ *Белинский В.Г.* Письмо к Гоголю / Ред, предисл. и примеч. Н.Ф. Бельчикова. М., 1936. URL: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3890.shtml (дата обращения: 14.12.2019).

⁸ Русская философия: Энциклопедия. 3-е изд., доработ. и дополн. / Под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. М., 2020.

⁹ Гоголь: pro et contra. СПб., 2009.

Поэма «Мертвые души» проникнута религиозно-философским пафосом, отсюда и присущие ей эсхатологические мотивы, сложные антропологические рассуждения, проработка целей и задач художественного творчества с аксиологических позиций. Само название произведения обращает читателя к глубинным поискам смыслов, которые ведет автор, исследуя природу человеческой души и задаваясь вопросом о причинах и следствиях человеческих поступков. Поиски Гоголя окажут значительное влияние на последующие поколения общественных и государственных деятелей, проявятся в идее «неразрывной связи религиозной, национальной и гражданской идентичности русского народа» [Карташева, 2018: 120]. В фокусе внимания писателя оказывается душа русского народа, в этом проявляется трактовка им понятия «народности» в искусстве как преломления в творчестве поэта, писателя, живописца, музыканта взгляда самого народа на духовно-религиозные и социальные вопросы жизни: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа»¹⁰.

Гоголевское творчество приходится на эпоху 1830–1840-х годов, которая как никакая другая была ознаменована духовными поисками русского общества, причем самого разного толка, об этом Гоголь рассуждает в поэме «Мертвые души», отмечая в дворянской образованной среде процесс отказа от православных ценностей¹¹. Неприятие вызывали у Гоголя неграмотность и суеверие, также бытующие в народной жизни: «*Поди ты сладь с человеком! Не верит в Бога, а верит, что если почешется переносье, то непременно умрет*»¹². Во многих своих сочинениях Гоголь погрузился в размышления о смысле человеческого существования в поисках подлинной духовности в противовес ее ложным проявлениям, обратившись к многовековому духовному опыту предков. Впоследствии сам Гоголь написал на странице поэмы «Мертвые души», подаренной им графу А.П. Толстому: «*Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина. <...> То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман*» [Воропаев, 2001: 241].

Такое признание автора не умаляет достоинств поэмы. В томе I «Мертвых душ» доминирует сатирическое изображение действительности, первопричины недостатков жизни и их исправление автор собирался полноценно открыть в продолжении поэмы, но не

---

¹⁰ Гоголь Н.В. Несколько слов о Пушкине. 1835. URL: http://az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0490-1.shtml (дата обращения: 24.11.2019).

¹¹ Гоголь Н.В. Мертвые души: поэма / Сост. А.Ю. Астахов; комментарии В.А. Воропаева, И.А. Виноградова. М., 2009. С. 295.

¹² Там же. С. 295–296.

успел. «Любовь <...> велит нам гораздо больше любить ближнего и брата, чем мы любим, – писал он в “Правиле жития в мире”, – она велит нам оказывать не только одну вещественную помощь, но и душевную...»¹³ В поэме «Мертвые души» отсутствие милосердия как следствие бездуховности ярко отразилось в образах помещиков и чиновников, отсюда и скудость их личного религиозного опыта, приоритетность материальных ценностей, так скрупулезно описанных автором.

В процессе работы над томом II «Мертвых душ» тема милосердия продолжала развиваться Гоголем. На это указывают две пометы на издании Библии 1820 г., которую он впоследствии подарил сестре О.В. Гоголь-Головне, они датируются 1844–1845 гг. [Виноградов, Воропаев, 1998]. Первая относится к гл. 49, ст. 13 «Книги пророка Исаии»¹⁴: «*Написано на полях* (курсив в тексте. – И.М.): Милосердие Божие» [Виноградов, Воропаев, 1998: 238–239]. Вторая – к тексту статьи из «Книги пророка Иеремии»¹⁵: «*Написано на полях* (курсив в тексте. – И.М.): Беспредельное Божье Милосердие» [Виноградов, Воропаев, 1998: 239–240].

«Мертвые души» проникнуты трепетным чувством любви и сочувствия к русскому народу, что проявляется в лирических отступлениях о русском менталитете («А уж куды бывает метко все то, что вышло из глубины Руси...»)¹⁶, о сравнении русских с другими народами («Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца...»)¹⁷, о будущем русского народа («Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься? <> ...и, косясь, постораниваются и дают ей дорогу другие народы и государства»)¹⁸.

В созвучии с этими рассуждениями раскрывается содержание вставных эпизодов в композиции тома I. В притче о Кифе и Моке автор обращается к образу былинного русского богатыря, который в современности не отвечает своему главному призванию – быть защитником православной веры и русской земли. Образ псевдобогатыря удваивается в повествовании образом кутилы и карточного шулера Ноздрева, «в некотором роде исторического человека», который все свои таланты и время тратит на игру в карты и псовую охоту.

---

¹³ Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. Т. 6. М., 1994. С. 283. Цит. по: Виноградов И.А. «Я брат твой»: О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе 19–20 веков. Петрозаводск, 2001. С. 221.

¹⁴ Библия. С. 717.

¹⁵ Библия. С. 762.

¹⁶ Гоголь Н.В. Мертвые души. С. 156.

¹⁷ Там же. С. 157.

¹⁸ Там же. С. 355.

В «Повести о капитане Копейкине» Гоголь также напрямую обращается к теме милосердия, показывая черствость столичного чиновника, своими действиями буквально выбрасывающего на обочину жизни героя, потерявшего здоровье на полях сражений в Отечественной войне 1812 г. В рассказе почтмейстера Ивана Андреевича капитан Копейкин предстает в образе «благородного разбойника», который насилем пытается навести порядок и утвердить социальную справедливость. История вполне в духе немецкого романтизма, не зря рассказчик «...читал весьма прилежно, даже по ночам, Юнговы “Ночи” и “Ключ к тайнствам натуры” Эккартсгаузена...»¹⁹, но имеет вполне «завирательное» содержание, на что быстро указывает полицеймейстер.

Система персонажей в поэме Гоголя хорошо изучена в отечественной науке, образы героев стали хрестоматийными. Автор исследует поведение своих героев с помощью христианских правил и норм, опираясь на библейский текст, используя библейские мотивы Страшного суда, земных и небесных сокровищ [Голубева, 2016]. Продолжая обманывать всех подряд, Чичиков должен был потерпеть очередной крах, как это случилось с Хлестаковым в «Ревизоре» (1836). Прообраз Страшного суда – приезд ревизора – не оставляет надежд на спасение героя от расплаты, чиновники «Мертвых душ» страшатся приехавшего нового губернатора, который в их воображении выступает в качестве своеобразного ревизора. Гоголь показывает, что земное правосудие своими средствами бессильно исправить духовно-нравственное состояние общества. Символичны смерть и похороны прокурора, у которого только после смерти обнаружилось наличие души, которую он «по скромности своей» ранее никогда не показывал²⁰. Горький комизм приобретает сцена, в которой Павел Иванович грозит Страшным судом кузнецам, запросившим слишком большую сумму за свою работу.

Особенно ярко проявляется в поэтике поэмы мотив безудержного обогащения и накопительства, что соотносится с библейским мотивом земных и небесных сокровищ. Не менее важным оказывается в этом контексте и мотив милосердия. Яркий и значителен в галерее помещиков Плюшкин, на примере жизни которого писатель показывает деградацию личности и картину умирания человеческой души. Милосердие становится главной проверкой его человечности. Плюшкин встречает Чичикова в старом халате, который делает его похожим на бабу-ключницу. Внешний вид Плюшкина настолько жалок, что напрямую вызывает в повествовании тему сострадания:

---

¹⁹ Там же. С. 222.

²⁰ Гоголь Н.В. Мертвые души. С. 300.

«... если бы Чичиков встретил его, так принаряженного, где-нибудь у церковных дверей, то, вероятно, дал бы ему медный грош»²¹. Значение халата как изобразительной детали вызывает много ассоциаций у читателя в зависимости от семантической нагрузки, которой ее наделяет автор. Это подарок, который много лет тому назад на Пасху вместе с куличом привезла ему дочь, по молодости лет совершившая ошибку и теперь глубоко несчастная. Она просила у отца прощения и помощи, Плюшкин ее простил и внуков приласкал, но ничем не помог. Ранее добрый, щедрый, гостеприимный, теперь он не находит ни чувства привязанности, ни сострадания к своим ближним. Автор называет своего героя «*прорехой на человечестве*». Перед читателем разворачивается семейная трагедия героя. С потерей жены Плюшкин ожесточается, приходит в бесчувственное состояние, теряет способность любить ближнего, творить добрые дела, лишается милосердия.

Можно утверждать, что традиция милосердия как одна из составляющих русскую традиционную культуру – проявление духовности человека, занимает важное место в поэме Гоголя «Мертвые души». Обращение писателя к духовному опыту, зафиксированному в народных традициях, углубляет проблематику поэмы и придает ей поистине национальный колорит. Сатирически нарисованные герои лишены этого духовно-нравственного чувства, в силу чего в их поведении проявляются недостатки человеческой природы, грубые страсти, что призвано обратить внимание читателя на подлинный смысл человеческого существования. Тема милосердия – одна из ключевой к пониманию содержания поэмы «Мертвые души», помогает оценить характеры и поступки его героев, заставляет читателя задуматься о смысле человеческой жизни, обратиться к миру русской традиционной культуры как к источнику духовных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель. Христианские основы мирозерцания. М., 2000.
2. *Виноградов И.А.* «Я брат твой»: О повести Н.В. Гоголя «Шинель» // Евангельский текст в русской литературе 19–20 веков. Петрозаводск, 2001. С. 215–238.
3. *Виноградов И.А., Воронаев В.А.* Карандашные пометы и записи Н.В. Гоголя в славянской Библии 1820 года издания // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: сб. науч. тр., вып.2. Петрозаводск, 1998. С. 234–249.
4. *Воронаев В.А.* «Творить без любви нельзя». Священное Писание в жизни и творчестве Н.В. Гоголя // Русская речь. М., 2013. № 3. С. 83–92.

---

²¹ Там же. С. 167.

5. *Воропаев В.А.* Малоизвестная часть творческого наследия Н.В. Гоголя: выписки из творений Святых отцов и Богослужбных книг // Проблемы исторической поэтики: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Т. 3. № 6. Петрозаводск, 2001. С. 240–249.
6. *Голубева Е.И.* Библейский текст в творчестве Н.В. Гоголя: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2016.
7. *Гольденберг А.Х.* Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя. 5-е изд., стереотип. М., 2014.
8. *Громыко М.М., Буганов А.В.* О воззрениях русского народа. 2-е изд. М., 2007.
9. *Гуминский В.М.* Открытие мира, или Путешествия и странники [О русс. писателях 19 в.]. М., 1987.
10. *Денисов В.Д.* Евангельские мотивы в последних записях Н.В. Гоголя // Проблемы исторической поэтики. Вып. 10: Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр: Сб. науч. тр. Вып. 7. Петрозаводск, 2012. С. 49–58.
11. *Есаулов И.А.* Богословие и русская словесность: о Георгии Флоровский о Гоголе // Н.В. Гоголь и русское Зарубежье: Пяты Гоголевские чтения: Сб. докл. М., 2006. С. 222–230.
12. *Зеньковский В.В.*, протопресвитер. Н.В. Гоголь. Париж, 1961.
13. *Золотусский И.П.* Душа и дело жизни. Очерки о Гоголе. М., 1981.
14. *Карташева Н.В.* К.П. Победоносцев о природе национального своеобразия христианских церквей // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 120–128.
15. *Мани Ю.В.* Поэтика Гоголя. М., 1978.
16. *Михед П.В.* Евангелизмы в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя и их функциональная семантика // Литература та культура Полісся. Ніжин, 1997. Вып. 9. С. 85–88.
17. *Мочульский К.В.* Духовный путь Гоголя. Париж, 1934.
18. *Назаров В.Н.* Нравственно-богословские искания Н.В. Гоголя: этика реального добра // История русской этики: учеб. пособие для студентов вузов. М., 2006. С. 50–56.
19. *Ульянов Н.* 1959. Арабеск или Апокалипсис? // Новый журнал. Нью-Йорк. № 57. С. 116–131.
20. *Чижевский Д.М.* 1938. О «Шинели» Гоголя // Современные записки. Париж. № 67. С. 172–195.
21. *Юдина О.И.* 2018. Репрезентация концептов в литературно-художественном творчестве как отражение особенностей культуры (на материале новелл С. Цвейга, концепт «liebe»/«любовь») // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2. С. 58–64.

Irina V. Mokletsova

**TRADITION OF MERCY
IN N.V. GOGOL 'S POEM 'DEAD SOULS'**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The subject of this study was the axiological aspects of the content of Russian classical literature, manifested in the genre and stylistic specificity of artistic works, the purpose of which is to reveal the peculiarities of the content of N.V. Gogol 's

poem “Dead Souls”, to study the ideological and moral representations of the writer and the ways of their implementation in the text. The work uses relatively historical, system-typological, historical-functional methods, which allow us to consider a complex literary phenomenon in an integrated manner. The results of the work show that the poetry of “Dead Souls” is formed on the basis of the religious world view of the writer, the novelty of the work is that for the first time the topic of mercy is considered as key in the realization of the author’s plan in order to show the spiritual values of the Russian people. The results of the study can be used in lectures on Russian classical literature in higher and secondary schools, at seminars and practical classes, the work is of interest to all those interested in the problems of Russian spirituality.

Key words: axiology; history of Russian literature; Russian spiritual culture; traditional culture; poetry; genre; character system; theme of mercy; religious outlook; spiritual will; N.V. Gogol; poem “Dead Souls”.

About the author: *Irina Mokletsova* – Dr. habil in Philology, Professor at the Department of Comparative Study of Literatures and Cultures, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: imokletsovamsu@mail.ru).

REFERENCES

1. Vinogradov I.A. 2000. *Gogol’ – hudozhnik i myslitel’. Hristianskie osnovy mirosozercaniya* [Gogol is an artist and thinker. Christian foundations of the worldview]. Moscow, IMLI RAN, “Nasledie”. (In Russ.)
2. Vinogradov I.A. 2001. «YA brat tvoj»: O povesti N.V. Gogolya “SHinel’” [“I am your brother”: About the story of N.V. Gogol “The Overcoat”]. *Evangel’skij tekst v russoj literature 19–20 vekov* [Gospel text in Russian literature of the 19–20 centuries]. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo universiteta, pp. 215–238. (In Russ.)
3. Vinogradov I.A., Voropaev V.A. 1998. Karandashnye pomety i zapisi N.V. Gogolya v slavyanskoj Biblii 1820 goda izdaniya [Pencil litters and notes N.V. Gogol in the Slavic Bible of the 1820 edition]. *Evangel’skij tekst v russoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr: sb. nauch. tr.* [Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre: collection. scientific tr.]. Issue 2. Petrozavodsk, pp. 234–249. (In Russ.)
4. Voropaev V.A. 2013. “Tvorit’ bez lyubvi nel’zya”. Svyashchennoe Pisanie v zhizni i tvorcestve N.V. Gogolya [“You cannot create without love.” Holy Scripture in the life and work of N.V. Gogol]. *Russkaya rech’* [Russian speech], no. 3. Moscow, pp. 83–92. (In Russ.)
5. Voropaev V.A. 2001. Maloizvestnaya chast’ tvorcheskogo naslediya N.V. Gogolya: vypiski iz tvorenij Svyatyh otcov i Bogoslužebnyh knig [A little-known part of the creative heritage of N.V. Gogol: extracts from the creations of the Holy Fathers and the Service Books]. *Problemy istoricheskoj poetiki: Evangel’skij tekst v russoj literature HVIII–HKH vekov* [Problems of historical poetics: Gospel text in Russian literature of the 18th – 20th centuries], vol. 3, no. 6. Petrozavodsk, Izd-vo Petrozavodskogo un-ta, pp. 240–249. (In Russ.)
6. Golubeva E.I. 2016. *Biblejskij tekst v tvorcestve N.V. Gogolya* [The biblical text in the work of N.V. Gogol]. Diss ... kand. filol.nauk. Moscow, 2016. (In Russ.)

7. Gol'denberg A.H. 2014. *Arhetipy v poetike N.V.Gogolya* [Archetypes in the poetics of N.V. Gogol]. Moscow. (In Russ.)
8. Gromyko M.M., Buganov A.V. 2007. *O vozzreniyah russkogo naroda* [On the views of the Russian people]. Moscow, Palomnik. (In Russ.)
9. Guminskij V.M. 1987. *Otkrytie mira, ili Puteshestviya i stranniki* [O rus. pisatelyah 19 v.] [Discovery of the world, or Travel and wanderers [About Russian. 19th century writers]]. Moscow, Sovremennik. (In Russ.)
10. Denisov V.D. 2012. Evangel'skie motivy v poslednih zapisyah N.V. Gogolya [Gospel motives in the last entries of N.V. Gogol]. *Problemy istoricheskoy poetiki. Vyp. 10: Evangel'skij tekst v russkoj literature XVIII–XX vekov: citata, reminiscenciya, motiv, syuzhet, zhanr: sb. nauch. tr.* [Problems of historical poetics. Vol. 10: Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: quote, reminiscence, motive, plot, genre: collection. scientific tr.], issue 7. Petrozavodsk, pp. 49–58. (In Russ.)
11. Esaulov I.A. 2006. *Bogoslovie i russkaya slovesnost': o Georgij Florovskij o Gogole* [Theology and Russian literature: Fr. George Florovsky about Gogol] In I.A. Esaulov. *N.V. Gogol' i russkoe Zarubezh'e: Pyatye Gogolevskie chteniya: sb. dokl.* [N.V. Gogol and Russian Abroad: Fifth Gogol Readings]. Moscow, KDU, pp. 222–230. (In Russ.)
12. Zen'kovskij V.V., protopresbyter. 1961. *N.V. Gogol'*. Paris. (In Russ.)
13. Zolotusskij I.P. 1981. Dusha i delo zhizni. Ocherki o Gogole [The soul and the work of life. Essays on Gogol]. Moscow, Pravda. (In Russ.)
14. Kartasheva N.V. 2018. K.P. Pobedonoscev o prirode nacional'nogo svoeobraziya hristianskih cerkvej [K.P. Pobedonostsev on the nature of the national identity of Christian churches]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 120–128. (In Russ.)
15. Mann Yu.V. 1978. *Poetika Gogolya. M.: Hudozhestvennaya literature* [The poetics of Gogol.]. Moscow, Fiction. (In Russ.)
16. Mihed P.V. 1997. Evangelizmy v «Vybrannyh mestah iz perepiski s druž'yami» N.V. Gogolya i ih funkcional'naya semantika [Evangelisms in “Selected places from correspondence with friends” by N.V. Gogol and their functional semantics]. *Literature and Culture Polesyya* [Literature and Culture of Polesye], vol. 9. Nizhin, pp. 85–88. (In Russ.)
17. Mochul'skij K.V. 1934. Duhovnyj put' Gogolya [The spiritual path of Gogol]. Paris. (In Russ.)
18. Nazarov V.N. 2006. *Nravstvenno-bogoslovskie iskanija N.V. Gogolya: etika real'nogo dobra* [Moral and theological searches of N.V. Gogol: ethics of real good] In V.N. Nazarov. *Istoriya russkoj etiki: ucheb. posobie dlya studentov vuzov* [History of Russian ethics: textbook. manual for university students]. Moscow, Gardariki, pp. 50–56. (In Russ.)
19. Ul'yanov N. 1959. Arabesk ili Apokalipsis? [Arabesque or Apocalypse?] *Novyj zhurnal* [New magazine], no. 57. New-York, pp. 116–131. (In Russ.)
20. Chizhevskij D.M. 1938. O “Shineli” Gogolya [About Gogol's “Overcoat”]. *Sovremennye zapiski* [Modern Notes], no. 67. Paris, pp. 172–195. (In Russ.)
21. Yudina O.I. 2018. Rerezentaciya konceptov v literaturno-hudozhestvennom tvorcestve kak otrazhenie osobennostej kul'tury (na materiale novell S. Cvejga, koncept «liebe»/«dyubov'») [Representation of concepts in literary and artistic creative work as a reflection of characteristics of culture (based on S. Zweig's novels, concept “Liebe” / “Love”)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 58–64. (In Russ.)

М.М. Раевская

**ЯЗЫК И ПРОСТРАНСТВО:
ТЕМА РУИНЫ В ИСПАНСКОЙ ПОЭЗИИ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В статье рассматривается образ руины с точки зрения его эволюции и особенностей восприятия в испанской поэзии, начиная с Золотого века до современных авторов. Исходными позициями исследования являются интерпретация (вслед за М.М. Бахтиным) руины как существующего в реальности хронотопа, т.е. материального выражения единения пространства и времени, а также осмысление руины как эстетической категории возвышенного, творящей новые формы и смыслы в соответствии с идеологической тенденцией эпохи (Ренессанс, Барокко, Просвещение, Романтизм, Постмодернизм). Исследование топоса руины в иберийском ментальном контексте позволило определить предпочтения в восприятии данного пространственного объекта. В статье показано, что испанские поэты эпохи Возрождения, впервые обратившие свой взор на данный предмет окружающей действительности, добавили свой ракурс в его восприятии, смещая фокус от руин Карфагена к Риму, а затем – в сторону Иберийского пространства. Первыми в испанской поэтической традиции эпохи Возрождения стали сонеты Гарсиласо де Ла Веги (Garcilaso de La Vega) и Гутьерре де Сетины (Gutierrez de Cetina), посвященные руинам Карфагена, вслед за которыми представители Севильской школы XVI в. значительно расширили фокус географического и исторического восприятия. Сформированные классической традицией два способа осмысления руины будут существовать в более поздний период как в чистых формах, так и в рамках нерасторжимого единства и найдут свое место уже в испанской поэзии XX в. в творчестве Анибала Нуньеса (Aníbal Núñez, 1944–1987).

Ключевые слова: поэтика руин; испанские поэты Золотого века; испанская поэзия Барокко; испанский романтизм; испанская поэзия XX в.; Анибал Нуньес.

Тема руины всегда присутствовала в дискурсивном опыте чело-
века и давно стала топосом в мировой художественной литературе:

Раевская Марина Михайловна – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой испанского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: mraevskaya@gmail.com; infospanish@yandex.ru).

поэты и писатели обращались к ней во все времена, используя имеющееся в их распоряжении жанровое разнообразие. Изучение ее творческого выражения и осмысления во всех видах словесного и визуального искусства (Г. Зиммель, Д.С. Лихачев, С.А. Лишаев, Б.М. Соколов, А. Шёнле, L. Goldsein, С.А. Disandro, R. Macaulay, R. Mortier, J. Ortega-y-Gasset, S. Thomas, P. Zucker и др.) позволяет сделать только один вывод – руина как зрелище относится к эстетической категории возвышенного, ее созерцание творит новые формы и смыслы и отсылает человека к внутренней стихии: будучи природной деформацией, руины олицетворяют символические связи, объединяющие разрозненные времена и функционируют как мост между двумя несмежными историческими периодами.

Западноевропейская литература по теме включает корпус текстов, написанных британскими, немецкими, французскими, итальянскими, испанскими и другими авторами во все периоды (Античность, Средневековье, Ренессанс, Барокко, Просвещение, Романтизм) истории освоения и осмысления человеком пространства [Загряжская, 2012; Раевская, 2018].

Согласно исследованиям, ключевой темой европейского гуманизма, по которой написана обширная библиография (А.А. Biglieri, Н. Bonneville, R.J. Cuervo, F.M. Chambers, А.М. Gordon, E. Rugg, Т.М. Greene, J. Lara Garrido, R. Macaulay, A. Mazzoco, J.P. Pastor, Z.S. Schiffman, P. Zucker, R. Weiss, P.A. Ramsey, B. Wardropper, J. Vianeу и др.), стали руины древнего Рима – Петрарка (Petrarca, 1304–1374) первым пишет стихи о былой славе некогда могучего города. Великий гуманист Поджо Браччолини (Poggio, 1380–1459) продолжил эту тему вслед за Петраркой, однако, лишь после печально известного факта – разграбления Рима 6 мая 1527 г. многонациональными войсками императора Карла V (в состав которых входили и испанцы) – руины Вечного города становятся объектом постоянного поэтического интереса. Самым известным стихотворением, воспевающим то, что осталось от его священных стен, считается сонет Бальдассаре Кастильоне (Baltassare di Castiglione, 1478–1529) *“Superbi colli, e voi sacre ruine...”*, после опубликования которого тема становится одной из ведущих в Европе эпохи Возрождения [Шевлякова, 2019].

Интересно, что в испанской литературе таковой являются прежде всего развалины Карфагена, возможно, по одной из гипотез [Lopez Bueno: 64], в силу того, что у испанцев были еще живы воспоминания о сотворенном в том числе и их руками в Риме. Первым, кто посвятил им сонет (*“Boscan, las armas i el furor de Marte...”*), был поэт Гарсиласо (Garcilaso de la Vega, 1501(1503)–1536), сопровождав-

ший Карла V в походах и побывавший вместе с его армией в 1535 г. в Тунисе:

...Aqui dond'el Romano encendimiento,
dond'el fuego i la llama licensiosa
solo el nombre dexaron a Cartago;
Buelve i rebuelve Amor mi pensamiento,
hiere i enciende 'l alma temerosa,
i en llanto i en ceniza me deshago. [цит. по: Lopez Bueno: 64]

Вслед за Гарсиласо тему продолжает Гутьерре де Сетина (Gutierre de Cetina, 1520–1557), также проходивший военную службу у того же императора и явно адаптировавший под новый исторический контекст тот же самый посвященный Риму сонет Бальдассаре Кастильоне, в котором заменил имя Вечного города на Карфаген “*Al monte donde fue Cartago*”:

Excelso monte do el romano estrago
eterna mostrará vuestra memoria;
soberbios edificos do la Gloria
aún resplandece de la gran Cartago...
[цит. по: Lopez Bueno: 63]

Именно эти два сонета (Гарсиласо и Сетины) создали прецедент в испанской поэтической традиции. В целом в эпоху Ренессанса мысль о тщете и бренности земного бытия красной нитью проходит сквозь всю поэзию руин, которые символизировали величие прошлой славы и транслировали понятные всем чувства (гордость за великое прошлое) и мысли о превратностях судьбы. Образ руины был в целом соразмерен и подчинен человеку эпохи Возрождения, который осознавал победу времени над формами пространства.

Интересно, что Хуан Аргихо (Juan de Argijo, 1567–1623) привносит некое своеобразие в общепринятую интерпретацию (“*Este soberbio monte y levantada...*”): с одной стороны, мы видим уже известный стереотип – образ города, являющегося «могилой» своего же величия, и его развалин как «истинного примера», служащего наставлением для прошлых и будущих эпох о судьбе, которая ждет все человеческое. Тем не менее именно эти руины уже не существующего города у Аргихо являются символом бессмертия благодаря славе и памяти, оказавшихся сильнее Времени:

Mas en tanta ruina mayor gloria
no os pudo fallecer, ¡oh celebrados
de la antigua Cartago ilustres muros!,
que mucho más creció vuestra memoria
porque fuistes del tiempo derribados,
que si permaneciérades seguros. [Argujio, 1971: 147]

При этом следует отметить, что в течение практически всего XVI столетия испанские поэты намеренно избегали упоминания римских руин: авторы Севильской школы XVI в. (прежде всего Juan de Espinosa, Fernando de Herrera, Baltasar del Alcázar, Francisco de Rioja, Juan de Arguijo, Francisco de Medrano, Rodrigo Caro, Leonardo de Argensola) значительно расширили фокус географического и исторического восприятия. Так, объектами поэтического описания Аргихо и Риохи стали в том числе развалины Трои и мифической Атлантиды, Сетина упоминает о Риме лишь вскользь, достаивая основного внимания руины Сагунта, Трои, Нумансии, Карфагена «и даже Белграда» [Vranich, 1980: 768].

Древние иберийские руины стали предметом художественного восприятия чуть позже, и как это было в Италии, сначала именно археологи, а затем и поэты открывают великолепные образцы древнеримских городов, таких как, например, Италика (Itálica), находящаяся в нескольких милях от Севильи. Родриго Каро (Rodrigo Caro, 1573–1647), ученый-правовед, археолог и поэт, автор знаменитой «Песни на руинах Италики» (“*Canción a las ruinas de Itálica*”), является самым частым посетителем завораживающего печалью зрелища:

Estos, Fabio, ¡ay dolor!, que ves ahora
campos de soledad, mustio collado,
fueron un tiempo Itálica famosa... [Itálica, 1973: 13]

Тема руин Италики становится модной именно у поэтов Севильской школы конца XVI – начала XVII в. Здесь ищут вдохновение поэты, посвятившие одни из самых красивых сонетов этому городу, известному в то время под именем Севилья-ла-Вьеха: Фернандо Эррера («*Esta rota y cansada pesadumbre...*»), Франсиско де Медрано, который жил совсем рядом (“*A las ruinas de Itálica*”), Хуан де Эспиноса (“*Itálica infelice que del hado...*”), Хуан Аргихо (“*Esta, a la rubia Ceres consagrada...*”), Франсиско де Риоха (“*A Itálica*”), Леонардо де Архенсола (“*Muros, ya muros no, sino trasunto...*”) и др. Все они, возвращенные на литературных примерах классической латыни и итальянского Возрождения, создают свою собственную образность – тема руин начинает звучать по-новому и получает неповторимую вариативность. Так, например, у Аргихо звучит уже иной мотив – прославления безучастной к былой материальной роскоши торгового города матери-природы, возродившей посреди руин новую жизнь:

Esta, a la rubia Ceres consagrada
parte fecunda de la madre tierra
que el sustento común al orbe encierra

de tanta espiga en la preñez dorada
fue ciudad al comercio dedicada... [Arguijo, 1971: 151]

Хуан Эспиноса задается вопросом, почему время безжалостно разрушило храмы, но пощадило и оставило нетронутым омытый человеческой кровью амфитеатр? Поэт размышляет о том, что, видимо, «жестокость и ужас столь же значимы для управителя человеческих судеб» [Vranich, 1980: 766].

С этими поэтами тема становится испанской – воспетые руины принадлежат родине. На Золотой Век приходится ее апогей [Wardropper, 1991], именно классическая традиция в конечном итоге сформирует два способа осмысления руин, господствовавшие в периоды Ренессанса и Барокко, которые будут существовать в более поздней поэзии как в чистых формах, так и в рамках нерасторжимо единства: модель Ренессанса, сосредоточенная на восхищении и возвышении прошлого великолепия, и модель Барокко, ориентированная на разочарование, найдут свое место уже в испанской поэзии XX в. [Martos Pérez, 2008].

С тех пор поэтика руин как особый дискурс получает активное развитие именно в иберийском контексте, который являл собой путешествие во времени и был прямой дорогой в древность: Италия, Нумансия, Сагунто, Синхилия Барба, Сальмедина, Таррако и т.д. вызывали вдохновение не у одного поколения испанских поэтов. Однако уже тогда, на рубеже XVI–XVII вв., намечается новый поворот во взгляде, пространственный охват становится шире, предметом лирического размышления наблюдателя становится *современный ему* визуальный контекст: разрушающиеся стены средневековых замков, арабские руины и опустевшие деревни, постепенно погружающиеся в летаргию. К возвышенной грусти примешивается иное чувство – разочарования и даже презрения (см. у Медрано “*España triste gime / de la fortuna en la más alta cumbre...*”).

Это можно увидеть и у Луиса Гонгоры (Luis de Góngora, 1561–1627), написавшего в 1592 г. поэму «Замок Сан-Сервантес» (“*Castillo de San Cervantes*”) в сатирической тональности и тем самым ознаменовавшего поворот в господствовавшей ранее идеологии: вместо величия славного прошлого созерцающий родные руины наблюдатель вдруг почувствовал раздражение от несостоявшегося настоящего и облек свои мысли в форму бурлеска [Fasquel, 2010], продемонстрировав тем самым эмоциональный спектр их восприятия – от смиренного преклонения до презрительного сарказма, одновременно служащего предостережением (остается только догадываться кому), – так руины некогда неприступного замка превратились в символ персонифицированной внешней и внутренней деградации...

Подобное видение ознаменовало собой собственно испанское восприятие исторической действительности (анонимный сонет “*Al castillo de Guadaira casi arruinado*”, XVII в.), замешанное на чувстве сарказма, горечи и презрения, сохранившееся у некоторых авторов и по сей день:

Edificio decrepito y caduco,
que forzado del zéfiro barajas
essas murallas con que en vano atajas
valuartes que dieron al trabuco... [цит. по: Vranich, 1980: 766]

Уже Кеведо (Francisco de Quevedo, 1580–1645) явно избегает тщеславного возвеличивания прошлых заслуг и подчеркивает лишь преходящесть момента в стихотворении “*A Roma sepultada en sus ruinas*”:

Buscas en Roma a Roma, ¡oh peregrino!,
y en Roma misma a Roma no la hallas:
cadáver son las que ostentó murallas,
y tumba de sí propio el Aventino...
¡Oh, Roma!, en tu grandeza, en tu hermosura,
huyó lo que era firme, y solamente
lo fugitivo permanece y dura. [Quevedo, 1969: 418]

Принято считать, что Кеведо позаимствовал тему и образ из эпиграммы Януса Виталиса “*De Roma*” (1552) и сонета Йоахима дю Белле “*Antiquitez de Rome*” (1558), добавив родное испанское чувство горечи и усугубив мотив безысходности и тщеты человеческих усилий – в результате чего блестящий текст явил собой метафору бренности всего сотворенного человеком: *fugit irreparabile tempus, memento mori*... Тот же мотив звучит и у Каро, Аргихо, Медрано, использующих преимущественно «лексику смерти» (*vocabulario de muerte*): Рим, Афины и Карфаген представляют собой пепелище, останки и могилу былого величия (*tumba, cadáver, mortaja, sepulcro, calavera, esqueleto, luto, exequias, cementerio*...) [Biglieri, 2002: 102].

А по отношению к тому, что видит на своей родной земле, Кеведо пронзительно безжалостен:

Miré los muros de la patria mía,
sí un tiempo fuertes ya desmoronados
de la carrera de la edad cansados
por quien caduca ya su valentía... [Quevedo, 1969: 184]

Идеология, изначально сформировавшаяся в рамках общепринятой традиции, пережила в умонастроении испанских авторов своеобразный кризис, ознаменовавший новый поворот в перцепции родной исторической реальности вплоть до ярого сарказма, отсы-

лающего к событиям личной жизни. Упаднический дух и полное разочарование становятся доминирующими в мировосприятии поэта в сложный период его жизни, когда он создает поэму “*Funeral a los huesos de una fortaleza que gritan mudos desengaños*” (1621/1622/1628), являющуюся примером морализаторской сатиры, где руины символизируют будущее, которое ожидает сильных мира сего:

Aquí, en cátedra de muertos,
Atento le oí discursos
del bachiller Desengaño
contra sofisticos gustos...
Tú, que te das a entender
La eternidad que imaginas,
Aprende de estas ruinas,
Si no a vivir, a caer. [Цит по: Fasquel, 2010: 2]

Руина являет собой средоточие прошлого и настоящего, локализованных в одном и том же пространстве, что становится сильнейшим посылом для наблюдателя: *sic transit gloria mundi*, и именно этот визуально осязаемый человеком образ побуждает его к размышлению. По своей сути руина – это существующий в реальности хронотоп (согласно М.М. Бахтину), – в данном случае не литературное, а самое что ни на есть материальное выражение единения пространства и времени, транслирующее ключевую идею своего барочного понимания как разочарования, обмана, драматизма и изменчивости материального мира.

Считается, что вместе с Кеведо тема руин на какое-то время исчерпывает себя [Biglieri, 2002; Vranich, 1980], пока не возрождается вновь у представителей романтизма, отчасти опиравшихся на опыты его современника – Лопе де Веги (Lope de Vega, 1562–1635), для которого обращение к образу руин служит лишь предлогом для того, чтобы передать переживаемое им личное чувство. В его сочинениях, в отличие от других представителей испанского Барокко, тема потери и опустошения города представлена не столь явно. Да, с одной стороны, – это неотвратимость конца человеческой жизни:

¡Oh condición mortal! ¡Oh dura suerte!
¡Qué no puedo querer vivir mañana
sin la pretensión de la muerte!
Cualquier instante de la vida humana
es nueva ejecución, con que me advierte
cuán frágil es, cuán mísera, cuán vana.
[Цит. по: Pastor, 2002: 2]

С другой стороны, образ руины у Лопе де Веги – это метафора его собственной не просто безответной, а отверженной любви: ру-

ины подобно пеплу олицетворяют не только былые яркие эмоции, но и одиночество. Лопе исключительно биографичен в их восприятии, он перенес данный образ в сферу человеческого чувства – любви, и, пожалуй, первый в испанской поэзии столь ярко и талантливо рассказал об этом.

Великий драматург посвятил свои стихотворения древним Сагунту (“*Mirando está las cenizas*”, “*Vivas memorias, máquinas difuntas*”), но еще больше – Трое (“*Fue Troya desdichada y fue famosa*”, “*Árdese Troya y sube el humo oscuro*”, “*En aquestas columnas abrasadas*”, “*Cayó la Troya de mi alma en tierra*”, “*El ánimo solícito y turbado*”). И это не случайно [Pastor, 1995]. Поэт, пережив бурный роман с актрисой Еленой Осорио, находясь в изгнании в Валенсии, не случайно обращается к этой теме: Лопе в большей степени волнует сентиментальная, а не материальная трагедия. Большинство его стихотворений на эту тему написаны здесь, ибо руины Трои напоминают ему о вполне конкретных событиях и людях:

Entre aquestas columnas abrasadas,
frías cenizas de la ardiente llama
de la ciudad famosa, que se llama
ejemplo de soberbias acabadas... [Rimas, 1998: 52]

Подобное отношение к руинам было характерно для XVII в., но именно тогда в европейском искусстве начал зарождаться их новый образ. В XVIII столетии романтизм как время ностальгического возврата к прошлому привносит особую тональность в ставшее уже привычным восприятие. На фоне всеобщей увлеченности археологическими раскопками, когда открытие в 1748 г. руин в Помпеях стало «общеевропейски значимым событием, а коллизия природы и культуры общепросветительской проблемой» [Пасхарьян: 1], руина начинает осмысляться как в большей степени творение природы, своим обликом демонстрирующее победу стихийных сил над творческой деятельностью человека [Martos Pérez, 2008]. По словам Георга Зиммеля, великая борьба между волей духа и необходимостью природы заканчивается победой последней, ибо разрушение предстает перед человеком как месть природы за насилие, которое дух совершил над ней, формируя ее по своему образу [Зиммель, 1996].

29 апреля 1751 г. на последнем совместном заседании Королевской Академии испанского языка (Academia del Buen Gusto) вниманию всех собравшихся была представлена поэма “*Las ruinas. Pensamientos tristes*”, чьим автором являлся действительный член той же академии, дипломат Альфонсо Вердуго и Кастилья, граф Торрепальма (Alfonso Verdugo y Castilla, conde de Torrepalma, 1706–1767),

хорошо знакомый с европейской романтической традицией. Центральная метафора его сочинения – руина, порождающая себе подобную как неизбежный фатум и как символ безнадежности поиска Абсолюта, что полностью соотносится с романтическим настроением эпохи [Sebold, 1991].

Испанская литература руин периода позднего романтизма (во всяком случае, когда речь идет о ее первых именах) представлена главным образом в поэтической прозе. Два выдающихся представителя испанского романтизма – Густаво Адольф Беккер (Gustavo Adolfo Bécquer, 1836–1870) и Росалия де Кастро (Rosalía de Castro, 1837–1885) – писали на эту тему, поместив своих героев в том числе в пространство среди готических руин.

Умонастроение XIX в. как нельзя лучше отражает появившаяся в 1858 г. в журнале *Museo Universal* небольшая статья тогда еще очень молодого Эмилио Кастелара (в будущем политического и государственного деятеля, историка, писателя, члена Королевской Академии испанского языка, фактического президента Первой Испанской республики), в которой он размышляет об искупительной силе искусства и, в частности, о руинах как источнике вдохновения: “¿Por todas partes ruinas! ... ¿Con estas reliquias del arte, no se inspirarán innumerables artistas? Consérvense estas fuentes de santa inspiración, estos tabernáculos del espíritu de nuestros padres, piedras miliarias que atestiguan el camino que lleva la humanidad en la tierra”¹ [Paisajes, 2019].

В первой половине XX в. тема руин звучит в духе классической традиции – философских рассуждений о судьбе человека – в творчестве Луиса Сернуды (Luis Cernuda, 1902–1963), Хорхе Гильена (Jorge Guillén, 1893–1984) и Висенте Алейксандре (Vicente Aleixandre, 1898–1984), принадлежащих к объединению испанских деятелей искусства «Поколение 27 года» (*Generación del 27*), а также наших современников Пабло Гарсиа Баены (Pablo García Baena, 1923–2018), Виктора Ботаса (Victor Botas, 1945–1994), Франсиско Бринеса (Francisco Brines, род. 1932), Гильермо Карнеро (Guillermo Carnero, род. 1947), Антоньо Колинаса (Antonio Colinas, род. 1946), Сесара Антоньо Молины (Cesar Antonio Molina, род. 1952), Диего Хесуса Хименеса (Diego J. Jiménez, 1942–2009).

Однако самое яркое продолжение тема руины в своей поэтической форме имеет в творчестве Анибала Нуньеса (Aníbal Núñez, 1944–1987), малоизвестного современному читателю. Согласно многочисленным исследованиям (R. Badía Fumaz, M. Casado, P. Casado,

---

¹ «Повсюду руины! ... Разве эти художественные реликвии не воодушевляют многих? Сохраняйте эти источники святого вдохновения, эти скинии духа наших родителей, камни, отмеряющие земной путь человечества...» (перевод мой. – М.Р.) [Paisajes, 2008].

J.S. Ferri Coll, J. Francisco Freire, F. R. de la Flor, I. González Gil, J. Herrero Álvarez, G. Labrador Méndez, M.D. Martos Pérez, R. Pardellas Velay, C. Piera, A.L. Prieto de Paula, M. L. Puppo, J.M. Rozas López), поэт возрождает традицию испанского Барокко, следуя в русле идейных исканий Кеведо, помимо английских романтиков, также оказавших большое влияние на его идеологию, – с одной стороны, руина как символ разрушительной силы Времени является средоточием прошлого и настоящего, а с другой, – олицетворением прожитых чувств и идей, уже лишенных жизненной силы [Badía Fumaz, 2013]. К двум осям временного пространства, пересекающимся в руине как де-форме, Нуньес добавляет третью – будущее, представляя ее как бесконечно меняющийся процесс:

Seis arcos ciegos: resto ahora patente,
ayer y luego oculto;
libre por el momento de lo que sea vivienda
y es edificación, vierte más hielo
sobre quien, aterido de esperanza,
contempla tras la valla y diseña un futuro
que irá desvaneciéndose [Nuñez, 1995: 311]

Творчество поэта (сборники *Alzado de la ruina* (1981), *Cuarzo* (1988), *Clave de los tres reinos* (1986), *Primavera soluble* (1992)) можно рассматривать как макротекст, имеющий свой неповторимый имажинарный синтаксис, в котором субординирующую роль выполняет образ руины, являющийся неким аллегорическим кодом, метафорическим ядром, выстраивающим образы в определенном порядке. Руина в творческом замысле Нуньеса выступает как «ужасная метафора болезненного упадка» [Freire, 2002: 296], как священное пространство, способное вызвать определенные состояния сознания и соединиться с космосом.

Руины не вписываются в современный городской пейзаж, вот почему они представляют собой забытое всеми необитаемое, но семиотически организованное, несмотря на свою фрагментарность, пространство:

Suma de lo incompleto a lo truncado,
no es sitio para estar: impide toda
adoración la ausencia de un centro ...
[Nunez, 1995: 325]

И, наконец, самая неожиданная интерпретация образа руин у Нуньеса – для него материальной формы воспоминаний, воссоздающих в определенном локусе сцены прошлой жизни, – так и слова являются осколками прошлого, «руинами опыта, следами пережитого» [Puppo, 2006: 206]...

Таким образом, руина как де-форма пространства по-прежнему волнует воображение поэтического субъекта и является вечной темой для размышлений, что только подтверждает мысль А. Шенле о том, что «руины – это великолепное зрелище, созданное режиссером-историей...» [Шёнле, 2009: 1].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Загряжина Т.Ю.* Антропология пространства (на франкоязычном материале) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 9–28.
2. *Зиммель Г.* Руина. Эстетический опыт (1907) // Зиммель Г. Избранное. Т. 2. М., 1996. С. 227–233.
3. *Пахсарьян Н.Т.* Тема руин во французской литературе XVIII века. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-tema-ruin.htm> (дата обращения: 25.11.2019).
4. *Раевская М.М.* Иберийский травелог: к вопросу о типологии жанра // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4. С. 97–109.
5. *Шевлякова Д.А.* Идея Рима в формировании национальной идентичности итальянцев // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 79–87.
6. *Шёнле А.* Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // Новое литературное обозрение. 2009. № 1. С. 24–38. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/antropologiya-ruiny-v-filosofii-istorii-pr...> (дата обращения: 24.11.2019).
7. *Arguijo J.* Obra poética. Madrid, 1971.
8. *Badía Fumaz R.* Anibal Núñez: una relectura del tópico barroco de la ruina en el siglo veinte // Acta Literaria. Chile: Universidad de Concepción. 2013. № 47. P. 135–150. URL: <https://scielo.conicyt.cl/scielo> (accessed: 25.12.2019).
9. *Biglieri Anibal A.* Ruinas romanas y poesía española // Auster. 2002. № 6–7. P. 85–111. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
10. *Fasquel S.* La poesía burlesca de las ruinas // Actas XVI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Nuevos caminos del hispanismo. 2010. Vol. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
11. *Freirre F.* Prólogo a *Cuarzo* // Aníbal Nuñez. Obra poética. Madrid, 1995. T. 1. P. 294–296.
12. *Góngora, Luis de.* Antología poética. Barcelona, 2009.
13. *Itálica:* antología lírica para unas ruinas. Sevilla, 1973.
14. *Lopez Bueno B.* Tópica literaria y realización textual: unas notas sobre la poesía de las ruinas en los siglos de oro // Revista de Filología Española. № LXVI. P. 59–74. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 27.12.2019).
15. *Martos Pérez M.D.* Las ruinas en la poesía española contemporánea. Estudio y antología. Málaga, 2008.
16. *Nuñez A.* Obra poética. Madrid, 1995.
17. Paisajes de ruinas en la pintura del Romanticismo español: un breve recorrido // Mito (Revista cultural), Noviembre 2019. URL: revistamito.com/paisajes-de-ruinas-en-la-pintura (accessed: 20.12.2019).

18. *Pastor P.J.* La poesía de ruinas en el primer Lope // *Espéculo*. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid. 2002. № 20. URL: <http://www.ucm.es/info/especulo/numero20/ruinas.html> (accessed: 20.12.2019).
19. *Puppo M.L.* De ruinas y cristales: una poética del tiempo en los textos de Anibal Núñez // *Revista de Literatura*, 2006. Vol. 68. № 135. P. 199–219. URL: [revistadeliteratura.revistas.csic.es › article › view](http://revistadeliteratura.revistas.csic.es/article/view) (accessed: 27.12.2019).
20. *Quevedo Francisco de*. Obra poética, Vol. I. Madrid, 1969.
21. *Rimas humanas y otros versos*. Barcelona, Crítica, 1998.
22. *Sebold R.P.* Ruinas y romanticism. *ABC*, 1991. URL: [www.cervantesvirtual.com › obra-visor › html](http://www.cervantesvirtual.com/obra-visor/html) (accessed: 23.12.2019).
23. *Vranich S.* La evolución de la poesía de las ruinas en la literatura española de los siglos XVI y XVII // *Actas del VI Congreso de la AIH*. Toronto: University of Toronto, 1980. P. 765–768. URL: [www.cervantesvirtual.com › obra › la-evolucion-...](http://www.cervantesvirtual.com/obra/la-evolucion-...) (accessed: 21.12.2019).
24. *Wardropper B.W.* The Poetry of Ruins in the Golden Age // *Revista Hispánica Moderna*. 1969. № 35. P. 295–305.

Marina M. Raevskaya

**LANGUAGE AND SPACE:
THE RUINS MOTIF IN SPANISH POETRY**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the evolution of ruins motif and ruin perception in Spanish poetry, from the Golden Age to contemporary poets. The starting point of the research is the perception of the ruins, after M.M. Bakhtin, as a chronotop, the intrinsic connectedness of temporal and spatial relationships. The ruins became an aesthetic category, whose reflection in the form and the content of a poetic work agreed with the ideology of a particular period – Renaissance, Barocco, Enlightenment, Romanticism, or Postmodernism. Studying the ruins topos in the context of Iberian mentality allows us to see the local tendencies in the perception of the ruins. The Renaissance poets were the first to draw attention to the ancient remnants, from Carthage later refocusing towards the Roman ruins and the Iberian space. Thus, in Renaissance Spanish poetry Garcilaso de La Vega and Gutierre de Cetina were the first to devote the sonnets to the Carthaginian ruins, while the 16th century Seville poets took a broader view, both geographically and historically. The two functions of the ruins established in the early poetic tradition emerged in the later works both individually and in their inseparable unity, to be interpreted in the 20th century poetry by Anibal Núñez (1944–1987).

Key words: ruin poetry; Golden Age Spanish poets; Barocco Spanish poetry; Spanish romanticism; 20th century Spanish poetry; Anibal Núñez.

About the author: *Marina Raevskaya* – Dr. habil in Philology, Professor, Head of the Department of Spanish Language, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: mraevskaya@gmail.com; info-spanish@yandex.ru).

REFERENCES

1. Zagryazkina T.Yu. 2012. Antropologiya prostranstva (na frankoyazy`chnom materiale) [Anthropology of space (in French)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–28. (In Russ.)
2. Zimmel` G. 1996. *Ruina. E`steticheskij opy`t* (1907) [Ruin. Aesthetic experience] In Zimmel` G. *Izbrannoe*. [Selected Works] T. 2. Moscow. Yurist, pp. 227–233. (In Russ.)
3. Paksar`yan N.T. *Tema ruin vo francuzskoj literature XVIII veka* [The theme of ruins in 18th century French literature]. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-tema-ruin.htm> (accessed: 25.11.2019). (In Russ.)
4. Raevskaya M.M. 2018. Iberijskij travelog: k voprosu o tipologii zhanra [Iberian Travelogue: Revisiting the Genre Typology]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 97–109. (In Russ.)
5. Shevljakova D.A. 2019. Ideya Rima v formirovanii nacional`noj identichnosti ital`yancev [The Idea of Rome in the Formation of the National Identity of the Italians]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 97–109. (In Russ.)
6. Shyonle A. 2009. Apologiya ruiny` v filosofii istorii: providencializm i ego raspad [Apology of Ruins in the Philosophy of History: Providentialism and its Decay]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New literary review], no. 1, pp. 24–38. URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-fra/pahsaryan-tema-ruin.htm> (accessed: 24.11.2019). (In Russ.)
7. Arguijo J. 1971. *Obra poética*. Madrid, Castalia.
8. Badía Fumaz R. 2013. Aníbal Núñez: una relectura del tópico barroco de la ruina en el siglo veinte”. *Acta Literaria*, no. 47. Chile, Universidad de Concepción, pp. 135–150. URL: <https://scielo.conicyt.cl/scielo> (accessed: 25.12.2019).
9. Biglieri Aníbal A. 2002. Ruinas romanas y poesía española. *Auster*, no. 6–7, pp. 85–111. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
10. Fasquel S. 2010. La poesía burlesca de las ruinas. *Actas XVI Congreso de la Asociación Internacional de Hispanistas. Nuevos caminos del hispanismo*. Vol. 2. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 26.12.2019).
11. Freire F. 1995. *Prólogo a Cuarzo*. In Aníbal Núñez. *Obra poética*. Madrid, Hiperión. T. 1, pp. 294–296.
12. Góngora, Luis de. 2009. *Antología poética*. Barcelona, Crítica.
13. *Itálica: antología lírica para unas ruinas*. 1973. Sevilla, Aldebarán.
14. Lopez Bueno B. Tópica literaria y realización textual: unas notas sobre la poesía de las ruinas en los siglos de oro. *Revista de Filología Española*, no. LXVI, pp. 59–74. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo> (accessed: 27.12.2019).
15. Martos Pérez M.D. 2008. *Las ruinas en la poesía española contemporánea. Estudio y antología*. Málaga, Universidad de Málaga.
16. Nuñez A. 1995. *Obra poética*. Madrid, Hiperión.
17. Paisajes de ruinas en la pintura del Romanticismo español: un breve recorrido. *Mito (Revista cultural)*, Noviembre 2019. URL: revistamito.com/paisajes-de-ruinas-en-la-pintura (accessed: 20.12.2019).
18. Pastor P.J. 2002. La poesía de ruinas en el primer Lope // *Espéculo. Revista de estudios literarios*. Universidad Complutense de Madrid, no. 20. URL: <http://www.ucm.es/info/espiculo/numero20/ruinas.html> (accessed: 20.12.2019).
19. Puppo M.L. 2006. De ruinas y cristales: una poética del tiempo en los textos de Aníbal Núñez // *Revista de Literatura*, vol. 68, no. 135, pp. 199–219. URL: adeliteratura.revistas.csic.es/article/view (accessed: 27.12.2019).

20. Quevedo, Francisco de. 1969. *Obra poética*, Vol. I. Madrid, Castalia.
21. *Rimas humanas y otros versos*. 1998. Barcelona, Crítica.
22. Sebold R.P. 1991. Ruinas y romanticism. *ABC*. URL: (accessed: 23.12.2019).
23. Vranich S. 1980. La evolución de la poesía de las ruinas en la literatura española de los siglos XVI y XVII. *Actas del VI Congreso de la AIH*. Toronto, University of Toronto, pp. 765–768. URL: www.cervantesvirtual.com › obra › la-evolucion-... (accessed: 21.12.2019).
24. Wardropper B.W. 1969. The Poetry of Ruins in the Golden Age. *Revista Hispánica Moderna*, no. 35, pp. 295–305.

К.М. Товбин, Р.Ю. Аторин, К.Я. Кожурин

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТАРООБРЯДОВЕДЕНИЯ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Сахалинский государственный университет»
693000, Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский государственный аграрный университет –
МСХА имени К.А.Тимирязева»*

127550, Москва, ул. Тимирязевская, 49

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена»
191186, Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48*

В статье описывается актуальность создания научной антологии, посвящённой русскому старообрядчеству в его истории и современности, культуре и ментальности. Русское старообрядчество является одним из важнейших духовных, социальных, экономических и культурных феноменов в истории России, и обращение к его интеллектуальному наследию востребовано для современного научного сообщества для прояснения уникального курса развития России в мировом сообществе цивилизаций. Старообрядчество, выработав за столетия своего параллельного сосуществования с Российской империей, собственные противодействия западническому курсу, в наши дни является арсеналом духовных, интеллектуальных и культурных методов сопротивления вестернизации, информационному капитализму и одномерной глобализации. В старообрядчестве выработаны ментальные механизмы, актуальные в наши дни для разработки стратегий устойчивого развития в условиях многополярной глобализации, построения социального государства на основе суверенной демократии и прочих современных социально-полити-

---

Товбин Кирилл Михайлович – кандидат философских наук, доцент Сахалинского государственного университета (e-mail: kimito@yandex.ru).

Аторин Роман Юрьевич – кандидат философских наук, доцент Российского государственного аграрного университета им. К.А. Тимирязева (e-mail: atorin85@yandex.ru).

Кожурин Кирилл Яковлевич – кандидат философских наук, доцент Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (e-mail: kozhurin@list.ru).

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-03-00010-а «Православное старообрядчество как один из ликов российской цивилизации».

ческих реалий. Для полноты изучения старообрядческого феномена, в антологию должны быть включены как основные старообрядческие тексты, так и знаковые исследовательские и философские работы, посвящённые староверию. Подбор старообрядческих текстов должен иллюстрировать различные течения старообрядческой мысли в разные эпохи, представляющие древлеправославие как идеологию, как мировоззрение, как ментальность, как образ жизни. Подбор текстов о старообрядчестве должен дать объективную картину места древлеправославия в истории и современности России. Редакторская работа должна строиться на предварительно выработанной методологии, препятствующей восприятию староверия в этнографическом или историко-музейном формате. Староверие должно быть представлено читателю в свете своих нынешних культуротворческих возможностей.

Ключевые слова: старообрядчество; староверие; древлеправославие; антология; старообрядоведение; «параллельная Россия»; российская цивилизация; русская культура.

По всей видимости, поиск идеологических оснований для новой России, бывший в 1990-е большим местом любой дискуссии, а в 2000-е – основной темой гуманитарных исследований, сегодня подошел к завершению. И российское общество, и властные круги остановили свой ментальный и интеллектуальный поиск на идеологиях динамического консерватизма, социальной солидарности и субсидиарности, традиционных ценностях и демократическом патернализме. Поиск современного исследователя теперь направлен к интеллектуальным, социальным и духовным примерам в истории России, могущим вдохновить сочленение курсов на эффективное управление, суверенную демократию, социальное благополучие, этноконфессиональную стабильность, экономическую самостоятельность и духовную независимость. Учитывая специфику всей политической истории России, таковых прецедентов весьма немного, но одним из наиболее ярких примеров соединения всех упомянутых курсов, несомненно, является русское старообрядчество. За последние годы число российских исследований староверия неуклонно возрастало; ученые-старообрядоведы всё чаще стали выходить за пределы историко-описательного, археографического, этнографического форматов – в области семиотики [Кожурин, 2012a; Расков, 2012b] и аналитической культурологии [Баев, Давыденкова, 2012; Мурашова, 2017; Потехина, 2017; Пулькин, 2017], исследований старообрядческой ментальности [Урушев, 2010; Аторин, 2009; Шахов, 2001; Чистяков, 2008] и повседневности [Кожурин, 2014], смелых биографических [Кожурин, 2012b; Кожурин, 2007; Кожурин, 2013], историософских [Бобков, 2017; Глинчикова, 2008; Керов, 2010; Ко-

жури́н, 2015; Пыжи́ков, 2016; Расков, 2012а; Товбин, 2013; Урушев, 2013; Хирьянова, 2010], кросс-культурных [Агеева, 2015; Бубнов, 2016], социально-философских [Баев, Воронова-Оренбургская, 2011; Муравьев, 2010; Романова, 2012] и геополитических [Аргудяева, Хисамутдинов, 2013; Дутчак, 2010; Урушев, 2013] обобщений.

Не только политикам и исследователям интересно старообрядчество – его вес в российском обществе неуклонно возрастал в 1990–2000-е годы, чему свидетельством является и рост числа приходов старообрядческих согласий, и учащение участия старообрядческих деятелей в общественно-политической деятельности, и популярность самих тем древлеправославия и Раскола в современном медийном дискурсе.

Русское православное старообрядчество являлось и является одним из наиболее ярких образов «параллельной России». Посредством ненасильственного сопротивления западническому и во многом ненародному курсу властей и аристократической верхушки, старообрядцы планомерно созидали свое социально-экономическое чудо, всячески содействуя внутренней колонизации отечественных просторов, российской научно-технической и экономической модернизации, просвещению и демократизации общества, вдохновляя русскую творческую интеллигенцию.

Старообрядцы преуспели в созидании и балансировке социума, всецело завязанного на традиционных ценностях, но в то же время необычайно гибко реагирующего на изменения внешней среды – вплоть до создания своих «островков Святой Руси» на инокультурной чужбине. В отличие от иных примеров «параллельной России» – хлыстов, скопцов или субботников, – староверы были чужды сковывающего интеллектуального догматизма и сектантского отношения к окружающему миру. Несомненно, отгородительная тенденция была спутницей древлеправославия всё время его существования, но она всегда с лихвой перекрывалась тенденциями конструктивности, толерантности, диалога и сотрудничества.

Древлеправославие – духовный, ментальный и культурный феномен русской истории. Оно включает все роды консервативного мышления в их противостоянии и взаимодействии, неизменную рефлексию над историческим опытом и условиями своего бытия и саморефлексию как правило жизни. Старообрядчество во всем цвете своих согласий и толков всегда было внимательно к самим цивилизационным основаниям России – во многом, сохранение этих оснований – заслуга староверов, берегших древние книги и летописи, продолжавших основные традиции древнего народного творче-

ства, материального и духовного. С XIX в. старообрядческие династии были основными покровителями большого числа деятелей «Русского модерна» во всех его направлениях, от традиционалистского до авангардистского [Глинчикова, 2008: 44].

Интеллектуальный авангард старообрядческих сословий – богословы и проповедники, философы и писатели, сказители и певцы, иконописцы и книгопечатники, коллекционеры и меценаты – всегда вдумчиво изучали западнический дискурс, сторонясь его, но в то же время признавая мощь его позиций в российской цивилизации. Они выпестовывали оригинальные мировоззренческие программы «ненасильственного сопротивления» неприемлемому для православных традиционалистов миропорядку [Бобков, 2017: 59], основной упор делая на социальное строительство и хозяйственную деятельность, меценатство и благотворительность. Материализация старообрядческой идеи в виде самодостаточных общин – условие, воспрепятствовавшее переходу староверия в область фантастического дискурса или архетипа.

Безусловно, носители эскапистского и сектантского сознания также имели место в старообрядчестве за его трехсотлетнюю историю [Пулькин, 2012: 101], но, во-первых, со стороны основной части староверов различные сопротивления и самоожоженцы встречали не меньшую отповедь, чем со стороны силовых структур Российского государства и миссионеров официальной церкви. Во-вторых, носители соответствующего типа сознания всегда консолидировались в обособленные группы, сторонясь либерализма своих вчерашних собратьев по вере – поэтому сектантское сознание не рассеивалось по основной массе староверов, становясь уделом осуждаемых маргиналов [Бобков, 2017: 60].

Русское старообрядчество является замечательным примером суверенной, национальной демократии. Начала соборности, истари присущие православному сознанию, в староверии не только сохранились, но и повлияли на управление самодостаточными хозяйственными общинами: Выговским общежитием, Керженскими монастырями, Покровской и Рогожской слободами и пр. Не приемля волонтаризма и диктатуры, староверы в то же время не рассматривали демократию («соборность») как этос вседозволенности и нигилизма [Чистяков, 2008: 74–75]. Старообрядческая деятельность была деятельностью свободных и активных людей, легко создававших коммуникации и сообщества, но на основе традиционных православных ценностей. Вопросы мультикультурализма и аккультурации, толерантности и терпимости, сексизма и ювенальной

юстиции, будоражащие сегодняшних гуманитариев, видящих для себя необходимость сопротивляться западному культурному коду, давно были проговорены и разнообразно разрешены в старообрядческих согласиях.

История старообрядческой мысли и письменности – кладезь знаний для выработки стратегий устойчивого развития и неконфликтного, самодостаточного существования России в условиях многополярной глобализации. К такой максиме, начиная с Д.С. Лихачёва и А.И. Солженицына, в 2000-е годы пришли многие деятели русской культуры, писатели, мыслители. Однако имеются весьма серьезные методологические проблемы изучения древлеправославия, на одном полюсе которых – музейное представление о староверии, на другом – фантастическое, не подтвержденное реальной жизнью и историей. В связи с этим создание антологии старообрядческой письменности – ответственное и беспрецедентно сложное дело.

Антология должна содержать как собственно старообрядческие тексты, так и тексты о старообрядчестве. Но прежде этого читатель должен увидеть ситуацию Раскола XVII: его причины, ход, последствия – все эти нюансы должны быть «перекинуты» через тьму веков в наше время, для осознания актуальности и вневременности многих ментальных процессов, создавших и выпестовавших старообрядчество как культурный и духовный феномен [Шахов, 2001: 19]. Для этого состав антологии должен быть лишен ставшего обычным историко-описательного, археографического подхода (с одной стороны) и его этнографическо-описательной альтернативы (как мнимо актуальной противоположности). Старообрядчество должно быть представлено современному читателю в его зарождении, развитии, саморефлексии, взаимоотношении с окружающими духовными, интеллектуальными, ментальными, культурными, политическими и социальными реалиями. Староверие должно предстать на страницах антологии не как музейный экспонат или сомнительный в своей востребованности артефакт, не как почва для микроскопических этнографических изысканий, но как мощный культуротворческий арсенал: многообразный и противоречивый, сложный и цельный, изменчивый и консервативный, традиционалистический и традиционный.

Наиболее привлекательные для нас детали древлеправославия – культ образованности и книжности, логоцентризм и сохранность языка, соборность и здравый национализм, самоорганизация и сетевые коммуникации, патриархальность уклада и традиционность

ценностных оснований – не являлись изначально продуктами некоей старообрядческой идеологии. Эти ментальные и мировоззренческие особенности формировались в старообрядчестве на протяжении столетий, проходя конкурентную борьбу своих версий, обкатываясь в специфичном быте, самозамкнутой культуре и общинном хозяйствовании, расцветая в географической изоляции и борьбе с инокультурными влияниями. Посему эти детали старообрядческого менталитета актуальны в современной России, смело обозначающей своё присутствие в пространстве и времени в эру грандиозных геополитических перемен.

Антология должна показать зарождение, развитие, диалог различных старообрядческих интеллектуальных и духовных течений, по-своему осмысливающих изменение политического курса официальной России и новейшие экономические и социальные реалии. Конкретнее, сборник, *во-первых*, должен содержать:

- работы основоположников старообрядчества как типа мировоззрения;
- письменные примеры поляризации основных старообрядческих ментальных установок, приведших к образованию различных согласий во всем их цвете;
- труды деятелей старообрядческой идеологии, формировавшейся в результате диспутов и диалогов, ментальных сближений и разделений;
- наиболее яркие примеры старообрядчества позднего, зрелого, «светского».

Во-вторых, включать все виды внешней реакции на феномен старообрядчества:

- работы официальных клерикальных миссионеров, «обличающих» и «разоблачающих» «раскольников»;
- труды консервативных историков, рассматривавших староверие в антигосударственническом формате;
- работы либеральных историков, переоткрывших староверие и пласт древнерусской культуры, на котором староверие выросло;
- светские «отзывы» на старообрядческую духовность, культуру, письменность со стороны светских мыслителей и писателей конца XIX – начала XX в. – времени слома прежней цивилизационной парадигмы в России.

В-третьих, должен содержать советские и современные исторические, культурологические, семиотические, социологические, этнографические, экономические исследования старообрядчества.

Приведенный перечень не является планом антологии; конкретная структура и перечень включенных текстов и отрывков требовали предварительной разработки специальной методологии, которой будет посвящен отдельный очерк.

Отличительной чертой нашего сборника должна стать особенная редакторская работа, препятствующая историко-этнографической дискурсивности: обширные биографические, историографические, культурологические и религиоведческие справки, должны перенести древлеправославие из музейного в культуротворческий формат в глазах читателя.

Особо важна антиидеологическая редакторская работа: указание всех мест расхождения оценок и плюрализма интерпретаций составителей и редакторов антологии. Составители – известные исследователи разных сторон старообрядчества – в ряде вопросов находятся на разных позициях; этот факт должен быть явлен читателю – в этом состоит уникальная диалогическая направленность нашей работы, вовлекающей читателя в осмысление актуальных данностей староверия.

Подытожим: антология актуальна не для ознакомления со старообрядчеством, а для изучения возможностей цивилизационной стойкости и культурного цветения в неравновесной геополитической ситуации. В связи с этим методология составления и редакторской обработки особо важна для такого сборника, но это, как было оговорено ранее, тема иной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агеева Е.А.* Старообрядцы в мусульманском окружении: опыт взаимодействия // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы VI МНПК. Улан-Удэ, 2015. С. 20–26.
2. *Аргудяева Ю.В., Хисамутдинов А.А.* Из России через Азию в Америку. Владивосток, 2013.
3. *Аторин Р.Ю.* Религиозное мировоззрение протопопы Аввакума и влияние его деятельности на развитие экклесиологии старообрядчества: Дисс. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009.
4. *Баев В.Г., Воронова-Оренбургская С.О.* Социальная философия старообрядчества // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. 2011. Вып. 22. № 30. С. 27–31.
5. *Баев В.Г., Давыденкова А.Г.* Категория «духовность» в контексте старообрядческой культуры // Вестник ЛенГУ им. А.С. Пушкина. 2012. № 1. С. 220–228.
6. *Бобков А.И.* Русский раскол как философское противостояние соборности и квазирелигиозности // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19. С. 57–62.
7. *Бубнов Н.Ю.* Путешествие уральских казаков в Беловодское царство: погоня за призраком // Петербургская библиотечная школа. 2016. № 4 (56). С. 54–63.

8. *Глинчикова А.Г.* Раскол или срыв «русской Реформации»? М., 2008.
9. *Дутчак Е.Е.* Геополитическая символика сквозь призму эсхатологии // *Общественные науки и современность.* 2010. № 3. С. 163–172.
10. *Керов В.В.* Между традиционализмом и модернизацией. Статья 1. Кризис русской духовной культуры XVII века и идея оцерковления жизни // *Общественные науки и современность.* 2010. № 5. С. 111–125.
11. *Кожурин К.Я.* Богослужение как основа мирозерцания и культурной деятельности старообрядцев // *Вестник ЛенГУ им А.С. Пушкина.* 2012. № 4. С. 69–77.
12. *Кожурин К.Я.* Боярыня Морозова. М., 2012 (серия «Жизнь замечательных людей»).
13. *Кожурин К.Я.* Духовные учителя сокровенной Руси. СПб., 2007.
14. *Кожурин К.Я.* Повседневная жизнь старообрядцев. М., 2014.
15. *Кожурин К.Я.* Протопоп Аввакум: Жизнь за веру. М., 2013 (серия «Жизнь замечательных людей»).
16. *Кожурин К.Я.* Теории южно-западнорусских богословов как источник старообрядческой историософии // *Известия СПбГАУ.* 2015. № 5. С. 55–58.
17. *Муравьёв А.В.* Социальная альтернатива русского старообрядчества. Ч. 2 // *Социальная реальность.* 2010. № 10. С. 35–47.
18. *Мурашова Н.С.* Персонасфера старообрядческого духовного стиха // *Вестник славянских культур.* 2017. Т. 45. С. 71–85.
19. *Потехина Е.А.* Повседневная жизнь крестьянина-старообрядца // *Russian Peasant Studies.* 2017. Vol. 2. № 1. С. 77–89.
20. *Пулькин М.В.* Историческая суицидология: по материалам старообрядческих самосожжений // *Культурно-историческая психология.* 2012. № 2. С. 96–103.
21. *Пыжиков А.В.* Грани русского раскола. Тайная роль старообрядчества от 17 века до 17 года. М., 2016.
22. *Расков Д.Е.* Экономические институты старообрядчества. СПб., 2012.
23. *Расков Д.Е.* Эсхатология и активность в миру староверов // *Христианское чтение.* 2012. № 6. С. 82–94.
24. *Романова Е.В.* Массовые сожжения в старообрядчестве в России в XVII–XIX веках. СПб., 2012.
25. *Товбин К.М.* Церковный раскол XVII века как столкновение ментальных проектов // *Этносоциум и межнациональная культура.* 2013. № 1. С. 109–120.
26. *Урушев Д.А.* Начало русской драмы // *История в подробностях.* 2013. № 7 (37). С. 20–25.
27. *Урушев Д.А.* Тайна Святой Руси: История старообрядчества в событиях и лицах. М., 2013.
28. *Урушев Д.А.* Художественное воплощение образа в ранней старообрядческой литературе // *Ценности и смыслы.* 2010. № 4. С. 116–123.
29. *Хирьянова Л.В.* Мировоззренческие предпосылки церковного раскола XVII века как отражение тенденций современной старообрядческой культуры // *Общество и этнополитика: Материалы III НПК СибАГС / Ред. Л.В. Савинов.* Новосибирск, 2010. С. 209–216.
30. *Чистяков Г.С.* Старообрядческая соборность как форма консервативной демократии // *Традиционная книга и культура позднего русского средневековья: Труды ВНК к 40-летию полевых археографических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова.* Ч. 2: История, книжность и культура русского старообрядчества. Ярославль, 2008. С. 73–75.
31. *Шахов М.О.* Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и социальная позиция. М., 2001.

Kirill M. Tovbin, Roman Yu. Atorin, Kirill Ya. Kozhurin

**OLD BELIEVERS STUDIES: PROBLEMS
OF CULTURE STUDIES²**

*Sakhalin State University
290 Lenina st, Yuzhno-Sakhalinsk, 693000*

*Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy
49 Timiryazevskaya st, Moscow, 127550*

*Herzen State Pedagogical University of Russia,
48 Embankment of Moyka River, Saint Petersburg, 191186*

The article describes the urgency of creating a scientific anthology dedicated to the Russian Old Believers. Russian Old Believers are one of the most important spiritual, social, economic and cultural phenomena in the history of Russia. Attention to the Old Believer intellectual heritage is relevant for clarifying the course of Russia's development in the world community of civilizations. Over the centuries of coexistence with the Russian Empire, the Old Believers developed their own counteractions to the Western path. Nowadays the Old Believers are an arsenal of spiritual, intellectual and cultural methods of resistance to Westernization. A selection of Old Believer texts should illustrate the various trends of Old Believer thought in different epochs, to see the Old Believers as ideology, as a world view, as a mentality, as a way of life. The collection of texts on the Old Believership should give an objective picture of the place of the Ancient Orthodoxy in the history and the present of Russia. Editorial work should be based on a special methodology, so as not to perceive the Old Believers in an ethnographic or historical-museum format. Old Believership should be presented to the reader in the light of its current opportunities for building a new great culture.

Key words: Old Believers; Ancient Orthodoxy; anthology; Old Believer studies; “Parallel Russia”; Russian Civilization; Russian culture.

About the authors: *Kirill M. Tovbin* – PhD in philosophy. Associate Professor, Sakhalin State University (e-mail: kimito@yandex.ru); *Roman Yu. Atorin* – PhD in philosophy, Associate Professor, Russian Timiryazev State Agrarian University (e-mail: atorin85@yandex.ru); *Kirill Ya. Kozhurin* – PhD in philosophy, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia (e-mail: kozhurin@list.ru).

REFERENCES

1. Ageeva E.A. 2015. Staroobryadtsy v musul`manskom okruzenii: opyt vzaimodeystviya [Old Believers in the Muslim environment: the experience of interaction]. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost', mestnye traditsii, russkie i zarubezhnye svyazi: Materialy VI MNPK*. Ulan-Ude, Izd-vo BuryatGU, pp. 20–26. (In Russ.)
2. Argudyaeva YU.V., Hisamutdinov A.A. 2013. *Iz Rossii cherez Aziyu v Ameriku* [From Russia through Asia to America]. Vladivostok, DVO RAN. (In Russ.)

---

² The research was carried out with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project No 17-03-00010-a «Orthodox Old Believers as one of the faces of the Russian civilization».

3. Atorin R.YU. 2009. *Religioznoe mirovozzrenie protopopa Avvakuma i vliyanie ego deyatel'nosti na razvitie ekklesiolonii staroobryadchestva* [The religious outlook of the archpriest Avvakum and the influence of his activity on the development of the ecclesiology of the Old Believers]. Belgorod, BelGU. (In Russ.)
4. Baev V.G., Voronova-Orenburgskaya S.O. 2011. Sotsial'naya filosofiya staroobryadchestva [Social philosophy of the Old Believers]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya*. Vyp. 22, no. 30, pp. 27–31. (In Russ.)
5. Baev V.G., Davydenkova A.G. 2012. Kategoriya “dukhovnost” v kontekste staroobryadcheskoy kul'tury [The category of “spirituality” in the context of the Old Believer culture]. *Vestnik LenGU im A.S. Pushkina*, no. 1, pp. 220–228. (In Russ.)
6. Bobkov A.I. 2017. Russkiy raskol kak filosofskoe protivostoyanie sobornosti i kvazireligioznosti [Russian schism as a philosophical opposition to conciliarism and quasi-religiousness]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Politologiya. Religiovedenie”*. T. 19, pp. 57–62. (In Russ.)
7. Bubnov N.YU. 2016. Puteshestvie ural'skikh kazakov v Belovodskoe tsarstvo: pogonya za prizrakom [The Journey of the Urals Cossacks to the Belovodsky Kingdom: the chase for the ghost]. *Peterburgskaya bibliotchnaya shkola*, no. 4 (56), pp. 54–63. (In Russ.)
8. Glinchikova A.G. 2008. *Raskol ili sryv “russkoy Reformatsii”?* [Schism or failure of the “Russian Reformation”?]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya. (In Russ.)
9. Dutchak E.E. 2010. Geopoliticheskaya simvolika skvoz' prizmu eskhatologii [Geopolitical symbols through the prism of eschatology]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 3, pp. 163–172. (In Russ.)
10. Kerov V.V. 2010. Mezhdru traditsionalizmom i modernizatsiey. Stat'ya 1. Krizis russkoy dukhovnoy kul'tury XVII veka i ideya otserkovleniya zhizni [Between traditionalism and modernization. Article 1. The crisis of Russian spiritual culture of the XVII century and the idea of the churching of life]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5 pp. 111–125. (In Russ.)
11. Kozhurin K.YA. 2012. Bogosluzhenie kak osnova mirosozertsaniya i kul'turnoy deyatel'nosti staroobryadtsev [Divine service as the basis of the world outlook and cultural activity of the Old Believers]. *Vestnik LenGU im A.S. Pushkina*, no. 4, pp. 69–77. (In Russ.)
12. Kozhurin K.YA. 2012. *Boyarynya Morozova*. Moscow, Molodaya gvardiya (seriya “ZHizn' zamechatel'nykh lyudey”). (In Russ.)
13. Kozhurin K.YA. 2007. *Dukhovnye uchitel'ya sokrovennoy Rusi* [Spiritual teachers of the hidden Russia], Saint Petersburg, Piter. (In Russ.)
14. Kozhurin K.YA. 2014. *Povsednevnyaya zhizn' staroobryadtsev* [The daily life of the Old Believers]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russ.)
15. Kozhurin K.YA. 2013. *Protopop Avvakum: ZHizn' za veru* [Protopope Avvakum: Life for the Faith]. Moscow, Molodaya gvardiya. (In Russ.)
16. Kozhurin K.YA. 2015. Teorii yuzhno-zapadnorusskikh bogoslovov kak istochnik staroobryadcheskoy istoriosofii [Theories of South-West Russian theologians as a source of Old Belief historiography]. *Izvestiya SPbGAU*, no. S, pp. 55–58. (In Russ.)
17. Murav'iov A.V. 2010. Sotsial'naya al'ternativa russkogo staroobryadchestva. CH. 2 [Social alternative to the Russian Old Believers. Part 2]. *Sotsial'naya real'nost'*, no. 10, pp. 35–47. (In Russ.)
18. Murashova N.S. 2017. Personosfera staroobryadcheskogo dukhovnogo stikha [Personosphere of the Old Believer's spiritual verse]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur*. T. 45, pp. 71–85. (In Russ.)

19. Potekhina E.A. 2017. Povsednevnyaya zhizn' krest'yanina-starobryadtsa [The daily life of an old-believer peasant]. *Russian Peasant Studies*. Vol. 2, no. 1, pp. 77–89. (In Russ.)
20. Pul'kin M.V. 2012. Istoricheskaya suitsidologiya: po materialam starobryadcheskikh samosozhzheniy [Historical suicidology: based on Old Believer self-immolation]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya*, no. 2, pp. 96–103. (In Russ.)
21. Pyzhikov A.V. 2016. *Grani russkogo raskola. Taynaya rol' starobryadchestva ot 17 veka do 17 goda* [The frontiers of the Russian split. The secret role of the Old Believers from the 17th century to 1918]. Moscow, Kontseptual. (In Russ.)
22. Raskov D.E. 2012. *Ekonomicheskie instituty starobryadchestva* [Economic institutions of the Old Believers]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. (In Russ.)
23. Raskov D.E. 2012. Eschatologiya i aktivnost' v miru staroverov [Eschatology and civic activism of the Old Believers]. *Hristianskoe chtenie*, no. 6, pp. 82–94. (In Russ.)
24. Romanova E.V. 2012. *Massovye sozhzheniya v starobryadchestve v Rossii v XVII–XIX vekakh* [Mass burnings in the Old Believers in Russia in the 17th–19th centuries]. Saint Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo un-ta. (In Russ.)
25. Tovbin K.M. 2013. Tserkovnyy raskol XVII veka kak stolknovenie mental'nykh proektov [Church schism of the XVII century as a clash of mental projects]. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, no. 1, pp. 109–120. (In Russ.)
26. Urushev D.A. 2013. Nachalo russkoy dramy [The beginning of Russian drama]. *Istoriya v podrobnostyakh*, no. 7 (37), pp. 20–25. (In Russ.)
27. Urushev D.A. 2013. *Tayna Svyatoy Rusi: Istoriya starobryadchestva v sobyitiyakh i litsakh* [Mystery of Holy Russia: History of Old Believers in Events and Persons]. Moscow, Veche. (In Russ.)
28. Urushev D.A. 2010. Hudozhestvennoe voploshchenie obraza v ranney starobryadcheskoy literature [The artistic embodiment of the image in the early Old Believer literature]. *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 116–12. (In Russ.)
29. Hir'yanova L.V. 2010. *Mirovozzrencheskie predposylki tserkovnogo raskola XVII veka kak otrazhenie tendentsiy sovremennoy starobryadcheskoy kul'tury* [World outlook preconditions of the 17th century church schism as a reflection of the tendencies of the modern Old Believer culture]. In L.V. Savinov (ed.) *Obshchestvo i etnopolitika: Materialy III NPK SibAGS*. Novosibirsk, Izd-vo SibAGS, pp. 209–221. (In Russ.)
30. Chistyakov G.S. 2008. Starobryadcheskaya sobornost' kak forma konservativnoy demokratii [Old Believers 'sobornost' as a form of conservative democracy]. *Traditsionnaya kniga i kul'tura pozdnego russkogo srednevekov'ya: Trudy VNK k 40-letiyu polevykh arkhograficheskikh issledovaniy MGU im. M.V. Lomonosova. CH. 2. Istoriya, knizhnost' i kul'tura russkogo starobryadchestva*. Yaroslavl', pp. 73–75. (In Russ.)
31. Shakhov M.O. 2001. *Starobryadcheskoe mirovozzrenie: Religiozno-filosofskie osnovy i sotsial'naya pozitsiya* [Old Believer Worldview: Religious-philosophical foundations and social position]. Moscow, Izd-vo RAGS. (In Russ.)

О.А. Крюкова

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СКВОЗЬ ПРИЗМУ
ДОКУМЕНТАЛЬНОГО ФИЛЬМА
(НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА «ПРЯМОГО КИНО» КВЕБЕКА)**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена проблеме сохранения культурного наследия посредством воспроизводства в культурной памяти на материале документального кинематографа Квебека первой половины XX в. Цель исследования – выявить и обосновать особенности кинопроизведений, в частности, фильмов, относящихся к «прямому кино» как важной части культурного наследия, носителя креативной (творческой) памяти. Потребность памяти определиться в пространстве приводит к созданию мест, являющихся для любой группы не только сценой совместной деятельности, но и символами идентичности, а также опорными пунктами воспоминания. Благодаря появлению легкой и бесшумной камеры в кинематографе во второй половине 1950-х годов родилась «новая волна». Очагом этого направления в Северной Америке – «прямого кино» – стала франко-канадская провинция Квебек. В статье анализируется взаимосвязь кино и общества, киноязык рассматривается как средство отражения характеристик идентичности, которые не только образно моделируют культурное своеобразие, но и иллюстрируют общность представлений носителей культуры об этноинтегрирующих и этнодифференцирующих признаках. Уточняется вклад первых священников-кинематографистов в становление коллективной памяти Квебека. На примере фильма Мишеля Бро, Жюлья Гру, Марселя Карьера анализируется специфика изобразительного решения и драматургии «прямого кино». Делается вывод об особенности реализации инновационной эстетики и значимости киноработ режиссеров «прямого кино» как эффективных трансляторов ценностей культуры Квебека и генераторов новых смыслов культурной памяти.

Ключевые слова: культурная память; сохранение культурного наследия; национальная идентичность; Квебек; кинематограф; документальное кино; «прямое кино».

Одной из актуальных проблем в науках о культуре и обществе является проблема сохранения культурного наследия как его материальной составляющей, так и нематериальной, посредством вос-

---

Крюкова Ольга Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: opakukova@gmail.com).

производства в культурной памяти. Исследованию культурно-исторической памяти посвящены работы М. Хальвакса, П. Рикера, Ю. Лотмана, Яна и Алейды Ассманов, П. Нора, Ш. Жакоба, Е.-М. Менье, Ж.-И Терьо, Ж. Летурно, Т.Ю. Загряскиной и др. Согласно Я. Ассману, культурная память понимается как символическая форма передачи и актуализации («воскрешения») культурных смыслов [Ассман, 2004: 20]. Выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная и ритуализованная, она выражается в мемориальных знаках разного рода – в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках. Передаваясь из поколения в поколение, культурная память удерживает лишь наиболее значимое прошлое – мифическую историю, которая имеет ориентирующую, нормативную и конституирующую функции [Репина, 2003: 11]. Как пишет Я. Ассман, любая сплывающаяся группа стремится создать места, являющиеся для нее не только сценой совместной деятельности, но и символами идентичности, а также опорными пунктами воспоминания. Группа и пространство создают существенное символическое единство, которое группа сохраняет и в случае разлуки со своим пространством, символически воспроизводя священные места [Ассман, 2004: 40]. Согласно Ю.М. Лотману, такая память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени, сохраняет прошедшее как пребывающее. Прошлое выступает как генератор нового [Лотман, 1992: 202].

Одним из носителей культурной памяти и «генератором новых смыслов» является кинематограф. Актуализируя определенные аспекты памяти сообщества, фильм может быть рассмотрен как референтная опора с точки зрения выполняемой им функции культурной идентификации человека и коллектива¹. В этом контексте обосновано обращение к так называемому квебекскому опыту, который стал широко известен во времена Тихой Революции (1960–1970) – периода резкого подъема квебекского самосознания. Представители франкоквебекской лингвокультуры стали одними из первых, кто осознал необходимость выработки комплекса мер по защите языка и культурных ценностей. Отдельная страница в этой истории принадлежит кинематографу и, в частности, «прямому кино» с его особым киноязыком и авторским взглядом, создававшими уникальную кинематографическую культуру. Однако уже с самых первых дней своего существования для квебекского кинемато-

---

¹ См. подробнее: *Загряскина Т. Ю.* Референтные точки языка и культуры: статика и динамика (на примере Квебека) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 61–72.

графа было важным утверждать свою самобытность и быть интересным зрителю.

История становления канадского кино началась сравнительно недавно. Национальный совет кинематографии был образован в 1939, но только в 1960-е годы стало возможным появление незаурядных фильмов на канадские сюжеты. В Квебеке с приходом к власти Национального союза и его главы Мориса Дюплесси (годы правления 1936–1956) католическая церковь заняла доминирующее положение в социальной, экономической и политической сфере. Церковь играла ведущую роль и в культурном развитии общества Квебека². До начала 1960-х годов в провинции Квебек воцарилась мрачная атмосфера, отнюдь не способствовавшая творческим экспериментам. К тому же Соединенные Штаты самым естественным образом рассматривали соседскую территорию как часть «домашнего рынка». В связи с этим в начале его истории один лишь факт существования квебекского кинематографа, даже в самой безобидной форме, можно было расценить как подвиг [Faradji]. Пионерами квебекского кино стали священники: монсеньор Альбер Тессье (Albert Tessier, 1895–1976) и аббат Морис Пру (Maurice Proulx, 1902–1988). Они снимали фильмы о родном крае, его жителях и традициях. Кино стало для них педагогическим орудием и способом придать значимость народной культуре [Poirier]. В период Тихой революции (*Révolution tranquille*) о картинах, снятых до 1960-х годов, говорили мало, упрекая в пассаистских настроениях, в прославлении добродетелей покорного народа, красоты природы и сельской жизни. Однако начиная с 1970-х годов отношение к работе первых священников-кинематографистов меняется. Их киноленты о традициях, нравах, знаниях и умениях, практически утраченных сегодня, способствуют сохранению на пленке бесценных культурных практик и целого мира и расцениваются как исключительный вклад в становление коллективной памяти Квебека [там же].

Вторая половина 1950-х годов нередко ассоциируется с переворотом в кинематографе. Благодаря появлению легкой и бесшумной камеры в кинематографе родилась «новая волна» в кино. Очагом нового направления – «прямого кино» (*cinéma direct*) в Северной Америке – стала франко-канадская провинция Квебек. По признанию Ж. Руша³, именно из Квебека пришло во Францию «прямое

---

² Hébert P., Landry K., Lever Y. Dictionnaire de la Censure Au Québec: Littérature et Cinéma. Canada, 2006. P. 11.

³ Жан Руш (Jean Rouch, 1917–2004) – антрополог, этнограф, режиссер. В истории мирового кино режиссер остается одним из принципиальных создателей кинематографа *cinéma vérité* – революционного неигрового направления, документальной публицистики.

кино» (*cinéma direct*), получившее в Европе название «киноправды» (*cinéma vérité*) [Головнёв]. С этого времени стала возможной мобильная съемка реальных событий в живом диалоге снимающего и снимаемого. Но не только совершенствование техники способствовало рождению в кинодокументалистике нового направления. Другой немаловажный фактор – стремление к новому кинореализму. Примечательно, что «прямое кино» было подчеркнуто антропологичным, направленным на реального человека в противовес сконструированным образам художественного и хроникально-пропагандистского кинематографа. Публичная политика конца 1950-х годов ассоциировалась с англицизацией, человеческое достоинство – с традициями сельского франкоговорящего Квебека. «Прямое кино» с его легкой камерой, синхронной записью звука, репортажной съемкой и «искренним взглядом», вне студии и официального редакционного контроля жадно запечатлевало уходящую деревенскую жизнь, лица и голоса франкоканадцев [Головнёв, 2011: 85]. К этому направлению относят фильм «Золотые перчатки» (*Golden Gloves*, 1961) Жилия Гру (*Gilles Groulx*), «Борьба» (*La lutte*, 1961) Мишеля Бро (*Michel Brault*), Клода Жютра, Марселя Карьера (*Marcel Carrière*) и Клода Фурнье (*Claude Fournier*), а также документальный фильм Артура Ламота (*Arthur Lamothe*) «Лесорубы» (*Bûcherons de la Manouane*, 1962). Лента Пьера Перро и Мишеля Бро «Для остального мира» (*Pour la suite du monde*, 1963) – фильм о молодом человеке из местечка, расположенного на берегу реки Святого Лаврентия, который в память о своих предках пытается возродить старинный обычай ловли белуги, прерванный в 1924 г., – ознаменовала первое попадание Квебека в официальную программу Каннского фестиваля. Однако главной лентой «прямого кино», фильмом манифестом единодушно признается картина Мишеля Бро, Жилия Гру и Марселя Карьера «Передвигающиеся на снегоступах» (*Les raquetteurs*, 1958). Это пятнадцатиминутный фильм о ежегодной встрече членов клубов, объединяющих любителей снегоступов⁴, празднике с шествиями, веселыми конкурсами и традиционными танцами. Именно этот фильм наглядно продемонстрировал основные принципы нового документального кино и авторскую стилистику киноязыка. В первую очередь благодаря движениям легкой камеры, оказывающейся в гуще всех событий, словно веселый, заинтересованный участник, и фиксирующей происходящее «изнутри», свою лепту внесли линейность повествования и ритмичность монтажа, и, наконец, большое значение имеет отсутствие закадровых комментариев и наложенной

---

⁴ Снегоступы (лыжи-ракетки, канадские лыжи, индейские лыжи; ступательные лыжи) – самое древнее приспособление для передвижения по снегу.

музыки. Аутентичное звуковое оформление (приветственная речь, короткие реплики участников, крики зрителей, звуки фанфар, радио и музыки, звучащей на празднике и т.д.) радикально изменяло восприятие фильма. По мнению франкоканадского критика и киноведа И. Лева, эта лента в полной мере отвечает духу Тихой революции: во-первых, это заявка о себе группы молодых режиссеров-авторов и об их оригинальном подходе к творчеству, а во-вторых, эта лента стала первой из множества подобных, представляющих фрагменты большого зеркала, в котором отражается квебекское общество той эпохи [Lever, 1971].

В заключение важно подчеркнуть, общественно-политические и экономические события «Тихой революции» во многом способствовали обретению собственного голоса квебекского кинематографа. Ценность заключается не только в обновленной эстетике кадра, выборе тем, усилению авторского начала или большей свободе зрителя в интерпретации материала. Не будучи политическим и в силу культурной специфики уступая остроте социальной направленности европейской «новой волне», кинематографический опыт Квебека этого периода является одним из опорных пунктов воспоминания и символом идентичности, формирующих культурную память коллектива. Режиссеры «прямого кино» средствами киноязыка смогли представить свое видение непростых, но значимых для национального самосознания вопросов, остающихся актуальными и сегодня. «Прямое кино» относится к «непрошедшему прошлому», это по-прежнему эффективный транслятор ценностей культуры Квебека и генератор новых смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ассман Я.* Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. 363 с.
2. *Головинёв А.В.* Антропология плюс кино // Культура и искусство. 2011. № 1. С. 83–91.
3. *Головинёв А.В.* Антропологическое кино и фестивальное движение. URL: <http://rfa.ru/rus/raff/315> (дата обращения: 15.02.2020).
4. *Загряжкина Т.Ю.* Феномен франкофонии: от универсализма к культурному разнообразию // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 9–23.
5. *Загряжкина Т.Ю.* Референтные точки языка и культуры: статика и динамика (на примере Квебека) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 61–72.
6. *Комков О.А.* К вопросу о концептуальных основаниях теории культуры // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 3. С. 120–129.
7. *Лотман Ю.М.* Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи. Т. 1. Таллинн, 1992. С. 200–202.

8. *Ретина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003.
9. *Faradji H.* Exister, coûte que coûte. URL: <http://affif-sitepublic-media-prod.s3-website-eu-west1.amazonaws.com/assets/File/Filmographie%20Pays/CINEMA%20QUEBECOIS.pdf> (дата обращения: 15.02.2020).
10. *Hébert P., Landry K., Lever Y.* Dictionnaire de la Censure Au Québec: Littérature et Cinéma. Canada, 2006.
11. *Lever Y.* Le cinéma de la Révolution tranquille: de Panoramique à Valérie. Montréal, 1991. URL: http://agora.qc.ca/documents/cinema_quebecois--la_dynamique_cinematographique_de_1958-1969_-_1e_partie_par_yves_lever (дата обращения: 22.02.2020).
12. *Poirier C.* Clergé et patrimoine cinématographique québécois: les prêtres Albert Tessier et Maurice Proulx. URL: <http://www.ameriquefrancaise.org/fr/#.UK434xIR-nQ> (дата обращения: 22.02.2020).

Olga A. Kryukova

**CULTURAL MEMORY THROUGH DOCUMENTARY FILMS
(BASED ON THE LANGUAGE OF QUEBEC'S 'DIRECT CINEMA')**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the problem of preserving cultural heritage through its reproduction in cultural memory based on the Quebec documentary cinema of the first half of the 20th century. The aim of the research is to identify and to justify the features of films related to “direct cinema” as an important part of cultural heritage, a creative memory carrier. A memory’s need for self-identification in space leads to the creation of places that are for any group not only a scene of joint activity, but also symbols of identity and important points of memories. The appearance of a light and silent camera in the cinematograph in the second half of the 50s contributed to the birth of the “new wave”. The center of “direct cinema” in North America was the French-Canadian province of Quebec. The article analyzes the relationship between cinema and society, cinema language is considered a means of reflecting the characteristics of identity. These characteristics model cultural identity and illustrate the alliance of cultural bearers about ethno-integrating and ethno-differentiating characters. The article clarifies the contribution of the first priests-filmmakers to the formation of the collective memory of Quebec. The specificity of the visual solution and dramaturgy of “direct cinema” is analyzed on the basis of the film by Michel Brault, Gilles Groulx and Marcel Carrière. The conclusion about the peculiarities of innovative aesthetics and the significance of films of direct cinema as effective translators of the values of Quebec culture and generators of new meanings of cultural memory is made.

Key words: cultural memory; preservation of cultural heritage; national identity; Quebec cinema; documentary film; “direct cinema”.

About the author: *Olga A. Kryukova* – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of French language and culture, Faculty of Foreign languages and Area studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: opakukova@gmail.com).

REFERENCES

1. Assmann Ya. 2004. *Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Cultural Memory: Script, Recollection, and Political Identity in Early Civilizations]. Moscow. (In Russ.)
2. Golovnov A.V. 2011. Antropologiya plus kino [Anthropology plus movies]. *Culture and art*, no. 1, pp. 83–91. (In Russ.)
3. Golovnov A.V. *Antropologicheskoye kino i festival'noye dvizheniye* [Anthropological cinema and festival movement]. URL: <http://rfaf.ru/rus/raff/315> (accessed: 15.02.2020)
4. Zagryazkina T.Yu. 2019. Fenomen frankofonii: ot universalizma k kul'turnomu raznoobraziyu [The phenomenon of Francophonie: from universalism to cultural diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.)
5. Zagryazkina T.Yu. 2014. Referentnyye tochki yazyka i kul'tury: statika i dinamika (na primere Kvebeka) [Reference points of language and culture: statics and dynamics]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 61–72. (In Russ.)
6. Komkov O.A. 2017. K voprosu o kontseptual'nykh osnovaniyakh teorii kul'tury [On the conceptual foundations of the theory of culture]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 3, pp. 120–129. (In Russ.)
7. Lotman YU.M. 1992. *Pamyat' v kul'turologicheskom osveshchenii* [Memory in cultural illumination]. In: Lotman Yu.M. *Izbrannyye stat'i. V 3-kh tomakh. Tom 1. Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury* [Selected papers. In 3 volumes. Vol. 1. Papers on semiotics and typology of culture]. Tallin, pp. 201–202.
8. Repina L.P. 2003. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskiye zametki)* [Cultural memory and problems of historiography (historiographic notes)]. Moscow, Higher School of Economics. (In Russ.)
9. Faradji H. *Exister, coûte que coûte*. URL: <http://affif-sitepublic-media-prod.s3-website-eu-west1.amazonaws.com/assets/File/Filmographie%20Pays/CINEMA%20QUEBECOIS.pdf> (accessed: 15.02.2020). (In French)
10. Hébert P., Landry K., Lever Y. 2006. *Dictionnaire de la Censure Au Québec: Littérature et Cinéma*. Canada (In French).
11. Lever Y. 1991. *Le cinéma de la Révolution tranquille : de Panoramique à Valérie*. Montréal. URL: http://agora.qc.ca/documents/cinema_quebecois--la_dynamique_cinematographique_de_1958-1969_-_le_partie_par_yves_lever (accessed: 22.02.2020). (In French)
12. Poirier C. *Clergé et patrimoine cinématographique québécois : les prêtres Albert Tessier et Maurice Proulx*. URL: <http://www.ameriquefrancaise.org/fr/#.UK434xIR-nQ> (accessed: 22.02.2020). (In French)

Е.А. Невежина

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФРАНКО-ФЛАМАНДСКИЙ КОНФЛИКТ ОТ ИСТОКОВ ДО НАШИХ ДНЕЙ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В контексте современных процессов глобализации культуры не всегда приходят к диалогу. Предметом данной статьи является конфликт на территории современной Бельгии, который восходит приблизительно к III в. н.э. Объект исследования – современные проявления франко-фламандского конфликта. В основе франко-фламандского конфликта лежит прежде всего языковое противостояние, на которое наслоились факторы социального, экономического и особенно политического характера. Отношение бельгийского населения к конфликту отражено в различных ресурсах: научных статьях, энциклопедических данных, публицистических изданиях, средствах массовой информации Валлонии и Фландрии, в корпусах данных, социальных сетях, художественной литературе и в комментариях к вышперечисленным источникам. Цель, поставленная в данной статье, – исследовать многоаспектный конфликт, его причины, ход, современный статус, сделать заключение по тенденциям его развития. Гипотеза исследования заключается в том, что текущий статус франко-фламандского конфликта определяется рецессией или умышленным умалчиванием, а также сдерживанием со стороны политических элит королевства Бельгия.

Ключевые слова: конфликтология; франко-фламандский конфликт; французский язык; социолингвистика; Валлония; Фландрия; Брюссель.

Историческая справка. Франко-фламандский конфликт имеет давнюю историю. В III в. н.э. граница Римской империи проходила вдоль реки Рейн, территория около реки была романизирована только частично. После падения Римской империи на эти земли прибыли германские племена. Таким образом, часть территории сохранила романскую речь, другая – германскую. Конфликт накалялся в разные времена, но к 1830 г. достиг своей кульминации. Бельгия к 1831 г. объявила себя независимым королевством после

Невежина Елизавета Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liza031190@ Rambler.ru).

длительного периода подчинения разным правителям [Невежина, 2017]. Единственным официальным языком в Бельгии указанного периода был французский, что подтверждает первая перепись населения в 1846 г.: общая численность населения – 4,3 млн жителей, из которых 57% говорят по-нидерландски, 42% – по-французски и 1% по-немецки¹. С 1932 г. стало очевидно, что результаты переписи населения могли провоцировать изменение языкового статуса для некоторых коммун: если 30% жителей заявляли, что говорят на языке, не распространенном для данной территории, коммуна могла стать двуязычной [Francard, 1995: 35]. Перепись населения от 1947 г. включила в последний раз вопрос о языковой принадлежности населения.

С 1847 г. фламандцы стали требовать языкового равноправия с валлонами. С 1873 по 1883 г. был принят ряд законов, по которым фламандский² стал вторым официальным языком в королевстве, однако доминирующим оставался французский язык. Официальный билингвизм в стране был установлен законом 1921 г., до этого подразумевалось лишь расширение функций фламандского языка. Помимо билингвизма закон закреплял статус Брюсселя как двуязычного региона. Несмотря на ряд принятых позже законов, конфликт не считается исчерпанным и сегодня.

Степень освещенности проблемы. Лингвокультурная ситуация в Бельгии, в частности, политика в данной сфере, интересовала и продолжает интересовать исследователей как в России, так и за рубежом [Бакеландт, 2011; Загрязкина, 1996; Загрязкина, 2019; Невежина, 2017; Разумова, 2014; Степанов, 1976; Blampain, Goosse, 1997; Francard, 1995; Lafontaine, 1997]. В средствах массовой информации Бельгии (франкоязычные *RTBF*, *RTL*, *RFI*, *L'Avenir*, *L'Express*, *La Nouvelle Gazette*; брюссельский *Le Soir*; общельгийские *Courrier International*, *7sur7*, *La Capitale*; фламандский *Nord Éclair*), некоторых блогах (например, *Petite-histoire-du-conflit-belge.html*) также отражен статус франко-фламандского конфликта.

Термин «конфликты» (*conflits linguistiques*) описал социолингвист М. де Костер, изучающий вопрос противостояния в Бельгии: «... языковые конфликты отобразили первостепенную необходимость сохранения культуры, далее – идентичности, с учетом того, что язык

¹ Некоторые исследователи отмечают, что к статистическим данным любого периода нужно относиться с осторожностью, так как они могут быть интерпретированы с выгодой для тех или иных лиц [Бакеландт, 2011: 106; Francard, 1995; Legros, 1948].

² Во франкоязычной литературе используется термин *le flamand*, в отечественных исследованиях речь идет о фламандском диалекте нидерландского языка. Франкар утверждает, что *le flamand* – это совокупность региональных говоров (*parlers régionaux*) [Francard, 1995: 42].

в ней играет бесспорно важную роль»³. Помимо «конфликтов» были использованы термины «споры» (*querelles*)⁴, «вопросы» (*questions*)⁵, «проблемы» (*enjeux*)⁶.

Современная ситуация в Бельгии. Яблоком раздора в противоречии между Валлонией (югом) и Фландрией (севером) является столичный регион – Брюссель. На 2018 г. в нем насчитывалось 80% франкоязычных жителей⁷. В административном плане территория столицы время от времени расширяется за счет захвата земель Фландрии. М. Франкар в 1990-х годах отмечал, что в речи фламандских влиятельных персон Брюссель назван столицей Фландрии [Francard, 1995]. Возможно, это связано с тем, что Фландрия разместила большую часть штаб-квартир своих институтов власти именно в Брюсселе, Валлония же – в Намюре. Такая расстановка сил не устраивает франкоязычное население Брюсселя.

Конфликт подпитывают и другие факторы:

1) экономический уровень Фландрии выше, чем у Валлонии и Брюсселя, поэтому фламандцы тяготеют к тому, что валлоны экономически зависимы от северного региона; фламандцы требуют сокращения языковых льгот, о которых речь пойдет ниже;

2) франкофоны неохотно изучают фламандский диалект;

3) иммигранты в Бельгии – выходцы из франкоязычных стран, таким образом, число франкоязычных жителей увеличивается;

4) некоторые пограничные коммуны не могут определиться со своей административной принадлежностью (например, эксклав Вурен/Фурон⁸);

5) валлоны считают, что фламандцы их притесняют, частично отменив использование французского языка в образовательной среде, валлоны требуют сохранения языковых льгот.

Так, в нынешнем понимании под еще неисчерпанным франко-фламандским конфликтом подразумевается совокупность этниче-

---

³ De Coster M. Les enjeux des conflits linguistiques: le français à l'épreuve des modèles belge, suisse et canadien. Paris: L'Harmattan, 2007. P. 13.

⁴ Witte E., Van Velthoven H. Les Querelles linguistiques en Belgique. Le point de vue historique. Bruxelles: Editions Le Cri, 2011.

⁵ Dujardin V., Dumoulin M. Nouvelle histoire de Belgique: L'union fait-elle toujours la force ? (1950–1970). Bruxelles: Editions Le Cri, 2008. P. 7.

⁶ Mabilie X. Nouvelle histoire politique de la Belgique. Bruxelles: Editions du CRISP, 2011. P. 378.

⁷ Столица Бельгии. Брюссель, 2018. URL: <http://www.vrungel.ru/stolica-belgii-bryussel/> (дата обращения: 01.12.2019).

⁸ Фурон, принадлежавший Льежу, переместился во фламандский Лимбург. Каждый раз в ходе выборов в коммуне жители Фурона выступают с призывом “*Retour à Liège*” («Возвращение к Льежу»), ранее это движение возглавлял Ж. Аппар.

ских, политических, религиозных, социоэкономических, культурных и языковых проблем.

С 1990-х годов формой государственного устройства является так называемый этнофедерализм, целью которой было сохранение целостности государства. Этнофедерализм прежде всего связан с задачей сохранения управляемости страной и сдерживания сепаратистских устремлений регионов [Пантин, Лапкин, 2015: 78]. Однако сейчас этнофедерализм связывают с двумя тенденциями: 1) интеграцией (культурное и политическое единство) и 2) разобщением (этнофедерации⁹ нестабильны, приводят к разрушению государства).

В рассуждениях о языковых сообществах в Бельгии нередко встречается упоминание феномена «компромисс по-бельгийски», под которым понимается проведение политики «примирения» разных языков. Изначально “*Le Compromis à la belge*” – манифест, изданный в 1929 г. Ж. Дестрэ и К. Юисмансом, подписанный 29 депутатами-социалистами из Валлонии и Фландрии. Этим манифестом они признавали к лингвистическому и культурному единству Фландрии и Валлонии.

На протяжении долгого времени в Бельгии обсуждался вопрос языковой границы. Она была установлена как явление в 1932 г., а 8 ноября 1962 г. закон определил ее рисунок. Закон, за который проголосовали в основном фламандцы, утверждал следующий принцип: *один регион – один язык*. И этот момент побудил некоторые коммуны перейти на другую сторону от своего Региона или провинции, иногда это происходило против воли жителей (случай Фуруна).

16 коммун, схожих с Фуруном, получили так называемые *facilités linguistiques*, или языковые льготы, рассчитанные на то население, которое не говорит на доминирующем языке Региона. Льготы облегчают условия труда при миграции жителей между Валлонией, Фландрией и Брюсселем. В коммунах предписывается: 1) перевод административных документов на второй язык; 2) образовательный процесс на языке, выбранном жителями. Больше число таких коммун расположено во Фландрии, но камнем преткновения являются те фламандские коммуны, что расположены на границе с Брюсселем, где сильно влияние французского языка. М. Франкар использует словосочетание “*tache d’huile*” («масляное пятно») по отношению к французскому языку, который распространен в некоторых городах Фландрии: Антверпене, Брюгге, Генте, Куртрэ, Лувене. Отчасти это связано с фламандской буржуазией, которая когда-то давала своим детям образование на французском языке. Эти «масляные пятна»

⁹ Этнические федерации – это «федерации, в которых два, несколько или все субъекты образованы по этническому, точнее, этнотерриториальному принципу» [Фарушкин, 2017].

не останавливает языковая граница, что побуждает фламандцев трепетно относиться к своей идентичности [Francard, 1995].

Территориальное деление Бельгии по административному и языковому принципам. На сегодняшний день в Бельгии сосуществуют три официальных языка:

1) французский язык (на нем говорит 41% населения из 11 505 473 человек¹⁰);

2) фламандский диалект нидерландского языка (58%);

3) немецкий язык (1%¹¹).

С 1995 г. страна разделена на несколько типов территорий (табл. 1).

Таблица 1

Территориальное деление Бельгии

Тип деления	Единицы
Административный / региональный / социально-экономический (с 1995 г.)	Регионы: Фландрия, Брюссель, Валлония; Провинции (10) и коммуны (589)
Лингвистический (с 1970 г. [L'État fédéral, 2016])	Сообщества: Французское, Немецкоязычное, Фламандское
Регионально-лингвистический	Регионы: французского языка, нидерландского языка, немецкого языка, двуязычный (Брюссель)

Наблюдается следующий парадокс: создав языковые регионы, власти в Бельгии не увеличили число административных регионов. Этот федерализм М. Франкар назвал «асимметричным» [Francard, 1995], так как институциональное разделение не идентично языковой границе: в валлонской части сосуществуют две институции – Валлонский регион и французское сообщество; во фламандской части – регион и сообщество объединяются под эгидой фламандского совета. Брюссель, имеющий культурные связи с Валлонией в рамках французского Сообщества и с Фландрией, сохраняет статус региона. Например, некоторые жители Валлонии как Региона могут принадлежать одновременно двум Сообществам (французскому и немецкоязычному). Так и жители одного Сообщества могут принадлежать двум Регионам (Валлонии и Брюсселю).

Статистически большинство фламандцев (98%) живут в нидерландоязычном регионе, остальные 2% – в Брюсселе. Немецкогово-

¹⁰ Belgique. Population. URL: <http://countrymeters.info/fr/Belgium> (дата обращения: 24.10.2019).

¹¹ Состав населения Бельгии. URL: <http://belgiya.net/naselenie-belgii/sostav-naseleniya.html> (дата обращения: 24.10.2019).

рящие жители принадлежат региону немецкого языка. В то время как франкофоны живут везде: 80% – в регионе французского языка (валлоны), 20% – в Брюсселе. Но есть франкофоны и во фламандском регионе¹².

Движения в защиту идентичности. Для выделения и обособления своей культурной и языковой идентичности среди фламандцев в 1840–1850 гг. образовалась сначала небольшая группа так называемого Фламандского движения (*Mouvement flamand*, организация *ТАК – Taal Aktie Komitee*). Движение сначала не обрело массового характера в силу социально-экономического кризиса в регионе. С 1860 г. фламандцы выдвинули слоган «Бельгия с нашими правами для нас или наши права без Бельгии»¹³. Новый подъем Фламандское движение испытало в 1930-е годы под влиянием Эндрика Консьянса (автор книги «Фламандский лев», 1938) и католического духовенства [Francard, 1995: 37]. Бакеландт Ф. отмечает, что фламандское движение связано с проблемой этничности [Бакеландт, 2011: 106]. Это движение не имело аналогов в Валлонии, несмотря на известных интеллектуалов XX в. А. Мокеля и Ж. Дестрэ. Валлонское движение (*Mouvement wallon*) развивается только после Второй мировой войны, во время кризиса черной металлургии и шахт.

Журналист Ф. Эбельс в 2010 г. так описал расстановку сил двух движений: «... оба лагеря правы. Фламандцы опасаются уступить территорию, которую они с трудом приобрели, тем, кого они считают вечным захватчиком. Франкофоны просто хотят иметь возможность говорить на своем языке в том, что они так же считают своей страной. Для фламандцев языковая граница – это государственная граница; для валлонов граница – это всего лишь административная разметка»¹⁴.

Недавний идентичностный вопрос представляет следующую картину: опрос 2010 г. показал, что 45% фламандцев чувствуют себя сначала фламандцами, потом бельгийцами, 9% валлонов сначала себя чувствуют валлонами, потом уже бельгийцами¹⁵.

Современные комментарии к статьям бельгийской прессы или к блогам обладают существенным недостатком: не всегда комменти-

---

¹² L'Etat belge. Données démolinguistiques. URL: http://www.axl.cefan.ulaval.ca/europe/belgiqueetat_demo.htm (дата обращения: 01.11.2019).

¹³ URL: http://www.dbnl.org/tekst/fred002sche01_01/fred002sche01_01_0003.php (дата обращения: 01.11.2019).

¹⁴ URL: <https://www.courrierinternational.com/article/2010/12/09/des-problemes-entre-flamands-et-wallons-non-non-pas-du-tout> (дата обращения: 01.11.2019).

¹⁵ URL: <http://www.lalibre.be/actu/elections-2010/article/617996/les-belges-sont-tres-critiques.html> (дата обращения: 01.11.2019).

рующий указывает свое происхождение, что затрудняет предметную оценку его отзыва. Мы встречаем различные высказывания, которые сгруппированы в табл. 2, исходя из общей направленности: «война» или «мир».

Некоторые высказывания о противостоянии/диалоге в Бельгии хранятся в корпусах данных. Приведем в пример два корпуса, суммарный объем которых составляет 100 000 слов. Они представляют собой транскрипцию дискуссий, которые велись на тему бельгийского федерализма в Льеже (2007) и Антверпене (2008). Прочитируем некоторые высказывания:

- 1) «Нужно различать бельгийский федерализм, который мы видим сейчас, и тот, что был в прошлом»;
- 2) «Но я думаю, что вы можете сделать вывод, что современный федерализм не работает»;
- 3) «Чем больше шестеренок в механизме, тем больше песчинок может туда попасть»;
- 4) «Мне кажется, что проблемы скорее экономического характера, чем культурного»¹⁶.

Отметим, что все высказывания носят пессимистический характер. **(Социо)лингвистические исследования.** Малый процент (5%, 2016 г.¹⁷) фламандцев выступают за независимость от Валлонии, по свидетельствам портала *La Libre*. Однако отметим, что и в 2010 г., и в 2019 г. прошли парламентские выборы, в которых на втором месте оказалась партия *Vlaams Belang* крайне правого толка, поддерживающая идеи сепаратизма, ограничения иммиграции, сохранения традиционных фламандских ценностей.

В 2010 г. было проведено исследование с использованием «ментальных карт» [Dassargues, Perrez, Reuchamps, 2014]. Пять тысяч нидерландоязычных и франкоязычных студентов участвовали в эксперименте: основным заданием было нарисовать Бельгию. После этого был предложен опросник об их видении Бельгии, идентичности и курса политики.

Разными способами 9,8% студентов отобразили на карте конфликт. Языковую границу – 50,5%. Вторая половина рисунков представляла собой только контуры карты Бельгии (рисунок). За разделение севера и юга высказались 1% (0,5% нидерландоязычные студенты, 0,5% – франкоязычные).

---

¹⁶ Цит. по: [Reuchamps, 2008].

¹⁷ URL: <https://www.lalibre.be/debats/opinions/5-de-separatistes-flamands-une-blague-578ce88f357086b3e0d39a1e> (дата обращения: 01.11.2019).

Высказывания в сети «Интернет» по поводу нынешнего статуса отношений между Фландрией и Валлонией

Скорее война	Скорее мир
<p>1) «Бельгийский выход к морю переименован на фламандский»¹⁸;</p> <p>2) «Столкновения на словах не редки, иногда доходит до рукоприкладства»¹⁹;</p> <p>3) «Я совершенно не знаю, в каком направлении мы двигаемся, но не к миру» (житель Валлонии)²⁰;</p> <p>4) «Именно политики не ладят»²¹;</p> <p>5) «... если деревня спокойна, возможно, это потому, что два сообщества там очень редко встречаются... А в столичном регионе, наоборот, люди [разных сообществ. – <i>Е.Н.</i>] живут бок о бок»²²;</p> <p>6) «Федеративное государство – это боевая машина, созданная фламандцами для разрушения Бельгии», Ж. Клерфаи, франкоязычный депутат²³;</p> <p>7) «Никогда не было бельгийской нации», фламандец Д. Ахтен²⁴;</p> <p>8) «Больше нет речи о лингвистическом споре; появилась национальная фламандская идентичность, чья амбиция намного шире», бывший министр Ф. Перен²⁵;</p> <p>9) «Бельгия живет спокойно, в своем ритме... Так, вся страна признает и узнает себя, а политики забывают, что языковая война идет полным ходом»²⁶</p>	<p>1) «Сейчас большая проблема в том, что франкофоны не имеют представления о будущем. В то время как фламандцы имеют» (житель Валлонии)²⁷;</p> <p>2) «Наша страна живет сегодня в добром соседстве, далеко от распрей политических групп»²⁸;</p> <p>3) «Языковые конфликты принадлежат прошлому»²⁹</p>

¹⁸ URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/belgique-le-royaume-eclate_494256.html (дата обращения: 01.11.2019).

¹⁹ Цит. по: [Бакеландт, 2011: 108].

²⁰ URL: <https://ex-webis.blogspot.com/2011/11/petite-histoire-du-conflit-belge.html> (дата обращения: 01.11.2019).

²¹ URL: <https://www.courrierinternational.com/article/2010/12/09/des-problemes-entre-flamands-et-wallons-non-non-pas-du-tout> (дата обращения: 01.11.2019).

²² Там же.

²³ URL: https://www.lexpress.fr/actualite/monde/europe/belgique-le-royaume-eclate_494256.html (дата обращения: 01.11.2019).

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Цит. по: [Бакеландт, 2011: 110].

²⁷ Там же.

²⁸ Цит. по: [Бакеландт, 2011: 109].

²⁹ URL: <https://www.courrierinternational.com/article/2010/12/09/des-problemes-entre-flamands-et-wallons-non-non-pas-du-tout> (дата обращения: 01.11.2019).

Наличие языковой границы на рисунках респондентов обозначает осведомленность учащихся о языковой политике страны. Отвечающие, идентифицирующие себя только с Фландрией, в большинстве своем рисовали границу. В то время как те, кто идентифицирует себя только с Бельгией, границу не рисовали.

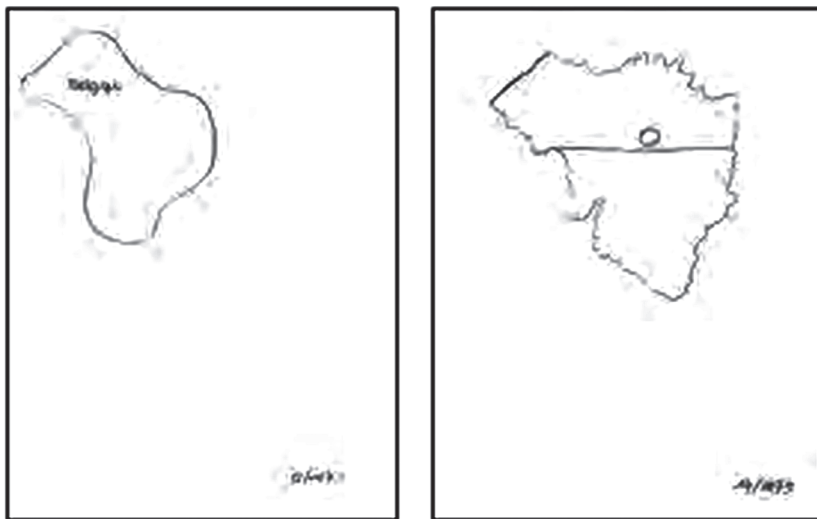

Рисунок. «Ментальные карты»

Статус франко-фламандского конфликта. В научных исследованиях и прессе природа конфликта часто описана как не коммуниитарная³⁰ [Dassargues, Perrez, Reuchamps, 2014: 108], не лингвистическая, а экономическая. Наблюдая за динамикой отношений внутри королевства, мы не можем отрицать как лингвистический фактор, повлиявший на генезис конфликта, так и коммуниитарный характер противостояния, принимая во внимание парадокс разграничения на сообщества и регионы.

Нынешний статус конфликта представляет собой маятник, которым, по свидетельствам различных исследований, управляет политическая элита в своих интересах [Франкар, 1995; Бакеландт, 2011] или это явление коммерциализовано [Едличко, 2017]. Валлоны демонстрируют потерю идентичностных ориентиров, фламандцы, напротив, демонстрируют уверенность в собственной идентичности.

По наблюдениям за СМИ Бельгии на протяжении 2015–2019 гг., можно констатировать, что тема конфликта освещена крайне мало.

³⁰ Иначе говоря, основанная исключительно на разделении на языковые сообщества (*communautés*).

Возможно, этот вопрос не является актуальным и «модным» на текущий момент.

Вероятны три сценария развития событий:

1) сохранение противоречий при сохранении целостности государства, отсутствие существенных изменений. Роль примиряющего фактора играет наднациональная идентичность – европейская, к тому же штаб-квартира Европейского Союза находится в Брюсселе. Этот сценарий кажется наиболее осуществимым;

2) раскол Бельгии: Валлония окажется экономически несамостоятельной единицей, а Фландрии понадобится долгое время, чтобы получить авторитет среди государств;

3) создание конфедерации: Фландрия и Валлония обретут самостоятельность, а власть отойдет совместным органам власти.

Этнофедерализм не разрешил противоречия в силу сепаратистских настроений в стране. Однако он является сдерживающим фактором сохранения единства страны. Возможно, франко-фламандский конфликт – это явление, уходящее под положительным влиянием глобализации. Гипотеза, поставленная в начале исследования, подтверждена и может быть дополнена наблюдением, что франко-фламандский конфликт гаснет или, наоборот, разрастается в зависимости от интересов политической элиты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бакеландт Ф.* Политический кризис и вопрос национальной идентичности в Бельгии: о фламандско-валлонском конфликте // Франкоязычные культуры: проблемы языка и общества: Учебное пособие / Под ред. Т.Ю. Загрязкиной. М., 2011. С. 95–117.
2. *Едличко А.И.* Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 118–127.
3. *Загряжкина Т.Ю.* Процессы пространственной дифференциации и интеграции французского языка: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996.
4. *Загряжкина Т.Ю.* Феномен Франкофонии: от универсализма к культурному разнообразию // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 9–23.
5. *Невежина Е.А.* Франкоязычный ареал Бельгии: динамика языковых процессов // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 74–80.
6. *Пантин В.И., Лапкин В.В.* Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2015. № 5. С. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.07>
7. *Разумова Л.В.* Языковая ситуация в Бельгии в исторической перспективе: Монография. Чита, 2014.
8. *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М., 1976.

9. *Фарушкин М.Х.* Институциональные основы этических федераций // Полис. 2017. № 2. С. 103–117.
10. *Blampain D., Goosse A., Klinkenberg J.-M., Wilmet M.* Le français en Belgique. Louvain-la-Neuve: Duculot, 1997.
11. *Dassargues A., Perrez J., Reuchamps M.* Les relations entre langue et politique en Belgique: linguistiques ou communautaires? // Revue internationale de politique comparée. 2014. No. 4. Vol. 21. P. 105–128. URL: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-politique-comparee-2014-4-page-105.htm> (дата обращения: 24.11.2019).
12. *Francard M.* Nef des Fous ou radeau de la Méduse ? Les conflits linguistiques en Belgique // Linx, no. 33. 1995. Situations du français, pp. 31–46. URL: https://www.persee.fr/doc/linx_0246-8743_1995_num_33_2_1390. DOI: <https://doi.org/10.3406/linx.1995.1390> (дата обращения: 15.11.2019).
13. *Lafontaine D.* Les attitudes et les représentations linguistiques // Blampain D., Goosse A., Klinkenberg J.-M., Wilmet M. Le français en Belgique. Louvain-la-Neuve: Duculot, 1997. P. 376–402.
14. *Legros E.* 1948. La frontière des dialectes romans en Belgique. Liège, H. Vaillant-Carmanne, 1948. P. 15–19.
15. *Reuchamps M.* L'actualité du fédéralisme. Perceptions et préférences fédérales des citoyens francophones belges. Communication présentée lors de la Tribune Jeunes Chercheurs du 4ème Congrès de l'Association Belge de Science Politique – Communauté française (ABSP-CF), Louvain-la-Neuve (UCL), 24–25 avril 2008. URL: <https://orbi.uliege.be/handle/2268/628> (дата обращения: 24.11.2019).

Elizaveta A. Nevezhina

THE INTERACTION OF CULTURES IN A MULTILINGUAL SPACE: THE FRANCO-FLEMISH CONFLICT FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT DAY

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In the context of modern globalization processes, cultures do not always come to dialogue. The subject of this article is the conflict on the territory of modern Belgium, which dates back to about the III century AD. The object of the study is modern manifestations of the Franco-Flemish conflict. At the heart of the Franco-Flemish conflict lies, first of all, the language confrontation, on which factors of a social, economic and especially political nature have been layered. The attitude of the Belgian population towards the conflict is reflected in various resources: scientific articles, encyclopedic data, journalistic publications, mass-media of Wallonia and Flanders, in corpus data, social networks, fiction and in the comments on the above sources. The goal set in this article is to investigate a multidimensional conflict, its causes, its course, the current status, and to draw a conclusion on its development trends. The hypothesis of the study is that the current status of the Franco-Flemish conflict is determined by recession or deliberate silence, as well as deterrence by the political elites of the kingdom of Belgium.

Key words: conflict management; Franco-Flemish conflict; French; sociolinguistics; Wallonia; Flanders; Brussels.

About the author: *Elizaveta A. Nevezhina* – PhD in Philology, Assistant Professor, Department of French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liza031190@rambler.ru).

REFERENCES

1. Bakelandt F. 2011. *Politicheskii krizis i vopros natsional'noi identichnosti v Bel'gii: o flamandsko-vallonskom konflikte* [Political crisis and the question of national identity in Belgium: on the Flemish-Walloon conflict]. In T.Yu Zagryazkina (ed.) *French-speaking cultures: problems of language and society: Textbook*. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, pp. 95–117. (In French)
2. Edlichko A.I. 2017. Kommertsializatsiya yazyka v aspekte yazykovoï politiki gosudarstva [The commercialization of language in the context of state language policy]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 118–127. (In Russ.)
3. Zagryazkina T.Yu. 1996. *Protsessy prostranstvennoi differentsiatsii i integratsii frantsuzskogo yazyka: avtoref. dokt. diss. po spets. 10.02.05* [The processes of spatial differentiation and integration of the French language]. Moscow. (In Russ.)
4. Zagryazkina T.Yu. 2019. Fenomen Frankofonii: ot universalizma k kul'turnomu raznobraziyu [The Phenomenon of Francophonie: from Universalism to Cultural Diversity]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 9–23. (In Russ.)
5. Nevezhina E.A. 2017. Frankoyazychnyi areal Bel'gii: dinamika yazykovykh protsessov [Belgium's Francophone Area: the Dynamics of Language Processes]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 74–80. (In Russ.)
6. Pantin V.I., Lapkin V.V. 2015. Etnopoliticheskie i etnosotsial'nye protsessy na post-sovetskom prostranstve [Ethnopolitical and ethnosocial processes in the post-Soviet space]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], no. 5, pp. 75–93. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2015.05.07>. (In Russ.)
7. Razumova L.V. 2014. *Yazykovaya situatsiya v Bel'gii v istoricheskoi perspektive: monografiya* [The language situation in Belgium in a historical perspective: a monograph]. Chita, ZabGU. (In Russ.)
8. Stepanov G.V. 1976. *Tipologiya yazykovykh sostoyanii i situatsii v stranakh romanskoï rechi* [Typology of linguistic conditions and situations in countries of Roman speech]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
9. Farukshin M.Kh. 2017. Institutsional'nye osnovy eticheskikh federatsii [Institutional foundations of ethical federations]. *Polis*, no. 2, pp. 103–117. (In Russ.)
10. Blampain D., Goosse A., Klinkenberg J.-M., Wilmet M. 1997. *Le français en Belgique*. Louvain-la-Neuve, Duculot. (In French)
11. Dassargues A., Perrez J., Reuchamps M. 2014. Les relations entre langue et politique en Belgique: linguistiques ou communautaires ? *Revue internationale de politique comparée*, no. 4. Vol. 21, pp. 105–128. URL: <https://www.cairn.info/revue-internationale-de-politiquecomparee-2014-4-page-105.htm> (accessed: 24.11.2019). (In French)
12. Francard M. 1995. Nef des Fous ou radeau de la Méduse? Les conflits linguistiques en Belgique. *Linx*, no. 33. Situations du français, pp. 31–46. URL: https://www.persee.fr/doc/linx_0246-8743_1995_num_33_2_1390. DOI: <https://doi.org/10.3406/linx.1995.1390> (accessed: 15.11.2019). (In French)

13. Lafontaine D. 1997. *Les attitudes et les représentations linguistiques*. In Blampain D., Goosse A., Klinkenberg J.-M., Wilmet M. *Le français en Belgique*. Louvain-la-Neuve, Duculot, pp. 376–402. (In French)
14. Legros E. 1948. *La frontière des dialectes romans en Belgique*. Liège, H. Vaillant-Carmanne. (In French)
15. Reuchamps M. 2008. *L'actualité du fédéralisme. Perceptions et préférences fédérales des citoyens francophones belges*. Communication présentée lors de la Tribune Jeunes Chercheurs du 4ème Congrès de l'Association Belge de Science Politique – Communauté française (ABSP-CF), Louvain-la-Neuve (UCL), 24–25 avril. URL: <https://orbi.uliege.be/handle/2268/628> (accessed: 24.11.2019). (In French)

М.С. Розина, М.В. Соловьева

ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН АЗИИ В РОССИЙСКУЮ АКАДЕМИЧЕСКУЮ СРЕДУ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Перед преподавателями РКИ в настоящее время стоит важнейшая педагогическая задача – эффективная организация процесса адаптации и интеграции азиатских студентов в современное российское социокультурное пространство. Для выявления проблем, связанных с адаптацией азиатских учащихся и их последующей интеграцией, авторами статьи было проведено исследование, которое помогло определить основные проблемы пребывания респондентов в условиях естественной языковой и новой академической среды. В статье анализируются результаты проведенного анкетирования азиатских студентов, на основании которых авторы смогли выделить и описать ряд проблем опрашиваемой группы, которые связаны прежде всего с процессом коммуникации и как следствие социализации иностранных студентов. Данные анкетирования помогли авторам определить возможные эффективные шаги по преодолению трудностей межкультурного общения в академической среде и в обществе в целом. Хотя интеграция азиатских учащихся – это сложный и длительный процесс, постепенное освоение норм русской культуры, ценностей и образцов поведения, а также установление контакта с россиянами азиатскими учащимися постепенно достигается, поэтому в данный момент можно говорить о положительной тенденции в адаптационном и интеграционном процессе.

Ключевые слова: азиатские студенты; интеграция; академическая среда; адаптация; межкультурное общение; образовательное пространство; миграционная политика.

Одним из показателей успешности вуза на мировом рынке образовательных услуг является количество иностранных студентов. Доля иностранных граждан, обучающихся в нашей стране, неуклонно растет. По данным Министерства науки и высшего образования РФ, доля иностранных граждан, обучающихся в нашей стране, не-

---

Розина Марина Серафимовна – старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: frozin@list.ru).

Соловьева Марина Валерьевна – старший преподаватель кафедры лингвистики, перевода и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: marsol@mail.ru).

уклонно растет: число иностранных студентов за последние три года выросло на 20%. Так, в 2014/2015 уч.г. в России учились 183 тыс. иностранцев, в 2015/2016 эта цифра увеличилась до 200 тыс., а в 2016/2017 составила уже 230 тыс. человек. Прием иностранных студентов в МГУ имени М.В. Ломоносова увеличился на 30%, достигнув уровня зарубежных вузов. Это стало возможным благодаря повысившемуся интересу иностранных абитуриентов к российскому образованию отчасти из-за привлекательной цены и в большей степени качества самого образования¹. Привлекательность российского образования объясняется рядом преимуществ: доступность образовательных программ (в среднем стоимость обучения – 136 333 тыс.), широкий выбор специальностей (200 направлений и 650 специальностей), оптимальное соотношение цены и качества (при конкурентоспособности образовательных организаций обучение дешевле, чем в Канаде, США и Великобритании), возможность обучения на бюджетной основе (15 000 мест по квотам), невысокая цена на проживание в студенческом общежитии, возможность получения двойного разных категорий (межправительственные соглашения России более чем с 60 странами)². Увеличение контингента иностранных студентов разных категорий обеспечивает главным образом вузы, расположенные в республиканских, краевых и областных центрах (в целом на 17,0 тыс. человек), а также вузы двух мегаполисов – Москвы и Санкт-Петербурга (в целом на 10,5 тыс. человек). На долю Москвы приходится около 25% от общего числа иностранных студентов в стране. В 2016/2017 уч.г. наиболее крупными контингентами иностранных учащихся дневных отделений являлись представители Казахстана (39,7 тыс. человек), на втором месте – КНР (26,8 тыс. человек), на третьем – Туркмении (17,3 тыс. человек) [Ганьшин, Смирнов, Шаповалов, Тагирова, 2018: 9]. Что касается дальнего зарубежья, на 17,6% увеличилось число абитуриентов из Азии: на их долю приходится 57 362 человека, из них 26 775 человек составляют учащиеся из КНР, 1990 человек из КНДР, 2989 человек из Монголии, 4866 человек из Вьетнама, 893 человек приходится на Японию и 2040 человек на Малайзию [Ганьшин, Смирнов, Шаповалов, Тагирова, 2018: 25]. Надо отметить, что данная тенденция сохранилась и в 2018/2019 уч.г.

В связи с увеличивающимся спросом на получение российского образования в настоящее время целесообразно говорить о межкультурном образовательном пространстве, в котором есть возможность сформировать личность, способную противостоять межкультурным

¹ URL: <https://ria.ru/20160922/1477582700.html> (дата обращения: 01.11.2019).

² URL: <https://studyinrussia.ru/actual/articles/skolko-inostrannykh-studentov-v-rossii/> (дата обращения: 01.11.2019).

конфликтам, критически осмысливать собственную и чужую культуру, проявлять понимание, терпимость к носителям другой культуры. В этом случае становится актуальной проблема адаптации и дальнейшей интеграции иностранных граждан в языковую и культурную среду страны пребывания.

Иностранцы, приезжающие на учебу в Россию из Азии, оказываются в новой для них среде. Академическая среда становится *межкультурным миром* – это не только аудиторные занятия, это и внеаудиторная жизнь студентов. Межкультурное общение в образовательной среде представляет собой взаимные действия представителей двух разных мегакультур, которое обеспечивает качественно новое образовательное коммуникативное пространство, создает условия для образовательной деятельности и преобразовательной деятельности личности.

Поведение человека в новой социокультурной ситуации существенно отличается от поведения в условиях собственной культуры. С одной стороны, надо принять новые формы обучения, стать самостоятельным в учебном процессе, научиться общаться с новыми людьми, с другой – адаптироваться к новой культуре, научиться понимать других, принимать другие обычаи и нормы общественной жизни. Академические проблемы, связанные с академическим ожиданием и академической реальностью, способны затянуть адаптационные процессы [Розина, 2017: 277]. В связи с этим перед преподавателями стоит важнейшая педагогическая задача – эффективная организация не только процесса обучения, но и процесса адаптации студентов.

Современные российские исследования нередко посвящены адаптации как процессу приспособления иностранного студента к условиям новой среды. Выявляя проблемы, исследователи дают рекомендации по их решению [Дорожкин, Мазитова, 2007; Савченко, 2010; Моднов, Ухова, 2013]. Многие исследователи при описании указывают лишь общую численность опрошенных, не уделяют внимание составу опрошенных – их национальной принадлежности [Дорожкин, Мазитова, 2007; Анамурадова, 2013; Моднов, Ухова, 2013]. М.И. Иванова в работе «Социально-психологическая адаптация иностранных студентов к высшей школе России» [Иванова, 2001] выделила специфику различных иностранных групп с указанием возможных особенностей работы с ними. Ряд исследований направлен на разработку методики, которая могла бы позволить анализировать степень адаптированности студентов к условиям на основе ответов на вопросы анкеты и объективных показателей [Шевелев, Кабанова, Михальченко, 2012], а также определить вероятность попадания студента в «группу риска» на основании ряда

индикаторов [Вадутова, Кабанова, Шкатова, 2010]. Д.С. Дрожжина, используя качественный подход в своем исследовании, на примере кейса иностранных студентов ТГУ в работе «Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии» отметила необходимость применения различных подходов, изучения их достоинств и недостатков, их комбинирование и обозначила перспективы развития методологической составляющей при изучении темы адаптации иностранных студентов [Дрожжина, 2013].

В данной статье предлагается ответить на следующие вопросы:

- каковы особенности адаптационного процесса у учащихся определенной национальной принадлежности – азиатских студентов?
- чем привлекает азиатских студентов российская образовательная среда?
- какие меры необходимо принять для преодоления адаптационных проблем и интегрирования в российское общество?

Для выявления проблем, связанных с адаптацией азиатских учащихся и их интеграцией в российское общество, авторы провели исследование в формате анкетирования, которое помогло определить основные проблемы пребывания респондентов в условиях естественной языковой и новой академической среды. В качестве объекта исследования была выбрана определенная национальная группа – КНР и Южной Кореи, что позволило учитывать «мнение большинства» в рамках опроса. В анкетировании приняли участие представители программ, получающие фундаментальное образование – учащиеся 1 и 2 курсов бакалавриата факультета иностранных языков и регионоведения, 1 курса бакалавриата и 1 курса магистратуры Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере. К анкетированию намеренно не привлекались учащиеся обменных программ по нескольким причинам: данная группа приезжает в РФ на ограниченный срок (в среднем на 1–5 месяцев), а значит не имеет достаточного опыта проживания и обучения в новых условиях, в связи с чем ее результаты не могут быть подвергнуты анализу и интерпретации в рамках данного исследования. Поскольку главная задача анкетирования – побудить респондента дать ответы на поставленные вопросы, для достижения максимального результата нами были выдвинуты определенные требования к самому процессу анкетирования и анкете. Во-первых, была выбрана очная форма анкетирования, так как не все респонденты владеют русским языком в достаточной степени, чтобы адекватно понимать вопрос и грамотно излагать свои мысли в письменной форме. В этом случае происходит прямое общение с респондентом, анкета заполняется в нашем присутствии, появляется возможность комментировать анкету, пояснять непонятные пункты и давать дополнительную

консультацию по технике ее заполнения. Во-вторых, в анкете используются вопросы открытого типа, которые чередуются по степени сложности: первыми идут простые вопросы, нацеленные на установление контакта и интерес со стороны респондента, – такие вопросы просты по формулировке и предполагают краткий ответ. Основные вопросы содержат главную информацию по интересующей проблеме. И, наконец, заключительные вопросы, которые формулируются просто, не требуют напряжения внимания и памяти. Такой подход в составлении анкеты дает возможность проверить устойчивость ответов респондентов и обеспечивает достоверность данных. В-третьих, часть вопросов в анкете побуждает респондентов не только ответить на вопрос об адаптации, но и самостоятельно определить факторы и условия, которые могут положительно повлиять на адаптационные процессы.

По результатам проведенного анкетирования на первый план вышел *языковой барьер*. В подтверждение этому 30% респондентов ответили, что главной трудностью их социализации является русский язык. Действительно, у студентов из стран Азии трудности с межкультурным общением в первую очередь связаны с незнанием русского языка, отсутствием языка-посредника, вследствие чего отмечается несформированность навыков понимания и слушания, неумение оценивать собственные коммуникативные навыки, незнание вербальной/невербальной речи собеседника.

Анкетирование позволило определить *социокультурные барьеры (социализация иностранных студентов)*, среди которых нежелание русских идти на контакт с азиатскими гражданами, недоверчивость россиян, отсутствие возможности общаться с русскими студентами, различие культур и разное понимание «дружбы». Недоброжелательность местного населения (15%), незнание поведенческих моделей (35%) и трудная жизнь в городе (5%) остаются препятствием к адаптации. Только 40% опрошенных чувствуют себя частью российского общества. В связи с этим респонденты предпочитают устанавливать межличностные отношения с соотечественниками, что значительно способствует «приживаемости», так как благодаря этому общению они чувствуют психологическую поддержку. Однако ограниченность социального взаимодействия с россиянами усиливает и чувство отчуждения.

По оценкам исследования, 30% опрошенных недовольны своими *социально-бытовыми условиями*, среди которых чаще всего выделяются жилищные условия – 15% и культура питания (15%). Высказываются замечания по техническому состоянию общежития, организации быта, что связано с отсутствием стиральных машин на этаже, наличием одной прачечной на одно общежитие, состояни-

ем пищеблока на этаже (кухонь), проблемами коммуникации с администрацией общежития по бытовым вопросам: замена лампочки, устранение протечки, подключение электроприборов. Однако в силу своей культуры, в отличие от европейских и американских студентов, им не присуща культура свободолюбия и неподчинения правилам «общежития». Ни один из опрошенных не указал в качестве проблем строгие правила проживания, размер комнат, проживание в комнатах на троих и более человек и т.п. Однако больше, чем европейцы или американцы, азиатские учащиеся испытывают трудности адаптации к еде. Наш контингент сталкивается с проблемой отсутствия подходящих продуктов или скудным выбором. Например, в Корее и Китае не принято употреблять диетические блюда: сыр, молоко, масло, йогурты, сметану. Но эта продукция составляет основу российского рациона.

Не меньшее значение для респондентов имеют *климатические условия*. 25% опрошенных обеспокоены погодными условиями: переменчивая, холодная погода в Москве.

Наибольший интерес для исследования представляли ответы, касающиеся привлекательности российского образования, решения конкретных социальных проблем. На вопрос «Как повысить привлекательность образовательных программ в России?» были даны исчерпывающие ответы и предложены идеи, которые могут быть учтены и использованы специалистами при создании адаптационных курсов. Среди наиболее часто встречающихся были даны следующие ответы: организовать досуг иностранных студентов, проводить культурные мероприятия с русскими студентами, бороться с предрассудками об азиатах, искоренить дискриминацию. Несмотря на существующие трудности, азиатскими учащимися достигается установление контакта с россиянами, а также постепенное освоение норм русской культуры, ценностей и образцов поведения, что может говорить о положительной динамике в адаптационном процессе.

Проанализировав анкеты респондентов, мы можем предложить комплекс мер для создания условий адаптации и интеграции азиатских учащихся в российскую среду:

- необходимо создавать *специальные адаптационные курсы*;
- создавать условия, которые приблизят образовательный процесс к потребностям реальной жизни;
- включать иностранных студентов в активную познавательную, культурную, общественную, спортивную деятельность;
- обеспечить психолого-педагогическое сопровождение процесса адаптации иностранных студентов к русской национальной культуре;

- осуществлять работу с иностранными учащимися в условиях межкультурного общения;
- повышать привлекательность образовательных программ;
- организовывать межкультурный и общекультурный тренинг, семинары-мастерские, атрибутивный тренинг и т.п.

Итак, интеграция азиатских учащихся в академическую среду и в российское общество в целом – это сложный и длительный двусторонний процесс, заключающийся в том, что изменениям должно подвергаться и общество, принимая мигрантов как часть целого, помогая им адаптировать свою культуру и поведение согласно нормам нового для них общества. Неслучайно известный американский специалист в области международной миграции Д. Массей писал: «Интеграция – это улица с двусторонним движением» [Massej, 2010: 50].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аннамурадова А.А.* Проблемы адаптации и пути их решения в ШПГУ. Материалы V Международной студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум». 2013. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6241.pdf> (дата обращения: 01.11.2019).
2. *Вадутова Ф.А., Кабанова Л.И., Шкатова Г.И.* Оценка и прогнозирование адаптации иностранных студентов к условиям обучения в российских вузах // Вестник ТГПУ. 2010. № 12. С. 123–126.
3. *Ганьшин И.Н., Смирнов В.М., Шаповалов И.П., Тагирова Ш.В.* Обучение иностранных граждан в высших учебных заведениях Российской Федерации // Статистический сборник. Вып. 15. Министерство образования и науки Российской Федерации. М., 2018.
4. *Дорожкин Ю.Н., Мазитова Л.Т.* Проблемы социальной адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 73–77.
5. *Дрожжина Д.С.* Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии. URL: <https://universitas.hse.ru/data/2014/01/10/1341074388/адаптация%20иностраных%20студентов.pdf> (дата обращения: 30.11.2019).
6. Интеграция мигрантов. Возможна ли она в современном обществе? // Научная серия «Международная миграция населения: Россия и современный мир». Вып. 29. М., 2015.
7. Как проводить анкетирование. URL: <https://www.hse.ru/data/2013/11/28/1337607635/Анкетирование.pdf> (дата обращения: 18.06.2019).
8. *Леденева В.Ю.* Социальная адаптация и интеграция мигрантов в современном российском обществе: Дисс. ... д-ра социол. наук. М., 2014. URL: <http://www.dslib.net/ross-structura/socialnaja-adaptacija-i-integracija-migrantov-v-sovremennom-rossijskom-obwestve.html> (дата обращения: 18.06.2019).
9. *Моднов С.И., Ухова Л.В.* Проблемы адаптации иностранных студентов, обучающихся в техническом университете // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. Т. I (Гуманитарные науки). С. 111–115.
10. *Молчанова Г.Г.* Когнитивные подходы к изменениям дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.

11. *Розина М.С.* Адаптация инофона к реалиям российской системы образования в условиях мегаполиса // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории: Сборник Международной научно-практической конференции. СПб., 2017.
12. *Савченко И.А.* Иностраннный студент в России: условия и барьеры интеграции. Вестник Оренбургского государственного университета. 2010. № 4 (110). С. 25–31.
13. *Сафонова В.В.* Диалог культур и цивилизаций как основополагающий методологический принцип в современной языковой педагогике // Диалог культур. Культура диалога: в поисках передовых социокультурных практик: Сборник материалов Первой международной конференции. М., 2016.
14. *Сафонова В.В.* Полезные уроки общеевропейской международной интеграции и профессионального межкультурного общения в условиях исследовательской кооперации // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 9–22.
15. *Шевелев Г.Е., Кабанова Л.И., Михальченко Е.В.* Информационная система для оценки адаптации иностранных студентов // Вестник науки Сибири. 2012. № 1 (2). С. 134–138.
16. *Massey D.S., Magaly S.R.* “Identity, Integration, and Future”. Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti- Immigrant Times. New Y Russell Sage Foundation, 2010.

Marina S. Rozina, Marina V. Solovjova

**PROBLEMS OF INTEGRATION OF ASIAN STUDENTS
IN RUSSIAN ACADEMIC ENVIRONMENT
AND WAYS TO OVERCOME THEM**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Russian Language teachers are currently facing the most important pedagogical task – the effective organization of not only the learning process, but also the process of adaptation and integration of Asian students into the modern Russian socio-cultural space. In order to identify problems associated with the adaptation of Asian students and their subsequent integration into Russian society, the authors of the article conducted a study that helped to identify the main problems of respondents being in a natural language and new academic environment. The article analyzes the results of a survey of Asian students, on the basis of which the authors were able to identify and describe a number of problems of the surveyed group, which are primarily related to the communication process and, as a result, the socialization of foreign students. The survey data helped the authors identify possible effective steps to overcome the difficulties of intercultural communication in the academic environment. We conclude that the gradual mastering of the norms of Russian culture, values and patterns of behavior, as well as establishing contact with Russians by Asian students is gradually being achieved, therefore at this moment it is possible to talk about a positive trend in the adaptation and integration process.

Key words: educational space; integration; migration policy; intercultural communication; student adaptation; Asian students; academic environment.

About the authors: *Marina S. Rozina* – Assistant Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: frozin@list.ru); *Marina V. Solovjova* – Assistant Professor, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: marsol@list.ru).

REFERENCES

1. Annamuradova A.A. 2013. Problemy adaptatsii i puti ih resheniya v SHPGU. [Problems of adaptation and the way of overcome them at SHPSU] *Collection of V International Scientific Student Conference*. URL: <http://www.scienceforum.ru/2013/pdf/6241.pdf> (accessed: 01.11.2019). (In Russ.)
2. Dorozhkin Y.N., Mazitova L.T. 2007. Poblemy social'noy adaptatsii inostrannykh studentov. [Problems of social adaptation of foreign students] *Social researches*, no. 3, pp. 73–77. (In Russ.)
3. Drozhzhina D.S. 2014. *Izuchenije adaptatsii inostrannykh studentov: diskussiya o metodologii*. [Methodology discussion: learning to adapt foreign students] URL: <https://universitas.hse.ru/data/2014/01/10/1341074388/адаптация%20иностранных%20студентов.pdf> (accessed: 30.11.2019). (In Russ.)
4. Gan'shin I.N., Smirnov V.M., Shapovalov V.V., Tagirova Sh.V. 2018. Obuchenie inostrannykh grazhdan v vysshihkh uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi Federatsii. [Education of foreign citizens in higher education institutions of the Russian Federation] *Statistical collection*. Issue 15. Ministry of Education and Science of the Russian Federation. Moscow, Center for Sociological Research. (In Russ.)
5. How to conduct a survey? URL: <https://www.hse.ru/data/2013/11/28/1337607635/Анкетирование.pdf> (accessed: 18.06.2019). (In Russ.)
6. *Intergratsiya migrantov. Vozmozhna li ona v sovremennom obschestve?* [Integration of migrants. Is it possible in modern society?] 2015. In Iontsev V.A. (ed.) *Scientific series "International migration of population: Russia and the modern world"*. Issue 29. Moscow, Prospect. (In Russ.)
7. Ledeniova V.U. *Sotsial'naya adaptatsiya i integratsiya migrantov v sovremennoye rossijskoye obschestvo*. [Social adaptation and integration of migrants in modern Russian society] PhD thesis. URL: <http://www.dslib.net/soc-struktura/socialnaja-adaptacija-i-integracija-migrantov-v-sovremennom-rossijskom-obwestve.html> (accessed: 18.06.2019). (In Russ.)
8. Massey D.S., Magaly S.R. 2010. *"Identity, Integration, and Future". Brokered Boundaries. Creating Immigrant Identity in Anti-Immigrant Times*. New York, Russell Sage Foundation.
9. Modnov S.I., Ukhova L.V. 2013. Problemy adaptatsii inostrannykh studentov obuchajuschikhsya v nekhnicheskom universitete. [Problem of adaptation of foreign students who studying at technical college] *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, no. 2, vol. 1, pp. 111–115. (In Russ.)
10. Molchanova G.G. 2019. Kognitivnye podkhody k izmeneniyam diskursa novogo pokoleniya. [Cognitive approaches to the new generation worldview] *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)
11. Rozina M.S. 2017. *Adaptatsiya inophona k realiyam rossijskoy sistemy obrazovaniya v usloviyakh megapolisa*. [Adaptation of foreign students to the reality of the Russian education system in a megacity] In Arkadieva T.G., Vasilieva M.I., Sharri T.G. *Language, culture, mentality: learning problems in a foreign group: Collection of the International Scientific and Practical Conference*. Saint Petersburg, Herzen RSPU, pp. 274–278. (In Russ.)

12. Safonova V.V. 2016. Dialog kul'tur i tsivilizatsij kak osnovopolagajuschiy metodologicheskyy printsip v sovremennoy yazykovoy pedagogike. [Dialogue of cultures and civilizations as a fundamental methodological principle in modern language pedagogy] *The dialogue of cultures. Culture of dialogue: in search of advanced social and humanitarian practices: Collection of the 1st International conference*. Moscow, World Languages, pp. 490–498. (In Russ.)
13. Safonova V.V. 2015. Poleznye uroki obscheyevropeyskoy mezhdunarodnoy integratsii professional'nogo mezhkul'turnogo obshcheniya v usloviyakh issledovatel'skoy rooperatsii. [Useful lessons of pan-European integration and intercultural communication in the conditions of research collaboration] *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 9–22. (In Russ.)
14. Savchenko I.A. 2010. Inostranny student v Rossii: usloviya i baryery intergatsii [Foreign student in Russia: conditions and barriers for integration]. *Orenburg State University Bulletin*, no.1, pp. 25–31. (In Russ.)
15. *Sheveliov G.E., Kabanova L.I., Makhalchenko E.V.* 2012. Informatsionnaya Sistema dlya otsenki adaptatsii inostrannykh studentov. [Data system of foreign student's adaptation]. *Siberian Bulletin of Science*. no.1 (2), pp. 134–138. (In Russ.)
16. Vadutova F.A., Kabanova L.I., Shkatova G.I. 2010. Otsenka i prognozirovaniye adaptatsii inostrannykh studentov k usloviyam obucheniya v rossijskikh vuzah. [Assessment and forecasting of adaptation of foreign students to the learning environment in Russian Universities] *TSPUT Bulletin*, no. 12, pp. 123–126. (In Russ.)

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Б. Хлебникова

РОЛЬ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФОВ В РАЗВИТИИ ЧЕРНОГОРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В сообщении речь идет о том, какую роль сыграли военно-политические мифы в становлении и развитии черногорской государственности в XIX – начале XX в. Интерес к политической мифологии в гуманитарных и общественных науках вырос во второй половине XX в. Ученые обратили внимание на то, как быстро срастались мифы с современными политическими идеологиями и как успешно использовались в общественной жизни для достижения политических целей. Эту популярность мифов объясняли тем, что они воздействуют не только на сознание, но и на подсознание электората, отсылая к древним архетипам, лежащим в основе разных культур. В этом и кроется сила современной политической мифологии. Она неуязвима для рациональных аргументов, зачастую вызывает к историческим чувствам, а не к разуму. История знает немало примеров, когда уходящие корнями в глубокое прошлое мифы приносили политикам солидные дивиденды в настоящем. В XIX – начале XX в. такую активную «эксплуатацию» военно-политических мифов можно было наблюдать в Черногорском княжестве. Миф о непобедимости черногорских воинов стал стимулом к непримиримой борьбе с Османской империей. Героический эпос, созданный народом за несколько веков, на протяжении которых продолжалась эта борьба, обосновывал необходимость построить свое национальное государство. Когда же оно было создано, мифы помогли укрепить авторитет правителя, дали ему возможность держать страну в состоянии строгой дисциплины и безусловного подчинения монарху. Черногорские военно-исторические мифы также помогали укреплять авторитет княжества на международной арене. Руководители Российской империи были полны решимости использовать уникальные боевые качества черногорцев для достижения собственных целей на Балканах и потому не пожалели средств на модернизацию вооруженных сил Черногории. Правда, результат модернизации оказался гораздо скромнее, чем размеры русских дотаций.

Хлебникова Варвара Борисовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: istfilos@gmail.com).

Ключевые слова: военно-исторические мифы; Черногорское княжество; Российская империя; государственность; модернизация вооруженных сил; политическая мифология.

Миф как древнейшая форма человеческого знания о себе и об окружающем мире всегда был предметом пристального внимания. Уже в древности люди старались сохранить и систематизировать мифы, перевести их из фольклорной формы в письменную, потому что в них был собран накопленный исторический опыт и мудрость предшествующих поколений, на них основывалась картина мира, формировалось общественное сознание. Если до середины XX в. мифы изучали наряду с такими феноменами, как коллективная память, национальные чувства, символы, традиции и т.п., то во второй половине XX столетия миф стал объектом исследований социологов и политологов. Произошел очевидный переход от понимания мифа как культурного явления к его рассмотрению в качестве политического феномена. Политическая мифология почти одновременно привлекла внимание маститых авторов Э. Кассирера, М. Эйдельмана и Л. Беннета, К. Флада, Ч. Боттичи, Б. Шаллана, Ж. Сорреля, С. Московичи и многих других. И это не было случайным совпадением. Например, Э. Кассирер был убежден, что без обращения к мифу как к порождению коллективного бессознательного не удастся понять феноменальный успех национал-социалистов в Германии. Рациональные объяснения не давали полного ответа на вопрос, как немецкая нация смогла поддаться влиянию человеконенавистнических идей [Кассирер, 1990]. После Второй мировой войны тоталитарные политические идеологии потерпели крах. Было заметно, как снижался интерес избирателей и к другим доктринам. Их нишу стали быстро заполнять политические мифы, и сейчас ученые уже не берутся отделить миф от идеологии, полагая, что они слились в неразрывное целое [Фишман, 2006]. Миф перестал ассоциироваться с архаикой, хотя механизм его воздействия на человека не изменился с древних времен. Сначала под влиянием мифа меняется общественное сознание, а потом и деятельность людей.

Современные политические мифы переводят коллективное бессознательное, т.е. ту часть психики, которая находится вне прямого рассудочного контроля, в сферу практической политики. Если считать, что миф – это сумма психического опыта всех предшествующих поколений, то современный политический миф – это инструмент извлечения накопленного опыта из прошлого и применение его в настоящем. Политический миф, как и любой другой, является конструкцией, основанной на архетипе – самом общем и универсальном

образе. Э. Кассирер полагал, что политический миф неуязвим, потому что не чувствителен к рациональным аргументам [Кассирер, 1990]. Миф – это вымысел, но не осознанный, а подсознательный. Если древняя архаическая мифология представляла собой космологические представления о мире, то современная политическая мифология претендует на то, чтобы стать социальной моделью мира. Она превратилась в стимул для достижения политических целей и идеалов, стала содержанием политической пропаганды и способом легитимации политических лидеров. Конкретные исторические примеры позволяют увидеть, как происходили такие трансформации, как «вживлялся» миф в политическую практику, влиял на принятие решений, формировал новые ценности. В данном случае речь пойдет о том, как воздействовали политические мифы на общественное сознание и поведение черногорского народа в XIX – начале XX в., когда совершался переход от племенного строя к государственному существованию.

Черногорское княжество образовалось высоко в горах на западе Балканского полуострова в ходе длительной борьбы с Османской империей, которая считала отдаленный регион своим хасом – пограничной административно-территориальной единицей. С формально-юридической точки зрения так и было. Но на практике все попытки турок осуществить свою власть над черногорцами, например, собирая налоги, наталкивались на яростное сопротивление местных племен и выливались в бесконечные вооруженные конфликты. Так и рождался военно-политический миф о том, что Черногория никогда не покорялась туркам и оставалась единственным островком славянской свободы на Балканах. Публицисты и путешественники любили называть ее «гнездом орлов» [Россиев, 1905]¹. Зародившись еще в XV–XVII вв., миф о непокорной Черной Горе заметно влиял на этническое самосознание и на боевой дух горцев, сопротивление которых не угасало, а напротив, становилось все сильнее. Миф обрастал новыми деталями и подробностями, расцветивался новыми красками в героическом эпосе черногорцев – историко-песенном фольклоре, воспевавшем боевые подвиги предков. Существенную роль в популяризации мифа играли не только местные сочинители-исполнители героических (юнацких) песен, но

---

¹ Такое же желание подчеркнуть романтический ореол, окружающий черногорскую историю, мы видим и в новейших исследованиях о Черногории. Например, монография Ю.П. Аншакова, изданная Институтом славяноведения РАН в 2019 г., называется «Черногория – “горное соколиное гнездо” свободы на Балканах». Это название, по сути, стало квинтэссенцией мифов о Черногории, хотя книга посвящена реальным историческим событиям XVIII – первой половины XIX в.

и зарубежные путешественники, записывавшие и публиковавшие в европейских журналах и отдельными книгами эти фольклорные произведения [Ровинский, 1905]. Миф вышел далеко за границы изолированного в горах этноса, стал приобретать известность и популярность среди других народов Европы. В XIX в., когда борьба черногорцев за независимость приближалась к решающему моменту, международное сообщество уже «привыкло» к мысли о том, что славяне завершают свою борьбу за свободу и создают собственную государственность. В это столетие случались самые крупные битвы славян с турками и самые значимые события военной истории, они обогащали мифы новыми сюжетами, именами реальных, а не вымышленных героев, более-менее достоверными историческими фактами. Собирабельный образ черногорского юнака становился все выразительнее: это воин, который не только не боится смерти, но и ищет ее в бою, стараясь увлечь за собой на тот свет как можно больше врагов. Для героя нет ничего страшнее, чем смерть в собственном доме, на своей постели, а не в сражении. Черногорец никогда не сдается в плен, он вынослив как сверхчеловек, легко переносит стужу, голод, преодолевает пешком большие расстояния. Виртуозно владеет холодным оружием, не знает промаха, если стреляет из ружья. Юнацкие песни утверждали, что черногорское войско почти всегда одерживало верх над турецкой армией, которая была более многочисленна и лучше вооружена. Внимание акцентировалось на том, что турецким войском командовали знаменитые полководцы, а противостояли им простые люди, народные вожаки. Как и положено мифу, утверждалось, что самым удачливым героям покровительствовали сказочные существа вилы. Конечно, такая народная борьба должна завершиться успехом, победой и международным признанием. Противоречие мифа – Черногория не была покорена, но освободилась в 1878 г. и получила суверенитет на Берлинском конгрессе – ничуть не смущало не только патриархальных черногорцев, но иностранных журналистов, путешественников и ученых, занимавшихся изучением героического эпоса и его популяризацией.

После приобретения независимости военно-политическая мифология черногорцев продолжила способствовать развитию государственности. Многочисленными мифами представлен образ черногорского правителя князя Николы Петровича-Негоша, превратившись в символ национальной свободы. В юности Никола не пользовался особым влиянием на своих земляков, но стоило ему в 1860-х годах принять участие в боевых действиях, его авторитет стал быстро расти. В 1876–1878 гг. во время войны с Османской империей князь

лично командовал черногорским войском, вместе со всеми носил камни для возведения военных укреплений, придумал хитрый маневр, с помощью которого был захвачен приморский городок Бар, и популярность правителя достигла апогея. Личное внимание Николы, проявленное им к подданным, было дороже всех наград, княжеское слово становилось последним в любом судебном споре. Популярность правителя родила новый фантастический миф. Черногория жестоко страдала от летних засух, после которых наступали голодные зимы. И родилось поверье: если в разгар засухи князь поднимется на вершину горы Ловчен, которая нависала над столицей, обязательно пойдет дождь. Кстати, неприступный Ловчен был еще одним политическим символом черногорской независимости, и о нем тоже были сложены разные предания. Сербский писатель С. Матвуль, работавший в те годы в Черногории, писал, что сам князь начинал верить в легенду о себе и тайком поднимался на Ловчен во время засухи [Матвуль, 1953: 134]. При этом Никола Петрович был суровым авторитарным правителем, эксплуатировал свой народ, облагая его высокими налогами и даже отработками, тратил казну на нужды своего семейства, стремясь встать на один уровень с другими европейскими монархами. Именно князь опутал страну тяжелыми внешними долгами, которые не давали возможности успешно развиваться черногорской экономике. Попытки критиковать внутреннюю и внешнюю политику Николы, предпринятые некоторыми черногорцами, особого успеха не имели. Оппозиционеры были вынуждены уезжать в эмиграцию, где публиковали публицистические сочинения, осуждавшие руководителей княжества. Эта публицистика запустила в обращение своего рода «антимифы» или черные мифы, изображавшие князя и его предков отпетыми злодеями. У такой литературы были свои читатели, хотя и не столь многочисленные, как поклонники князя Николы.

Велика также роль военно-политических мифов и во внешней политике Черногорского княжества после международного признания. Европейские державы проявляли повышенное внимание к родившемуся в войнах государству. Самой восприимчивой к мифу о непобедимости черногорцев оказалась Российская империя, которая внесла решающий вклад в дело развития черногорской государственности. Если первоначальный интерес к черногорским племенам, проявленный Петром Великим в 1711 г., можно связать царя с желанием найти союзников в войне России с турками, то более близкое знакомство русских военных и дипломатов показало, что народное ополчение Черногории не может быть существенным фактором в войне. Однако интерес к черногорцам не исчез, потому

что на русское национальное самосознание уже не одно столетие влиял другой политический миф – «Москва – третий Рим». Кому как не России следовало защищать и освободить славянские православные народы от турецкого ига? С удивительной последовательностью российские императоры на протяжении двух веков покровительствовали Черногории, оказывая регулярную и постоянно растущую материальную помощь [Хлебникова, 2016]. Когда же на рубеже XIX–XX вв. траты на Черногорию стали слишком велики, российские политики нашли для них новое обоснование: «В случае политических усложнений черногорская армия может принести нам пользу как отдельно действующий в западной части Балканского полуострова отряд наш, могущий отвлечь часть сил противников наших от главного театра военных действий и, сверх того, сгруппировать вокруг соседние нам славянские элементы». Это выдержка из инструкции МИД, отправленной русским дипломатам, работавшим в княжестве². Об удивительной щедрости России можно судить по таким фактам. В 1894 г. после обращения черногорского князя российское правительство подарило его стране 30 тыс. берданок и патроны к ним, а также шесть пулеметов, которые в те времена стоили очень дорого. В 1898 г. по подсчетам министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа, «издержки казны по снабжению Черногории оружием в 1895–1898 годах уже превысили 1 и 1/2 миллиона рублей (это кроме регулярных выплат на различные нужды княжества)» [Хлебникова, 2016: 182]. С 1896 г. ежегодно выплачивали 82 тыс. руб. на содержание учебных батальонов в Черногории. В 1902 г. эту выплату увеличили до 331 тыс. руб., в 1909 г. до 600 тыс. руб. За 1895–1906 гг. Россия израсходовала на военные нужды Черногории 2 150 тыс. руб., не считая стоимости подаренных крупных партий оружия [Хлебникова, 2016: 189]. Вряд ли история знает другие примеры такой успешной монетизации политических мифов. Увы, итоги российских вложений в черногорские вооруженные силы, состоявшие из «чудо-богатырей», оказались ничтожными. По признанию русских военных специалистов и дипломатов, «гора родила мышь». Россия не получила ожидаемых результатов ни в ходе Балканских войн 1912–1913 гг., ни в Первой мировой войне. Однако очевидно, что крохотному балканскому государству, бедному ресурсами, окруженному недружественными державами Османской империей и Австро-Венгрией, финансовые вливания из России были весьма кстати. Черногорцы получили уникальную возможность построить национальный государственный аппарат на иностранные

---

² Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политический архив. Оп. 482. Д. 3318. Л. 3.

деньги. Это стало особенностью государственного развития Черногории в XX и даже в начале XXI в. Сначала социалистическая Югославия была платформой, на которой продолжалось государственное строительство в Черногории. Теперь Европейский Союз разрешил черногорцам использовать евро в качестве национальной валюты, хотя эта страна не является членом европейского объединения.

Завершая, отметим, что историки уже давно задаются вопросом, как удалось выжить и обрести государственность столь малочисленному этносу в таких неблагоприятных условиях? На наш взгляд, немаловажную роль в черногорской истории сыграли военно-политические мифы. Они на протяжении веков выполняли мобилизационную и пропагандистскую функции, формировали этническое самосознание черногорцев. Запертые в горах, лишённые ресурсов, подвергавшиеся военному насилию со стороны Османской империи, черногорские племена выживали, занимаясь разбоем, отнимая у соседних народов необходимые для жизни предметы и продовольствие. Устное народное творчество придало этой жестокой реальности героические и романтические черты, привлекательный облик. Эпические предания о воинственных предках помогали переносить бесконечные тяготы суровой жизни и вдохновляли на новые подвиги. Мифы существенно влияли на шкалу черногорских ценностей в военное и мирное время. Они определили форму политического поведения, обязав каждого члена сообщества сражаться за родину и бесстрашно идти на смерть. Черногорская элита на рубеже XIX–XX вв. успешно эксплуатировала военно-исторические мифы для поддержания железной дисциплины в княжестве. В стране сложился суровый авторитарный политический режим, символом которого стал монарх. Можно много спорить о противоречивости этого политика и о неоднозначных результатах его деятельности, но его исключительную популярность у большинства черногорцев опровергнуть невозможно. Миф о боевых заслугах сделал Николу Петровича-Негоша почти неуязвимым для политических оппонентов. Еще большую пользу принесла военно-политическая мифология правителям княжества во внешней политике, легенды о войнах черногорцев повышали авторитет маленького народа на международной арене. В глазах европейцев черногорцы выглядели боевитым народом, способным одерживать невероятные победы и приносить пользу своим союзникам. Особенно верила в это часть российской элиты, которая не пожалела усилий и финансов для модернизации вооружённых сил княжества. Увы, реальная, а не мифологизированная история развеяла иллюзии руководителей Российской империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анишаков Ю.П.* Черногория – «горное соколиное гнездо» свободы на Балканах. М., 2019.
2. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. 1990. № 2. С. 58–65.
3. *Матавуљ С.* Биљешке једног писца. Сабрана дела. Т. IV. Београд, 1953.
4. *Ровинский П.А.* Черногория в ее прошлом и настоящем. Т. III. Ч. 3. СПб., 1905.
5. *Россиев П.А.* Гнездо орлов. Путевые впечатления в Черногории. М., 1905.
6. *Фишман Л.Г.* Политический миф и идеология // Полис. Политические исследования. 2006. № 4. С. 175–180.
7. *Хлебникова В.Б.* Черногория: феномен национальной государственности. М., 2016.

Varvara B. Khlebnikova

THE ROLE OF MILITARY-POLITICAL MYTHS IN THE DEVELOPMENT OF MONTENEGRIN STATEHOOD IN THE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

In this article the role of military-political myths in the formation and development of Montenegrin statehood in the 19th and early 20th centuries is discussed. In the second half of the twentieth century the interest in political mythology in the humanities and social sciences increased. Scientists drew attention to how quickly myths fused with modern political ideologies and how successfully they were used in public life to achieve political goals. This popularity of myths was explained by the fact that myths affect not only the consciousness, but also the subconscious of the electorate, referring to the ancient archetypes that underlie different cultures. This is the power of modern political mythology. It is invulnerable to rational arguments, often appealing to historical feelings, and not to reason. History knows many examples when myths rooted in the deep past brought politicians substantial dividends in the present. In the XIX – early XX centuries such an active “exploitation” of military-political myths could be observed in the Montenegrin principality. The myth of the invincibility of Montenegrin warriors became an incentive for an irreconcilable struggle with the Ottoman Empire. The heroic epic created by the people over several centuries justified the need to build their own national state. Myths helped strengthen the authority of the ruler, gave him the opportunity to keep the country in a state of strict discipline and unconditional submission to the monarch. Montenegrin military historical myths also helped to strengthen the authority of the principality in the international arena. The leaders of the Russian Empire were determined to use the unique fighting qualities of the Montenegrins to achieve their own goals in the Balkans and therefore did not spare the funds for the modernization of the armed forces of Montenegro. However the result of modernization was unexpectedly small compared to the size of Russian subsidies.

Key words: military-historical myths; the Montenegrin principality; the Russian Empire; statehood; modernization of the armed forces; political mythology.

About the author: *Varvara B. Khlebnikova* – PhD in History, Associate Professor, Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: istfilos@gmail.com).

REFERENCES

1. Anshakov Y.P. 2019. *Chernogoriya – «gornoe sokolinoe gnezdo» svobody na Balkanah* [Montenegro is a “mountain falcon’s nest” of freedom in the Balkans]. Moscow. (In Russ.)
2. Kassirer E. 1990. Tekhnika sovremennykh politicheskikh mifov [Technique of modern political myths]. *Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy*, no. 2, pp. 58–65. (In Russ.)
3. Matavulj C. 1953. *Bilješke jednog pisca. Sabrana dela* [Notes by one writer. Collected works]. Vol. IV. Beograd. (In Serbian)
4. Rovinskij P.A. 1905. *Chernogoriya v ee proshlom i nastoyashchem* [Montenegro in its past and present]. Vol. III. Ch. 3. Saint Petersburg. (In Russ.)
5. Rossiev P.A. 1905. *Gnezdo orlov. Putevye vpechatleniya v Chernogorii* [Nest of eagles. Traveling experiences in Montenegro]. Moscow. (In Russ.)
6. Fishman L.G. 2006. Politicheskij mif i ideologiya [Political myth and ideology]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political research], no. 4, pp. 175–180. (In Russ.)
7. Khlebnikova V.B. 2016. *Chernogoriya: fenomen nacional’noj gosudarstvennosti* [Montenegro: the phenomenon of national statehood]. Moscow. (In Russ.)

М.М. Морозова

ЗАРУБЕЖНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

История развития зарубежной литературной географии прослеживается автором с начала XX в., момента появления первых трудов по исследованию литературно-географического пространства, литературных мест и литературного картирования. В настоящей статье автор приводит обзор истории становления зарубежной литературной географии в XX и XXI вв. и подробно анализирует историю развития трех важнейших направлений литературной географии за пределами России: изучение литературно-географических пространств, литературных мест и литературных карт. В истории развития ключевых направлений рассматриваются смена содержания исследований, авторы каждого периода и расширяющаяся география исследований. Отмечаются единичные работы в начале и середине XX в., всплеск количества трудов в 1970-е годы, рост числа работ в 1980-е и 1990-е, наряду с углублением содержания исследований, и существенное увеличение в 2000-е. В 2000-е годы труды по зарубежной литературной географии исчисляются сотнями. К важнейшим изменениям литературно-географических исследований относится изменение методики литературного картирования как ключевого метода фиксации и анализа особенностей литературно-географического пространства в связи с переходом от печатной карты к цифровой.

Ключевые слова: литературная география; литературное пространство; литературные места; литературные карты; зарубежная география.

Во время чтения художественного произведения активно работает воображение читателя, он представляет героев, их действия и места, где разворачиваются события. Стремление увековечить память о писателе и оживить созданных им героев приводит к созданию мест памяти писателя – музеев, памятников и улиц. Места жизни писателя, описанные художественно автором, создают осно-

---

Морозова Милена Максимовна – аспирант кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ms.morozova@gmail.com).

¹ Исследование выполнено при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект 20/2019-И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья»).

ву литературно-географического пространства, исследованием которого занимается литературная география.

Ранее отечественными и зарубежными географами проводился анализ лишь отдельных понятий и методов литературной географии в зарубежных исследованиях. В данной статье впервые приводится попытка комплексного исследования истории зарубежной литературной географии, в котором проанализирована история формирования ключевых научных направлений, входящих в литературную географию.

Истоки зарубежной литературной географии. История литературной географии до начала XX в. идет в русле развития географии в целом. Началом развития зарубежной литературной географии в качестве научного направления следует считать первое появление понятия «литературная география» в названии монографии. Впервые с таким названием в 1904 г. выходит в печать книга Вильяма Шарпа, в которой автор приводит исследование литературных пространств Чарльза Диккенса, Шарлотты Бронте и поэтов «озёрной школы» [Sharp, 1904]. На протяжении первой половины XX в. литературная география появляется в отдельных работах литературоведов и географов.

В 1970-е годы заметен рост числа работ по литературной географии. Число зарубежных работ в период с 1890-х по 1960-е годы не превышает шести в каждое десятилетие, положительная динамика появляется в 1970-е годы – опубликовано 37 работ, что превышает их общее число за весь предыдущий период.

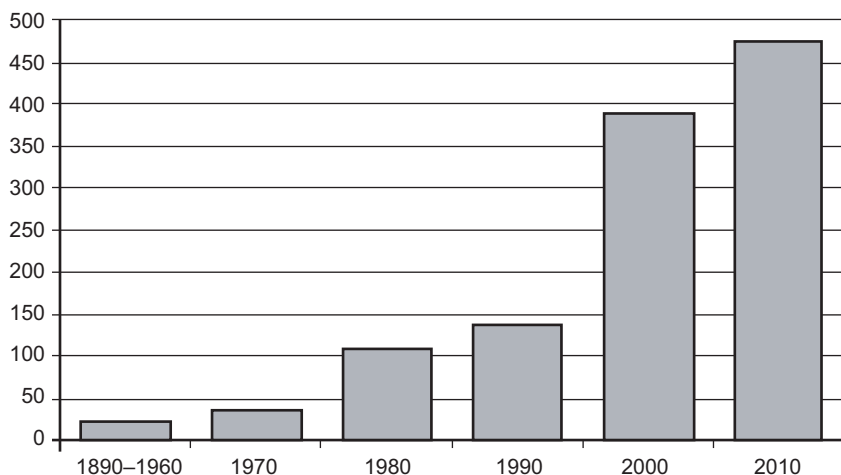

График. Рост числа зарубежных публикаций по литературной географии с 1890-х до 2010-х по данным с сайта журнала “Literary geographies”

Кроме того, в 1970-е проводятся семинары учителей по использованию художественной литературы в преподавании географии. Ассоциация географов Америки в перечень секций ежегодной ассамблеи включает секцию исследования ландшафта в литературе, Институт Британских географов также запускает семинар по взаимосвязи географии и литературы [Alexander, Cooper, Hones, 2015].

В 1980-е годы Дуглас Покок отмечает литературную географию в качестве развивающегося направления гуманитарной географии [Rosock, 1988]. Рост числа научных работ резко возрастает до 110. Впрочем, на этот период как раз приходится становление “humanistic geography”, “new cultural geography” и “critical geography”, т.е. идет переосмысление существовавших ранее научных школ и теорий, появляются новые направления, а литературная география выходит на новый виток развития [Tuau, 1976].

В 1990-е годы литературная география дополняется исследованиями в области литературной картографии, литературной компаративистики и критической географии. Начиная с 1990-х и до настоящего момента, идет активный рост числа работ, количество которых с каждым десятилетием возрастает в несколько сотен.

В настоящее время научное сообщество зарубежных литературных географов формируется вокруг журнала “Literary geographies”. Редколлегия журнала включает исследователей из девяти стран: Великобритании, Канады, Америки, Африки, Австралии, Швейцарии, Италии, Ирландии и Норвегии.

В качестве направлений изучения зарубежной литературной географии следует определить исследование литературно-географического пространства, литературных мест, ландшафтов, образов, регионов, путешествий, литературного картирования, литературного туризма и методов преподавания литературной географии. В данной статье мы рассмотрим лишь те направления, которым посвящена большая часть работ зарубежных специалистов в области литературной географии: литературно-географическое пространство, литературные места и литературное картирование.

Исследование литературно-географического пространства.

В качестве одного из ключевых направлений исследования – изучение литературно-географических пространств – выделяется по числу посвященных этой теме работ: из 1100 проанализированных исследований 345 посвящены изучению литературно-географических пространств.

В 1902 г. опубликована книга Бертрама Уиндла об Уэссексе Томаса Харди, в которой рассматривается пространство автора [Windle, 1902]. Исследование авторских литературных пространств продолжается в упомянутой книге Вильяма Шарпа «Литературная гео-

графия» 1904 г. [Sharp, 1904]. Исследование пространства в творчестве автора и художественных произведениях будет продолжено в 1908 г., а затем в 1920-е годы в серии работ Джона Киртланда Райда, посвященных географии Данте, Гомера и отражению Кембриджа в поэзии Лонгфелло [Wright, 1926]. В 1930-е годы исследование пространства продолжается в работе Джона Нормана Бейкера по географии Даниеля Дефо, в 1940-е дополняется теоретической работой Джозефа Франка о пространстве в современной литературе и продолжается в 1960-е в работах по пространству Томаса Харди и Уильяма Фолкнера. Отдельные теоретические работы, посвященные пространству, появляются в 1970-е годы, например статья Джозефа Франка о пространственных формах.

Рост числа работ по литературной географии в 1980-е годы приводит к расширению спектра исследований, посвященных пространству, продолжается линия исследования описания пространства в художественной литературе.

В 1990-е годы расширяется география исследований – публикуются исследования литературы Австралии, Китая и России. В 2000-е годы частично уходит узкая специализация, появляются работы одних и тех же авторов, исследующих пространство, места, маршруты, карты и туризм, к ним следует отнести Нила Александра, Дейвида Купера и Чарльза Тревиса [Cooper, 2008; Hones, 2014]. Тематика исследований включает анализ художественного пространства детских книг, изучение процесса формирования литературно-географического пространства, соотношение пространства и времени, «своих» и «чужих» пространств, городского пространства, художественных пространств отдельных стран, киберпространства и поэтики пространства.

Изучение литературных мест. Исследование литературных мест в определенном смысле появляется уже в самых первых работах, посвященных литературно-географическому пространству, например, уже упомянутую работу по Уэссексу Харди можно отнести к исследованиям литературных мест региона [Windle, 1902]. Однако исследования, в названии которых встречается слово «место», появляются только в 1950-е годы – это работа «Фактор места в литературе» Ричарда Боулера и исследование литературных мест Илье-Комбре Дональда Хейни. Из 1100 проанализированных работ 164 посвящены литературным местам. В 1961 г. публикуется статья Г. Баклей, в которой анализируется влияние Оксфорда на создание города Джефферсона в работах Уильяма Фолкнера. В 1970-е годы появляются статьи, исследующие таинственные места в произведениях, топофилию, чувство места и соотношение места и пространства. Один из ключевых ученых в этот период – И-Фу Туан. В 1980-е

годы появляются теоретические труды Дугласа Покока, посвященные важности места для писателя и переживанию места. В 1990-е годы продолжается линия исследования чувства места, переживания места и роли литературных мест, дополненная исследованием роли места в культуре. Новая тема – изучение мест в детективах и шпионских романах. В 2000-е годы темы исследований остаются прежними, но расширяется количество анализируемых кейсов – это места произведений, авторов, исследование литературных мест в странах, регионах и городах. Публикуются сочинения сакральных мест, духа места и мест, сохраняющих память.

Литературное картирование. Зарубежная литература, посвященная литературному картированию, крайне богата, а число работ по этой теме уступает только исследованию литературно-географического пространства и литературных мест – из 1100 проанализированных работ 150 посвящены литературным картам. Первые сочинения 1970-х и 1980-х годов – «Картируя утопию» Б. Гууди, «Карты в литературе» П. и Дж. Мёрке и «Литературная география и картирование» Е. Левстика. В 1990-е годы появляются первые статьи по картированию авторского литературно-географического пространства и литературные атласы, хотя первые литературные карты составляются в Америке еще в 1920-е годы [Морозова, 2018]. Это работы по картированию пространства Алана Силлитоу, Умберто Эко, а также литературные карты постмодернизма. Именно в 1990-е годы публикуется одна из самых известных зарубежных работ по литературному картированию – «Литературный атлас Европейского романа» Ф. Моретти [Moretti, 1999]. В 2000-е годы число работ по литературной картографии возрастает более чем в шесть раз.

С развитием цифровых технологий использованию их в создании литературных карт отводится значительное место. Специалистом, наиболее ярко проявившим себя в этой сфере, является Барабара Пьятти, создавшая виртуальный литературный атлас Европы и написавшая ряд книг и статей, посвященных литературному картированию в XXI в. [Piatti, Hurni, 2007]. Появляются новые темы в исследованиях – соотношение картографии и поэтики места, картограф как соавтор писателя, особенности картирования городского пространства, текста, сакрального пространства, путешествий, литературных и звуковых ландшафтов.

Заключение. История развития ключевых направлений литературной географии позволяет детально рассмотреть исследователей, территориальный охват и основные вопросы литературной географии в разные периоды ее становления. Для развития зарубежной литературной географии важнейшим этапом развития является

период с 1970-х годов и до настоящего времени, так как именно в этот период определились ключевые направления исследований литературной географии, ее терминология и методы. Ключевыми направлениями зарубежной литературной географии являются изучение литературно-географического пространства, литературных мест и литературных карт. Активное развитие литературной географии (начиная с 1970-х годов) позволило заложить основу формирующегося в настоящий момент зарубежного сообщества литературных географов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Морозова М.М.* О литературных картах США. Псковский регионологический журнал. 2018. № 2 (34). С. 117–132.
2. *Калуцков В.Н.* Курс «География России» для регионоведов: подходы, принципы, реализация // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 96–104.
3. *Калуцков В.Н.* Литературная география как научный предмет и учебная дисциплина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4. С. 67–79.
4. *Alexander N., Cooper D., Hones S., Kneale J., Ridanpää J.* Editorial. *Literary Geographies journal*. Vol. 1. 2015. No. 1. P. 1–2.
5. *Cooper D.* The Poetics of Place and Space: Wordsworth, Norman Nicholson and the Lake District. *Literature Compass* 5. 2008. № 4. P. 807–821.
6. *Hones S.* *Literary Geographies: Narrative Space in Let the Great World Spin*. N.Y., 2014.
7. *Moretti F.* *Atlas of the European Novel 1800–1900*. L., 1999.
8. *Piatti B., Hurni L.* Towards a European Atlas of Literature: Developing Theories, Methods, and Tools in the Field of ‘Literary Geography’ // XXIII International Cartographic Conference ICC. Moscow, 2007.
9. *Pocock D.C.D.* Geography and literature. *Progress in Human Geography*. 1988. № 12 (1). P. 87–102.
10. *Sharp W.* *Literary geography*. Offices of the “Pall Mall Publications”, 1904.
11. *Tuan Yi-Fu.* Humanistic geography. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 66. 1976. No. 2. P. 266–276.
12. *Windle B.C.A.* *The Wessex of Thomas Hardy*. L.; N.Y., 1902.
13. *Wright J.K.* Homeric Geography. *Geographical Review*. 1926. № 16. P. 669–671.

Milena M. Morozova

FOREIGN LITERARY GEOGRAPHY: THE MAIN RESEARCH AREAS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article deals with the foreign literary geography development history, starting from the beginning of the XX century, the moment in which the first works on literary space and literary places appear. Works on literary mapping are an important

part of all foreign literary geography studies. In the presented article by “foreign literary geography” the author means all works within literary geography that were published beyond Russia in the English language. The author attempts to present an overview of the establishment and history of foreign literary geography with special emphasis on the history of the development of its key areas. The author endeavors to analyze these key areas by the change of their content, authors and the geography. The presented timeline includes sporadic works at the beginning and the middle of the XX century, rapid growth in the number of works in 1970s, gradual rise in the quantity and quality of research in 1980s and 1990s and a significant increase in research in 2000s. The number of works in literary geography in the XXI century is estimated in hundreds. In the XXI century due to the change from printed maps to electronic maps the features of literary mapping method have changed.

Key words: literary geography; geoliterary space; literary places; literary maps; foreign geography.

About the author: Milena M. Morozova – PhD student, Department of Area Studies, Faculty of Foreign languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ms.morozova@gmail.com).

REFERENCES

1. Morozova M. 2018. O literaturnykh kartakh SSHA [Literary maps of America]. *Pskov regional studies journal*, no. 2 (34). (In Russ.)
2. Kalutskov V.N. 2015. Kurs «Geografiya Rossii» dlya regionovedov: podkhody, printsipy, realizatsiya [Literary geography as a science and as an academic discipline]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 96–104. (In Russ.)
3. Kalutskov V.N. 2015. Literaturnaya geografiya kak nauchnyj predmet i kak uchebnaya disciplina [Literary geography as a research subject and a discipline]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 67–79 (In Russ.)
4. Alexander N., Cooper D., Hones S., Kneale J., Ridanpää J. 2015. Editorial. *Literary Geographies journal*. Vol. 1, No. 1, pp. 1–2.
5. Cooper D. 2008. The Poetics of Place and Space: Wordsworth, Norman Nicholson and the Lake District. *Literature Compass*, no. 4, pp. 807–821.
6. Hones S. 2014. *Literary Geographies: Narrative Space in Let the Great World Spin*. New York, Palgrave Macmillan.
7. Moretti F. 1999. *Atlas of the European Novel 1800–1900*. London.
8. Piatti B., Hurni L. 2007. Towards a European Atlas of Literature: Developing Theories, Methods, and Tools in the Field of ‘Literary Geography.’ *XXIII International Cartographic Conference ICC*. Moscow.
9. Pocock D.C.D. 1988. Geography and literature. *Progress in Human Geography*, no. 12 (1), pp. 87–102.
10. Sharp W. 1904. *Literary geography*. Offices of the “Pall Mall Publications”.
11. Tuan Yi-Fu. 1976. Humanistic geography. *Annals of the Association of American Geographers*. Vol. 66, no. 2, pp. 266–276.
12. Windle B.C.A. 1902. *The Wessex of Thomas Hardy*. London, New York, J. Lane.
13. Wright J.K. 1926. Homeric Geography. *Geographical Review*, no. 16, pp. 669–71.

ЯЗЫК И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

А.О. Столярова

ДОМИНАНТНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ДЕЛОВЫХ ПЕРЕГОВОРОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова»,
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Данное исследование представляет собой попытку выделить в речи участников деловых переговоров доминантные речевые акты с различными иллокутивными целями. В основу исследования положена классификация речевых актов Дж. Сёрля, дополненная А. Вежбицкой и М.А. Шелякиным. В качестве источников примеров высказываний были использованы кинофильмы: 1) “The Big Short” режиссера Адама Маккея (2015), 2) “Wall Street”, режиссера Оливера Стоуна (1987) и вторая часть данной картины 3) “Wall Street: Money never sleeps” (2010). В процессе исследования были использованы следующие методы: метод дискурс-анализа (позволяющий выделить характерные для области бизнес-дискурса коммуникативные единицы), метод сплошной выборки (позволивший вычленивать высказывания, содержащие перформативные глаголы), метод анализа визуального материала (позволяющий использовать сцены из кинофильмов в качестве достоверного источника данных как о вербальной, так и о невербальной стороне коммуникации). В результате исследования были выделены группы иллокутивных целей, которые служат импульсом для выполнения того или иного речевого акта в рамках ситуации деловых переговоров. Текущая статья будет интересна лингвистам, занимающимся проблемами речевых актов, деловой коммуникации, языка деловых переговоров и бизнес-дискурса в целом.

Ключевые слова: речевой акт; иллокутивная цель; бизнес-дискурс; деловая коммуникация; деловые переговоры.

В статье рассматривается вопрос о речевых актах, характерных для коммуникативной ситуации деловых переговоров. Первая классификация речевых актов была разработана Дж. Остином в 1950-х годах. В ней философ рассмотрел коммуникативный процесс под кардинально новым углом: основной единицей коммуникации он представил не предложение, а речевой акт – высказывание, содер-

---

Столярова Анастасия Олеговна – аспирант факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: a.stolyarova9@gmail.com).

жащее эмоциональное побуждение: приказ, просьбу, приглашение, объяснение, утверждение, вопрос, выражение благодарности, критику и пр. Инструментом речевого акта служит высказывание, учитывающее коммуникативную ситуацию, пресуппозицию отправителя информации и знания слушателя. Основным условием жизнеспособности речевого акта является наличие двух коммуникантов, так как эмоциональное высказывание должно быть адресно направленным. Назначение речевого акта – достичь коммуникативной цели. В случае, если цель достигнута, речевой акт считается успешным. Содержание и организацию коммуникативного акта определяет коммуникативная интенция.

На сегодняшний день существует ряд классификаций речевых актов (М.А. Шелякин, А. Вежбицкая, Дж. Лич, Б. Фрейзер, Г.Г. Почепцов, Р. Харниш, Д. Вундерлих, Дж. Оуэр, К. Бах), каждая из которых так или иначе базируется на таксономии Дж. Остина и последующей версии Дж. Сёрля, которые и послужили основой для текущего исследования речевых актов в рамках коммуникативной ситуации деловых переговоров.

Речевой акт в комбинации с аудитивным составляют коммуникативную ситуацию [Dijk, 2008], т.е. отрезок реальности, в которой происходит взаимодействие идеальных и материальных факторов, порождающее речевое высказывание. Коммуникативная ситуация деловых переговоров реализуется в рамках бизнес-дискурса – вида институционального дискурса, которым пользуются сотрудники фирм, компаний и предприятий для достижения корпоративных целей. Деловые переговоры, в свою очередь, – это вид деловой коммуникации, основным назначением которой является достижение профессиональных целей и урегулирование корпоративных конфликтов [Kennedy, 1997].

Исключительную важность в вопросе речевых актов играют перформативы [Бенвенист, 1994] – самореферентные глаголы, побуждающие собеседника к однократному выполнению действия, которое этот глагол и обозначает. Использование перформативов напрямую связано с реализацией иллокутивной цели – «установки на определенную ответную реакцию адресата, которая сообщается ему в высказывании» [Сёрль, 1986: 182].

Итак, Дж. Остин выделил понятие иллокутивной силы, удовлетворяющей интенцию говорящего, и очертил трехуровневую систему речевых актов: 1) локутивный акт (непосредственно процесс говорения); 2) иллокутивный акт (содержит внеязыковую цель); 3) перлокутивный акт (воздействует на поведение собеседника и его реакцию на сказанное). Он также создал классификацию

содержащих перформативы речевых актов по иллокутивным силам, включающую разные глаголы: экспозитивы (место говорящего в разговоре/ дискуссии/ споре), вердиктивы (оценка говорящим чего-либо), комиссивы (обязательства и обещания), экзерситивы (властные функции говорящего, отвечающие за приказы, распоряжения) и бехабитивы (поведение людей и взаимоотношения между ними) [Остин, 1986: 101].

Данная классификация за недостаточную обоснованность принципов выделения групп и входящих в них глаголов подверглась критике со стороны Дж. Сёрля, который впоследствии сформировал усовершенствованную систему речевых актов, состоящую из пяти групп и применимую ко всем существующим языкам: репрезентативы, директивы, комиссивы, декларации и экспрессивы [Сёрль, 1986: 170–194]. А. Вежбицкой были выделены интеррогативы [Вежбицкая, 1996], а М.А. Шелякин дополнил этот список вокативами [Шелякин, 2012]. Взяв за основу данную классификацию, становится возможным рассмотреть речевые акты, присущие коммуникативной ситуации деловых переговоров. В качестве источника примеров в данной работе использованы укороченные ситуации переговоров, отобранные из американских оскароносных кинофильмов: 1) “The Big Short”, режиссера Адама Маккея (2015), повествующий о нескольких проницательных экономистах, предсказавших наступающий финансовый кризис 2008 г. и сумевших заработать состояние буквально на крушении рынка, сыграв на понижении курса ипотечных облигаций¹; 2) “Wall Street”, режиссера Оливера Стоуна (1987), рассказывающий историю молодого биржевого брокера, стремящегося преуспеть на Уолл-Стрит, и его продолжение²; 3) “Wall Street: Money never sleeps” (2010)³.

1. Репрезентативы (ассертивы). Основная цель – выражение мысли/мнения; донесение информации:

1) **сообщение:** *If we don't stop the bleeding, in three days, half the banks in this room are out of business* [3];

2) **предсказание:** *Money markets will dry up around the world by the end of the week* [3];

3) **утверждение/констатация:** *There's definitely some interest* [3];

4) **прогнозирование:** *If you don't sell, Lou, you're in bankruptcy* [3];

---

¹ “The big short”, 2015, реж. Адам Маккей: <https://fenglish.ru/movie/the-big-short/> (дата обращения: 10.11.2019).

² “Wall Street”, 1987, реж. Оливер Стоун: <https://gostream.site/wall-street/> (дата обращения: 10.11.2019).

³ “Wall Street: Money never sleeps”, 2010, реж. Оливер Стоун: <https://gostream.site/wall-street-money-never-sleeps/> (дата обращения: 10.11.2019).

5) **осуждение:** *Not only would you sell your mother to make a deal, you'd send her C.O.D.* [2];

6) **признание:** *We don't want to be greedy* [2];

7) **ответы на вопросы/оценивание:** *No, that can't be right* [1];

8) **характеристика:** *I'm not the only one who pays here* [2];

9) **отчёт:** *You got losses of \$20 to \$30 million, dividends cut to zero*[2];

10) **заверения:** *You won't regret this* [2];

11) **объяснения:** *Effective inventory management through computerization will increase our load factor by 5 to 20%* [1].

2. **Директивы (прескриптивы).** Основная цель – побудить собеседника к действию. Частая языковая форма реализации директивов – это модальные глаголы и глаголы в повелительном наклонении:

1) **призыв:** *Have a seat!, Say that again!, Take a guess!* [1]; *We got to think big, guys* [2];

2) **предписание:** *I'm expecting your commitment* [2];

3) **просьба:** *Gentlemen, give us a minute, I'm asking for a modest 20% across-the-board wage cut and seven more hours a month* [2];

4) **совет:** *Remember, the stock's trading roughly 31% off the 52-week high*[3];

5) **убеждение:** *Bill, I think we should talk privately.* [2];

6) **предложение:** *My suggestion is that we get aggressive* [3];

7) **запрос:** *I would like to see the final print* [2];

8) **команда/приказ:** *Sell two divisions* [2];

9) **инструкция:** *Spread the buy orders over different accounts* [2];

10) **запрет/разрешение:** *My board will never accept this* [3] / *You can own part of the airline* [2].

3. **Комиссивы.** Основная цель – связать действие глагола с самим говорящим и заявить о своих намерениях:

1) **клятва/гарантия:** *You'll hear from us tonight* [3];

2) **заключение пари:** *I bet your margins are pretty nice and fat* [1];

3) **заключение сделки/договора/соглашения:** *I couldn't be more excited about this, to finally be in business with you and your firm* [3].

4. **Декларации (вердиктивы).** Основная цель – заявить об определенном положении дел. Использовать декларации имеют право только лица, наделённые определёнными полномочиями:

1) **объявление:** *I'm announcing a tender offer at 65 tomorrow* [2];

2) **вынесение вердикта переговоров:** *You'll hear from my lawyers tomorrow* [2];

3) **установление повестки дня/провозглашение (прямое или косвенное) открытия/закрытия процесса переговоров:** *Hey Mr.*

Vennett from Deutsche Bank, what do we have? [1]/ We'll be in touch, send some paperwork over [1].

5. **Экспрессивы** (неинформативные речевые акты). Основная цель – выразить эмоциональное состояние говорящего. Для экспрессивов характерны клише и этикетные глаголы. Также используются для выражения вины и поздравлений, что, однако, в ситуации деловых переговоров случается редко.

1) **благодарности:** *Thank you, sir [2];*

2) **сожаление:** *If only we had more time [3];*

3) **оправдание:** – *So you're saying you don't have an out. – No, I'm saying, just give me one week [3];*

4) **приветствия/прощания:** *Hi... how are you?! [3]/Good night [2];*

5) **пожелания:** *Have a good one guys! [1].*

6. **Интеррогативы:** вопросы, выражающие желание получить информацию, что-либо узнать, а не попросить: *So, how many people have you talked to about this trade? [1]; What else you got? [2]; What's your marketing strategy? [2]; So what's your point? [3].*

7. **Вокативы.** Основная цель – привлечь внимание собеседника: обращения и призывы. *Let's not talk about my margins by the way [1]; O.K., let's go to work! [2]; Let me repeat this again [3]; What do you say? [2]; Ed, what do you think? [3].*

Таким образом, нам удалось рассмотреть вопрос о том, какие иллокутивные акты используются в ситуации деловых переговоров, а также иллокутивные цели, движущие их участниками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Арапова М.А.* Речевой портрет как важный элемент формирования образа современного ученого // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 2. С. 156–163.
2. *Афанасова В.В.* Познание современной западной культуры через язык специальности // Вестн. Моск. ун-та. Сер.19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 4. С. 170–177.
3. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1994.
4. *Вежибицкая А.* Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М., 1996.
5. *Остин Дж.Л.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII / Под ред. Б.Ю. Городецкого. М., 1986.
6. *Сёрль Дж.Р.* Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII / Под ред. Б.Ю. Городецкого; пер. с англ. В.З. Демьянков. М., 1986. С. 170–194.
7. *Шелякин М.А.* Язык и человек (К проблеме мотивированности языковой системы). М., 2012.
8. *Dijk T.A.* Discourse and Context: A Sociocognitive Approach. Cambridge, 2008.
9. *Kennedy G.* Kennedy on Negotiations. L.; N.Y., 1997.

DOMINANT SPEECH ACTS IN THE COMMUNICATIVE SITUATION OF BUSINESS NEGOTIATIONS

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie gory, Moscow, 119991*

The following article is devoted to the problem of speech acts within the framework of business negotiations and deals with the investigation of business discourse. The chief purpose of this article is to outline a range of speech acts with various illocutionary aims, which has been reached in the course of the research. The work is primarily based on the classification of speech acts, advanced by J. Searle, that encompasses representatives, directives, commissives, declarations and expressives. Later it has been expanded by A. Wierzbicka and M.A. Shelyakin, who added to the list interrogatives and vocatives respectively. In the analysis undertaken the following methods were applied: the method of discourse analysis (which gave an opportunity to highlight common for business discourse linguistic units), a continuous sampling method (which allowed to single out the speech acts, which contain performative verbs), and the method of analysis of visual material (which made it possible to value cinematography episodes as a reliable source of information on business talks). All the examples used in the article were taken from the following movies: 1) “The Big Short” (2015) directed by Adam McKay, “Wall Street” (1987) directed by Oliver Stone, and its sequel “Wall Street: Money never sleeps” (2010). As a result, it has become possible to consider illocutionary acts, which are used in the communicative situation of business negotiations, as well as illocutionary goals driving the communicants.

Key words: speech act; illocutionary aim; business discourse; business communication; business negotiations.

About the author: *Anastasiya O. Stolyarova* – PhD student, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: a.stolyarova9@gmail.com).

REFERENCES

1. Afanasova V.V. 2017. Poznanie sovremennoi zapadnoi kul'tury cherez yazyk spetsial'nosti [The study of modern Western culture through the language of major specialty]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 4, pp. 170–177. (In Russ.)
2. Arapova M.A. 2019. Rechevoi portret kak vazhnyi element formirovaniya obraza sovremennogo uchenogo [Speech portrait as an important element of forming a modern scientist's image]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 156–163. (In Russ.)
3. Benvenist E. 1994. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. Moscow, Progress. (In Russ.)
4. Vezhbtskaya A. 1996. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Transl. from English by M.A. Krongauz (ed.), intr. by E.V. Paducheva. Moscow, Pusskie slovari. (In Russ.)

5. Ostin J.L. 1986. *Slovo kak deistvie* [How to do things with words]. In Gorodetskiy B.Yu. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Issue XVII. Moscow, Progress. (In Russ.)
6. Serl' Dzh.R. 1986. *Klassifikatsiya illokutivnykh aktov* [A classification of illocutionary acts]. In: Gorodetskiy B.Yu. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Issue XVII. Moscow, Progress, pp. 170–194. (In Russ.)
7. Shelyakin M.A. 2012. *Yazyk i chelovek (K probleme motivirovannosti yazykovoi sistemy)* [Language and Human (On the problem of the motivation of the language system)]. Moscow, Flinta. (In Russ.)
8. Dijk T.A. 2008. *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge University Press.
9. Kennedy G. 1997. *Kennedy on Negotiations*. London; New York: Routledge.

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

А.Ю. Исаева

МЕТАФОРИЗАЦИЯ ОБРАЗА ПАРИЖА В МЕМУАРАХ Ж.-Э. ОСМАНА

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Статья посвящена исследованию языковых средств описания Парижа в мемуарах Ж.-Э. Османа, занимавшего должность префекта департамента Сена с 1853 по 1870 г. На материале текстов мемуаров рассматривается проявление поэтического дискурса в нехудожественном произведении, выражающееся в метафоризации образа города. Среди концептуальных метафор, составляющих компоненты мифа о Париже, выявляются метафоры природной стихии (океана), метафора персонификации, централизации и обращение автора к древнему названию «Лютетия». Особенно явно прослеживается идея централизации, которая отражала цели Наполеона III относительно преобразований французской столицы и превращения ее в «Государство в государстве». Текст мемуаров, с одной стороны, повествует об исторических событиях, происходящих во второй половине XIX в., а с другой – выражает представления автора о Париже и авторскую интенцию, сочетая таким образом характеристики нехудожественного текста с элементами художественного. Выявляются пересечения метафор, формирующих миф о Париже, используемых в художественной литературе и мемуарах барона Ж.-Э. Османа. Делается вывод о распространении мифа о Париже на тексты нехудожественной литературы.

Ключевые слова: метафора; Париж; языковые средства; нехудожественный текст; французский язык.

Целью данной статьи является рассмотрение приемов метафоризации, использованных в мемуарах знаменитого архитектора XIX в., градостроителя Парижа Ж.-Э. Османа¹.

«Любая речь есть индивидуальная духовная деятельность» [Фосслер, 2007: 32], – таков исходный момент всего языкового развития,

---

Исаева Анна Юрьевна – аспирант кафедры французского языка и культуры факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: isaevanna@yandex.ru).

¹ Осман (Haussmann) Жорж Эжен (27.03.1809, Париж – 11.01.1891, там же), франц. гос. деятель, градостроитель, чл. Академии искусств (1867). URL: https://bigenc.ru/fine_art/text/2680464 (дата обращения: 01.12.2019).

по мнению романиста и философа Карла Фосслера, основателя школы эстетического идеализма. Вслед за В. Гумбольдом и его идеями о внутренней форме языка Фосслер связывает историю языка с историей национальной культуры и с «общностью языковой одаренности»: каждый вносит свой маленький вклад, каждый принимает участие в этом процессе» [Фосслер, 2007: 33]².

Мы опираемся на эту теорию и предполагаем, что, рассматривая язык с точки зрения индивидуального духовного выражения, можно предположить, что вне зависимости от стиля изучаемого текста в нем будет присутствовать стремление автора произвести воздействие на читателя, а значит, и выразительные языковые средства.

Ранее при изучении образа Парижа в художественных произведениях представителей французской классической литературы автором этой статьи выявлялись составляющие компоненты мифа о Париже, а также один из основных способов его создания – метафоризация [Исаева, 2019].

Согласно концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона «суть метафоры – это понимание и переживание сущности одного вида в терминах сущности другого вида». [Лакофф, Джонсон, 2017: 27]. В книге «Метафоры, которыми мы живем» американские лингвисты объясняют «суть» метафоры стремлением человеческого ума структурировать концепты. «С другой стороны, метафорические концепты могут выйти за пределы обычного мышления и речи в область, которую можно назвать образным, поэтическим, красочным или фантастическим мышлением и языком» [Лакофф, Джонсон, 2017: 34]. Изучение метафоры как языкового средства, позволяющего создавать образы в сознании людей, подтверждает предположение о том, что при наличии авторской интенции воздействия в тексте любого жанра, ему будут присущи характеристики поэтического текста.

Рассмотрим проявления поэтического дискурса и языковые средства описания французской столицы в мемуарах барона Ж.-Э. Османа, префекта департамента Сена с 1853 по 1870 г. Наполеон III, выбранный президентом Французской республики в 1848 г., провозгласил себя французским императором. В его планы входила крупномасштабная программа общественных работ по улучшению системы жилищных условий низших слоев населения города, улучшению работы здравоохранения в Париже и системы транспортного сообщения. Для реализации своего замысла император

---

² См.: Кроче Б. Эстетика как наука выражения и как общая лингвистика / Пер. с итал. В. Яковенко. Ч. 1. М., 1920.

назначил префектом департамента Сена Жоржа Эжена Османа. За 17 лет работы называвший себя бароном и получивший в свои руки практически неограниченные финансовые ресурсы, Ж-Э. Осман перестроил всю уличную сеть Парижа, проложил множество проспектов и площадей, практически полностью разрушив «старый Париж». Его деятельность подвергалась критике, современники стали свидетелями тотальной перестройки города, однако барон Осман несомненно испытывал любовь к своему городу и с энтузиазмом выполнял работы по его модернизации.

В тексте мемуаров прослеживается особое отношение к городу, ср. использование оценочных прилагательных: *le beau Paris, fiers, chère ville natale* и др.:

“tout le monde sait que notre **beau Paris**, dont nous sommes si **fiers** <...> n’occupait, dans le principe, qu’une des Iles de la Seine...”³ («все знают, что наш прекрасный Париж, которым мы так гордимся <...> располагался, в сущности, только лишь на острове Ситэ...»)

“Je suis tout simplement un Parisien, parvenu, conttre vent et marée, à se faire un nom, et encore, un nom contesté, dans sa **chère ville natale**»⁴ («Я просто парижанин, движущийся наперекор всем трудностям к достижению своих целей в своем дорогом родном городе»).

Несмотря на то что исследуемый текст не является художественным текстом в полном смысле этого слова (он принадлежит к жанру мемуарной литературы), при анализе языковых средств описания города были выявлены несколько типов метафор, с помощью которых барон Осман создавал картину Парижа того времени.

Среди метафор выделяются следующие:

1) метафора **стихии**, а именно **океана**, которая рассматривалась нами ранее при анализе образа Парижа в художественной литературе [Исаева, 2019], присутствует и в мемуарах барона Османа: “Au milieu de cet Océan aux flots toujours agités et toujours renouvelés, il existe une minorité, considerable, sans doute, de Parisiens véritables...” («Посреди этого океана с волнами, которые всегда волнуются и всегда обновляются, несомненно, существует немалочисленная группа истинных парижан...»)⁵.

Идея **природного явления**, находящегося в постоянном движении, беспокойстве, и хранящее настоящие сокровища также пере-

---

³ *Hausmann G-E. Mémoires du Baron Hausmann. T. 3. Paris: Victor-Havard, Éditeur, 1893. P. 31.*

⁴ *Hausmann G-E. Mémoires du Baron Hausmann. T. 1. Paris: Victor-Havard, Éditeur, 1893. P. 9.*

⁵ *Hausmann G-E. Mémoires du Baron Hausmann. T. 2. Paris: Victor-Havard, Éditeur, 1893. P. 201.*

кликается с образом Парижа, создаваемым в литературе: так, у О. де Бальзака: “Paris est un véritable océan <...>, il s’y rencontrera toujours un lieu vierge, un antre inconnu, des fleurs, des perles, des monstres, quelque chose d’inouï, oublié par les plongeurs littéraires” («Париж – настоящий океан <...> в этом океане всегда найдется не тронутая ими область, неведомая пещера, жемчуга, цветы, чудовища, нечто неслыханное, упущенное водолазами от литературы»)⁶;

2) для описания состояния Парижа на момент начала его модернизации используется метафора, связанная со старым названием города **Lutèce** (Лютеция). Автор мемуаров выражает свое отношение к городу не только как к столице Франции, но и как к проекту, который станет результатом дела всей его жизни. В третьем томе мемуаров “Grands travaux de Paris” («крупномасштабные парижские работы»), в котором Ж.-Э. Осман описывает свою работу по перестройке Парижа, он обращается к этимологии названия столицы. Номинация “Lutèce” метафорична, так как она ассоциируется с городом, полным грязи и нечистот, название которого связывают с латинским “lutum”, «грязь». Барон Осман пишет: “la Cité, – l’antique Lutèce, «la ville de boue», suivant une étymologie latine, peu flatteuse, fut le berceau de Paris”⁷ («Ситэ – античная Лютеция, “город грязи”, следуя латинской этимологии, не слишком лестной, стал колыбелью Парижа»). Образ Лютеции, как города, полного нечистот засвидетельствован нами и в художественной литературе – автором анализировалось употребление номинации «Лютеция» в романах у В. Гюго и О. Де Бальзака: “il contient aussi Lutèce, la ville de boue” («он впитал в себя также и Лютецию – город грязи»), “à travers le sol, d’y empoisonner les puits et de continuer souterrainement à Lutèce son nom célèbre. La moitié de Paris couche dans les exhalaisons putrides des cours, des rues et des basses œuvres” («так что под землей город до сих пор подтверждает справедливость знаменитого своего имени – Лютеции. Половина Парижа живет среди гнилых испарений дворов, улиц, помойных ям») [Исаева, 2019: 166].

Старое название «Лютеция» для Османа как префекта департамента Сены особенно важно, так как он первым проложил канализацию по всему городу, значительно улучшив санитарные условия в столице, где в 1832 г. от эпидемии холеры погибло большое количество горожан. Расширение улиц и строительство бульваров также способствовало превращению средневековой Лютеции с ее узкими улицами в «новый Париж». Город с приходом барона Османа по за-

⁶ Бальзак О. Собр. соч.: В 24 т. Т. 2. М., 1960. С. 282.

⁷ Haussmann G-E. Mémoires... Т. 3. Р. 31.

мыслу императора должен был стать центром притяжения для всей Франции. Увеличение урбанизированного пространства Парижа и организация массового досуга и развлечений (Булонский лес, Венсенский парк, Фоли-Бержер, Мулен Руж) как цели преобразования города нашли свое отражение в тексте мемуаров;

3) метафоры персонификации, т.е. интерпретации материально-го объекта в качестве живого существа (*l'âme de la France, sa tête et son coeur*) служат для акцентирования идеи централизации:

“*Les énergiques moyens de centralisation organisés à Paris de siècle à siècle, par les divers Gouvernements en on fait l'âme de la France, «sa tête et son coeur» ainsi que l'a dit l'Empereur, dans un de ses madnifiques discours – Paris est la Contralisation même*” («Мощные средства централизации, организовывающиеся в Париже веками различными правительствами, сделали его душой Франции, “его головой и его сердцем”, как сказал император в одной из своих потрясающих речей – Париж – это сама Централизация»)⁸. Франция здесь предстает сверхчеловеком – воплощающим Централизацию как идею и действия. Париж является одновременно и его душой, и сердцем, и умом.

В то время как барон Осман использует персонификацию для возвеличивания Парижа и подтверждения обоснованности идеи централизации, Э. Золя в романе «Добыча» применяет тот же прием с целью критики действий барона Османа: “*Ce grand innocent de Paris ! vois donc comme il est immense et comme il s'endort doucement ! C'est bête, ces grandes villes ! Il ne se doute guère de l'armée de pioches qui l'attaquera un de ces beaux matins, et certains hôtels de la rue d'Anjou 156 ne reluiraient pas si fort sous le soleil couchant, s'ils savaient qu'ils n'ont plus que trois ou quatre ans à vivre*”⁹ («Ну и простофиля же этот Париж! Смотри, какой он огромный и как Тихо засыпает! Нет ничего глупее этих больших городов! Он и не подозревает, какая армия заступов примется за него в одно прекрасное утро; а некоторые особняки на улице Анжу наверняка не сверкали бы так здорово, если бы знали, что им осталось жить каких-нибудь три-четыре года»);

4) метафора централизации (“*tout en part: Lois, Décrets, Décisions, Orders, Agents*”) отражает идею огромной территории, где сосредоточены все блага цивилизации и куда стягиваются лучшие достижения нации:

---

⁸ *Hausmann G-E. Mémoires ...* Т. 1. P. 202.

⁹ *É. Zola la curée*, p. 156. URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/zola-02.pdf> (дата обращения: 01.12.2019).

• Tout vient aboutir à Paris: Grandes Routes, Chemins de Fer, Télégraphes. Tout en part: Lois, Décrets, Décisions, Orders, Agents («Все стекается в Париж: магистрали, железные дороги, телеграф. Все: законы, указы, решения, приказы, агенты»)¹⁰.

Барон Осман, будучи преданным императору, возвеличивает Париж как центр имперского государства, «государство в государстве», подчеркивая необъятность города, а идея централизации как основная прослеживается во всем тексте мемуаров:

• “J’avais émis et développé déjà, dans deux circonstances solennelles, la doctrine que **Paris appartient à tout la France**” («Я уже издал и развил, при двух торжественных обстоятельствах, доктрину, что Париж принадлежит всей Франции»);

• “Si Paris est une Grande Ville, centre d’une activité commerciale et industrielle qui lui est propre, comme aussi, de productions spéciales, de consommations prodigieuses et d’échanges incessants – disais je, la première fois, – c’est surtout **la Capitale d’un puissant Empire**, le séjour d’un glorieux Souverain, le siège de tous les Corps pas lesquels s’exerce le Pouvoir Public en France, le foyer universel des Lettres, des Sciences et des Arts” (Кроме того, что Париж является большим городом, центром коммерческой и промышленной деятельности, так подходящей для него, масштабного потребления и постоянных обменов, – сказал я, в первый раз, – он прежде всего Столица могущественной империи, пребывание славного государя, резиденция всех людей, осуществляющих публичную власть во Франции, дом гуманитарных и естественных наук и искусств)¹¹;

• “immense Capitale” («необъятная Столица»)¹²;

• “L’ordre de cette Cité-Reine est une des premières conditions de la sécurité générale” («Порядок этого города – королевы – одно из первых условий общей безопасности»)¹³;

• “La creation d’un Etat dans l’État” («создание Государства в Государстве»)¹⁴. Идеи централизации, сопровождающие монархическую форму правления государства, наиболее ярко отражены в мемуарах барона Османа, описывающих исторический контекст, в котором создавался и «тиражировался» образ Парижа. С одной стороны, барон Осман описывает исторические события конца XIX в., участником которых он является, а с другой – выражает свои

---

¹⁰ *Haussmann G-E. Mémoires...* Т. 1. P. 202.

¹¹ *Haussmann G-E. Mémoires ...* Т. 2. P. 197.

¹² *Ibid.* P. 199.

¹³ *Ibid.* P. 203.

¹⁴ *Ibid.* P. 204.

личные взгляды на политическое устройство государства. Авторитет Османа во французском обществе и его личное отношение к городу формируют образ Парижа в умах читателей его работ. Семантическое поле «город» содержит прилагательные “Grande”, “immense” (ville), puissant (Empire), glorieux (Souverain) и др., а также аллюзию на «могущественного Суверена» “le séjour d’un glorieux Souverain”, сопоставление со всемирным очагом культуры, целым государством, “le foyer universel”, “d’un Etat dans l’Etat”, олицетворяющим имперские представления Наполеона III и влияющим на восприятие города широкой публикой, представляющей Нацию в целом.

Трудно вообразить текст мемуаров префекта департамента Сены времен правления Наполеона III, который был бы лишен интенции автора повлиять на восприятие читателями образа столицы «великой Империи» (“la Capitale d’un puissant Empire”). И такая интенция у Османа действительно была. Метафоры стихии, персонификации, централизации и обращение автора к древнему названию «Лютетия» подтверждают наличие поэтических образов даже в нехудожественном произведении.

В заключение приведем слова Р. Барта из книги «Ролан Барт о Ролане Барте»: «Любой дискурс, который ведет за собой мысль, можно назвать поэтическим». Действительно, метафоры, выявленные в мемуарах Османа, сопоставимы или совпадают с метафорами, исследованными нами ранее в произведениях французских писателей XIX в. Образ, создаваемый в художественной литературе, и картина Парижа, представленная в мемуарах барона Османа, выражены через ряд близких или идентичных метафор, олицетворяющих идеи державности и необъятности города. «Миф о Париже», таким образом, выходит за рамки художественной литературы и находит свое отражение в текстах XIX в. других жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фосслер К.* Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию. М., 2007.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. 3-е изд. М., 2017.
3. *Барт Р.* Ролан Барт о Ролане Барте. М., 2014.
4. *Исаева А.Ю.* Метафоризация образа Парижа в произведениях О. де Бальзака, В. Гюго, Г. Флобера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 140–148.
5. *Исаева А.Ю.* Концепт Париж в художественной литературе XIX в. на примере произведений О. де Бальзака, В. Гюго, Э. Золя, Г. Флобера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 163–172.

Anna Yu. Isaeva

**METAPHORIZATION OF THE IMAGE OF PARIS
IN THE MEMOIRS OF J.-E. OSMAN**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The article is devoted to the study of linguistic means of describing Paris in the memoirs of Baron Haussmann, who had the post of the Prefect of the Department of Seine from 1853 to 1870. Based on the text of the memoirs the article examines the signs of poetic discourse in a non-fiction literature, expressed in the metaphORIZATION of the image of the city. Among the conceptual metaphors composing the components of the myth of Paris, there are metaphors of Nature (ocean), the metaphor of personification, centralization and the author's appeal to the ancient name "Lutetia". The idea of centralization is particularly clear, which reflected the goals of Napoleon III regarding the improvements of the French capital and its transformation into a "State in a State". The text of the memoirs, on the one hand, describes historical events taking place in the second half of the 19th century. On the other hand, it expresses the author's ideas about Paris and the author's intention, thus combining the characteristics of non-fiction with the elements of fiction. The similarity between the metaphors form the myth of Paris, used in the novels of the 19th century and the metaphors found in the memoirs of Baron J.-E. Osman are revealed. The conclusion about the spread of the myth of Paris to the texts of non-fiction is made.

Key words: metaphor; Paris; language means; non-fiction literature; the French language.

About the author: *Anna Yu. Isaeva* – PhD Student at the Department of the French Language and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: isaevanna@yandex.ru).

REFERENCES

1. Vossler K. 2007. Esteticheskij idealizm. Izbrannye raboty poazykoznaniiyu [Aesthetic idealism. Selected works on linguistics]. Moscow, LKI. (In Russ.)
2. Lakoff G. 2017. Metafori, kotorymi my zhivem [The metaphors we live by]. 3d edition. Moscow, LKI. (In Russ.)
3. Barthes R. 2014. Rolan Bart o Rolane Barte [Roland Barthes by Roland Barthes]. Moscow, Marginem Press. (In Russ.)
4. Isaeva A.Ju. 2019. Metaforizaciya obraza Parizha v proizvedeniyah O. de Bal'zaka, V. Gyugo, G. Flobera [Metaphorization of the image of Paris in the works of H. Flaubert, O. de Balzac, V. Hugo]. Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication, no. 1, pp. 140–148. (In Russ.)
5. Isaeva A.Ju. 2019. Koncept Parizh v hudozhestvennoj literature XIXv [The concept of Paris in the XIX century literature]. Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication, no. 4, pp. 163–172. (In Russ.)

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Д.А. Шевлякова, А.В. Лентовская

АКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ И ИТАЛЬЯНСКИХ ГЛАГОЛОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

*Пизанский университет
56126, ул. Санта Мариа 36, Пиза, Италия*

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу акциональных характеристик русских и итальянских глаголов, основанному на представлении об их акциональной гибридности. Главной характеристикой гибридных глаголов признается их способность демонстрировать синтаксическую сочетаемость с аспектуальными граммемами, свойственную одновременно для нескольких акциональных классов глагольной лексики (например, для состояний, деятельностей и свершений). Иллюстрируются возможности классификации русской глагольной лексики по принципу организации морфологических дериватов в «группы» вокруг акционально гибридных «опорных» глаголов. Предлагаемое подразделение глаголов на «группы» производится, помимо учета морфологических критериев, на основе анализа их акциональных характеристик (предельность, длительность, стативность, кратность и проч.). В дальнейшем, исходя из принципа «групповой» классификации, предложено организовывать члены групп вокруг шести базовых глаголов, иллюстрирующих внутреннюю структуру действия, которую описывают члены каждой конкретной глагольной группы. При диагностике корреляции членов глагольных групп с аспектуальными граммемами предпочтение отдается анализу их сочетаемости с граммемами, описывающими структурные этапы действия (ингрессивы, комплетивы и под.). Использование такого принципа классификации предполагает следующий уровень абстракции по сравнению с организацией глаголов по принципу видовой парности, но не отменяет предыдущего.

Ключевые слова: акциональность; гибридные глаголы; акциональная гибридность; вид; глагольная классификация; акциональная классификация;

Шевлякова Дарья Александровна – доктор культурологии, профессор кафедры итальянского языка факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: scevliakova@mail.ru).

Лентовская Анна Вадимовна – старший преподаватель русского языка Департамента филологии, литературы, языкознания и Лингвистического центра Пизанского университета (e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it).

сравнительно-сопоставительное языкознание; русский язык; итальянский язык.

На протяжении последних десятилетий в аспектологии широкой популярностью пользуются так называемые двухкомпонентные теории вида, которые описывают взаимодействие грамматической и лексической аспектуальности (акциональности) [Smith, 1991], и во многом основаны как на выводах З. Вендлера в знаменитой статье [Vendler, 1957] о четырех семантических (акциональных) классах английских глаголов (*states* ‘состояния’, *activities* ‘деятельности’, *accomplishments* ‘совершения’, *achievements* ‘достижения’), так и на теории Ю.С. Маслова о видовых парах [Маслов, 1948].

В поисках семантического обоснования классов, выделенных З. Вендлером, с применением разнообразных синтаксических диагностических тестов на материале разных языков [Dowty, 1976; Падучева, 1996] некоторые исследователи пришли к выводу о том, что в ряде случаев можно говорить о «гибридных» акциональных характеристиках глаголов. Впервые термин «акционально гибридные глаголы» был упомянут в работе П.М. Бертинетто на материале итальянского и английского языков [Bertinetto, 1986: 302]: основной характеристикой гибридных глаголов была признана их способность демонстрировать синтаксическую сочетаемость с аспектуальными граммемами, свойственную одновременно для нескольких семантических (акциональных) классов глагольной лексики (напр., для состояний, деятельностей и свершений).

Целью данной сопоставительной работы стало построение сравнительной акциональной классификации русских и итальянских глаголов с учетом представления о гибридной акциональности. Среди задач, поставленных в данном исследовании, – уточнение определения акционально гибридных глаголов и его применимости к русской лексике, выявление объектов сравнения, коррелирующих с итальянскими гибридными глаголами, а также описание функционирования построенной классификации.

В примере (1) из [Mehlig, 2012: 171] иллюстрируется сочетаемость английского предиката *to paint the wall* как с инклюзивным обстоятельством времени (а), что характеризует предикат, согласно З. Вендлеру и Р. Дауги, как *accomplishment*, так и с обстоятельством длительности (b), что относит его же к классу *activities*:

- (1) a. *We painted the wall in two hours.*
- b. *We painted the wall for two hours and left.*

По мнению исследователей русского языкового материала, акционально гибридными могут называться такие предикаты, как, например, *заполнять анкету, играть сонату* [Mehlig, 2012: 171–176], чи-

тать журнал, рисовать портрет [Gebert, 2016: 18–21] и под. Объединяющей характеристикой для перечисленных предикатов НСВ является доступность для них двух способов перфективизации. В примере (2) Х.Р. Мелиг показывает, как в конкретно-фактическом (и результативном) значении предикат НСВ *заполнять анкету* заменяется на видовой коррелят СВ *заполнить анкету* (поведение, типичное для русских предельных *accomplishments*). Однако тот же предикат в сочетании с обстоятельством длительности заменяется на форму СВ *позаполнять анкету*, маркированную по ограничительному способу действия – такая характеристика позволяет отнести его к классу *activities*, т.е. к классу неопределенных глаголов:

(2) а. *Саша заполнил анкету, которую ему дали, и пошел в библиотеку.*

б. *Саша минут двадцать позаполнял анкету, которую ему дали, и пошел в библиотеку.*

Обращаясь к рассмотрению феномена гибридной акциональности в сопоставительном ракурсе, мы, в свете описанных ранее фактов, оказываемся, в частности, перед необходимостью уточнить статус форм *читала / почитала / прочитала*, соответствующих итальянскому гибридному глаголу *leggere* (см. [Gebert, 2016] и список гибридных предикатов в [Bertinetto, Lentovskaya, 2015]). Проводя параллель между перфектной видовой парой (3) *читать / прочитать* <статью> и *leggere* <*un articolo*>, мы оставляем за пределами рассмотрения делимитатив *почитать* (типичный *perfectivum tantum*). Известно, что некоторые исследователи [Dickey, 2000] признают за делимитативами статус регулярных видовых коррелятов и, соответственно, за подобными парными глаголами (НСВ *читать* / СВ *почитать*) статус видовых пар, однако данная точка зрения не является общепризнанной [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015: 226–228].

Дискуссия по данному вопросу остается открытой: авторы некоторых глагольных классификаций типологического, лингвистического свойства, например, представитель композиционного подхода к акциональности С.Г. Татевосов и его последователи, открыто дистанцируются от дискуссии о видовых парах [Tatevosov, 2002: 370] и говорят об акциональных классах глаголов, выделяемых вне зависимости от их видовой парности / непарности, по семантическому признаку. Под акциональным классом глагольной лексики в рамках данного подхода понимается ее семантическая характеристика, релевантная для аспектуальных категорий; акциональные характеристики глаголов даются через комбинацию семантических компонентов (акциональных семантических ярлыков), присутствующих достаточно широко в живых языках мира [Татевосов, 2015:

33]. Имперфективной (презенс) и перфективной (претерит) словоформам одной глагольной основы приписывается по ярлыку; акциональный класс определяется сочетанием двух (или более) ярлыков. Всего акциональных ярлыков пять: 1. Состояние (S, *жить, видеть*); 2. Процесс (P, *читать, почитать; гулять, погулять*); 3. Вхождение в состояние (ES, *убить, прочитать, увидеть, капнуть*); 4. Вхождение в процесс (EP, *заработать, занеть*); 5. Мультипликативный процесс: состоит из выделимых квантов, но воспринимается как единое целое (M, *капать, по капать*). Упомянувшиеся в примере (3) русские глаголы, таким образом, были бы отнесены к акциональному классу слабых предельных глаголов *прочитать* (ES) / *почитать* (P) / *читать* (P) / *прочитывать* (—) [Татевосов, 2015: 289].

Принцип группировки русских глаголов в «агломераты» (*clusters*), объединенные морфологической общностью и выделяемые посредством тестирования аспектуально-семантических характеристик, был разработан Л. Яндой [Janda, 2007]. В работе, несколько лет остававшейся в центре оживленной дискуссии [Зализняк, Микаэлян, 2012], Л. Янда и ее последователи, впрочем, не отказывались от представления о видовой паре: в их планы входило исследование семантических и прагматических связей членов видовой пары с их многочисленными морфологическими коррелятами [Янда, Кузнецова, 2013]. Построение таксономии акциональных классов (классификации характеров действия) и изучение ее взаимоотношения с грамматическими аспектуальными категориями («открытой» грамматикой) на примере русского и испанского языков [Горбова, 2010] стало предметом исследования Е.В. Горбовой: автор также строит свои рассуждения (на русском материале) исходя из функционального критерия видовой коррелятивности, описанного Ю.С. Масловым, который зачастую признается единственным «основанием для установления видовой пары, позволяющим говорить о грамматическом характере видовой корреляции в русском языке» [Зализняк, Микаэлян, Шмелев, 2015: 211]. Таким образом, представляется возможным утверждать, что в рамках композиционного и типологического подхода к акциональности классификация русских глагольных предикатов на основе анализа их семантических характеристик с последующим изучением их корреляций с аспектуальными граммеммами, без обязательного учета их принадлежности к видовой паре, предполагает следующий уровень абстракции по сравнению с организацией глаголов по принципу видовой парности или непарности, но не отменяет релевантности предыдущего.

Основываясь на принципе «групповой» классификации, мы предложили организовывать члены групп вокруг шести базовых глаголов (*pivot verbs*), иллюстрирующих внутреннюю структуру действия

[Binnick, 1991], которое описывают члены каждой глагольной группы¹ (слева перечислены наименования выделенных нами глагольных групп; справа – наименования базовых глаголов данных групп и соответствующие им итальянские гибридные глаголы):

1) стативная группа	STA-pivot	<i>обладать, possedere</i>
2) агентивная группа	P-ACT-pivot	<i>плакать, piangere</i>
3) мультипликативная группа	MULT-pivot	<i>канать, gocciolare</i>
4) градативная группа (градативы + терминативы)	DV-pivot	<i>трескаться, incresparsi</i>
5) терминативная группа	H-ACT-pivot	<i>петь, cantare</i>
6) моментативная группа	ACH-pivot	<i>родиться, nascere</i>

В свою очередь, остальные члены глагольной группы морфологически характеризованы посредством префиксации или суффиксации в зависимости от их принадлежности их базовых глаголов к тому или иному семантическому классу². Основываясь на списке, мы следуем сформулированному С.Г. Татевосовым принципу приписывания универсальных (за редким исключением) акциональных ярлыков глагольным основам. Уточнение, внесенное нами в целях сравнительно-сопоставительного анализа русской и итальянской классификации, подразумевает расширение ряда ярлыков, приписываемых морфологическим дериватам базовых глаголов. Полемизируя с использованием термина «акционально гибридный» применительно к глаголам, например, *believe*, в совокупности всех их словоформ, С.Г. Татевосов уточняет, что перечисленные им акциональные ярлыки могут функционировать и, соответственно, должны описываться только применительно к тем конкретным граммемам, с которыми они сочетаются [Татевосов, 2015: 13]. Известно, что в своем типологическом исследовании указанный автор использовал для диагностики акциональных классов граммема презенса в имперфективной и претерита в перфективной зонах. Так, акциональный ярлык «вхождение в состояние» (ES) оказывается приписанным в равной степени словоформам *убить, прочитать, увидеть, кануть*. В нашей сопоставительной классификации мы предпочли анализировать сочетаемость акциональных ярлыков с граммемами, которые описывают структурные этапы действия, очерченные его временными границами.

¹ Использованные сокращения: ACC = *accomplishment* ‘терминатив’; ACH = *achievement* ‘моментатив’; ACT = *activity* ‘агентив’; DV = *degree verb* ‘градатив’, H-ACT = *hybrid activity* ‘гибридный агентив’; MULT = *multiplicative* ‘мультипликатив’; P-ACT = *pure activity* ‘простой агентив’; STA = *stative* ‘статив’.

² Примером может послужить префиксация ингрессивов (*петь – запеть*) или суффиксация семельфактивов (*махать – махнуть*).

Говоря о временных границах, мы вслед за рядом исследователей [Rozwadowska, 2014] выделяем начальную границу протекания действия (ГД), выраженную ингрессивом (*увидеть*), и конечную ГД (*убить*), которая в отсутствие предела действия может описывать прекратившееся действие (финитивный способ действия). Начальная и конечная ГД могут быть выражены одним членом глагольной группы: длительным делимитативом (*почитать*) или одноактным семельфактивом (*капнуть*). Как следует из вышесказанного, такой подход позволяет нам, для решения наших задач, дать словоформам *убить*, *прочитать*, *увидеть*, *капнуть* более детальные акциональные характеристики.

В рамках нашего подхода вокруг шести вышеупомянутых базовых глаголов объединены 13 глагольных групп. Кроме того, мы полагаем, что базовые глаголы выделяемых нами глагольных агломератов демонстрируют гибридные характеристики так же, как и гибридные предикаты, описанные П.М. Бертинетто на английском, итальянском и Х.Р. Мелигом на русском материале. Впрочем, на наш взгляд, семантическое разнообразие, демонстрируемое гибридными базовыми предикатами, может рассматриваться шире, чем дихотомия глаголов-деятеельностей (*переводить* / *непереводить*) и глаголов-свершений (*переводить* / *перевести*), описанная у Х.Р. Мелига. В частности, за редким исключением, все глагольные предикаты могут демонстрировать стативные характеристики (ср., *переводить* = *быть переводчиком*).

Как отмечает П.М. Бертинетто [Bertinetto, 1986: 306–307], глаголы агентивно-терминативной группы наиболее широко представлены среди итальянских акциональных «гибридов», таких, как *mangiare* «есть», *dormire* «спать», *lavarsi* «мыться». Некоторые (но не все) глаголы этой группы могут иметь, как в русском языке, стативную интерпретацию и, соответственно, в определенных контекстах выражать ингрессивное значение (например, уже упомянутый *cantare* «петь / запеть»). В целом, по свидетельству П.М. Бертинетто, феномен акциональной гибридности в итальянской глагольной лексике имеет значительное распространение [Bertinetto, 1986: 302–321].

В заключение отметим, что, по нашим наблюдениям, определение акциональной гибридности как синтаксической сочетаемости, свойственной одновременно нескольким акциональным классам, в полной мере относимо к базовым русским глаголам как единицам, которые вычлняются и анализируются с учетом последующей деривации на уровне таксономии характеров действия. Основной принцип сопоставительной классификации, таким образом, состоит в том, что каждому русскому глагольному агломерату с гибридным

базовым глаголом (*netь* <*занеть, nonеть, снеть*>) соответствует гибридный итальянский глагол (*cantare*). Самым ярким примером корреляции акционально гибридных глаголов в русском и итальянском языке, на наш взгляд, являются глаголы движения. В русском языке базовые глаголы *идти / ходить* могут иметь стативное (*Время идет; Ребенок ходит*), агентивное (*идти вперед*), мультипликативное (*ходить на работу*) прочтение, а их дериваты СВ – терминативное (*уйти из семьи*) или моментативное (*уйти с работы в 19:00*) прочтение. Такую же многоплановую акциональную гибридность демонстрирует итальянский глагол *andare* в примерах из [Bertinetto, 1986: 303]: *andare avanti* «идти / ехать вперед» (агентив), *andare via* «уходить / уезжать» (агентив / терминатив), *andare a Roma, andare in Sicilia* «поехать в Рим, поехать на Сицилию» (моментатив), *andare da Torino a Roma* «поехать из Турина в Рим» (терминатив / моментатив).

Отметим также, что при выборе итальянского эквивалента ряда морфологически характеризованных русских глаголов в соответствующих языковых ситуациях для передачи глагольных значений могут использоваться конструкции с «опорными глаголами» и другие глагольные конструкции (например, *позволить / позволять: permettere / dare il permesso; прыгать / попрыгать / запрыгать / прыгнуть: saltare / fare un salto*) [Володина, 2012; Лысенкова, 2006; Денисова, 2003].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Володина М.В. Смысловое взаимодействие средств высказывания (итальянско-русское сопоставление) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 56–68.
2. Горбова Е.В. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы. СПб., 2010.
3. Денисова Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод. М., 2003.
4. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 48–65.
5. Зализняк Анна А., Микаэлян И.Л., Шмелев А.Д. Русская аспектология: в защиту видовой пары. М., 2015.
6. Лысенкова Е.Л. О законе переводной дисперсии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2006. № 1. С. 111–118.
7. Маслов Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в современном русском литературном языке // Известия Академии наук СССР. № VII/4. М., 1948. С. 303–316.
8. Падучева Е.В. Семантические исследования. М., 1996.
9. Татевосов С.Г. Глагольные классы и типология акциональности. М., 2015.
10. Янда Л.А., Кузнецова Ю.Л. Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 87–96.

11. *Bertinetto P.M.* Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo. Firenze: Accademia della Crusca, 1986.
12. *Bertinetto P.M., Lentovskaya A.* Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis // Benacchio R. (ed.). Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context. München; Berlin; Washington D.C., 2015. P. 93–115.
13. *Binnick R.I.* Time and the Verb. A Guide to Tense and Aspect. Oxford, 1991.
14. *Dickey S.* Parameters of Slavic Aspect. Stanford, 2000.
15. *Dowty D.R.* Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ. Dordrecht, 1979.
16. *Gebert L.* Verbi ibridi nelle lingue slave e romanze // Inkova O., Trovesi A. (eds.). Lingue slave a confronto. Bergamo University Press: Sestante edizioni, 2016. P. 17–36.
17. *Janda L.A.* Aspectual Clusters of Russian verbs // Studies in Language. 2007. № 31/3. P. 607–648.
18. *Mehlig H.R.* Hybrid predicates in Russian // Journal of Slavic Linguistics. 2012. Vol. 20. № 2. P. 171–227.
19. *Rozwadowska B.* Initial Boundary and Telicity in the Semantics of Perfectivity // FDSL. 2014. № 4. P. 1–14.
20. *Smith C.* The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1991.
21. *Tatevosov S.G.* The parameter of actionality // Linguistic Typology. 2002. № 6. P. 317–401.
22. *Vendler Z.* Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. N.Y., 1957. P. 97–121.

Daria A. Shevliakova, Anna V. Lentovskaya

**ACTIONAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN
AND ITALIAN VERBS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

*University of Pisa
I-56126, Via Santa Maria 36, Pisa (PI), Italy*

This paper provides a contrastive analysis of verbal actional characteristics in Russian and Italian, with major regard to predications that are hybrid in their actionality. The notion of actional hybridism is examined within the Compositional Approach to Aspect and Actionality. The main characteristics of actionally hybrid predicates is defined as the manifestation of their compatibility with a range of aspectual grams, typical of more than one actional class (e.g., states, activities and accomplishments). The next step is a brief outline of an actional classification of Russian verbal lexicon based on grouping (*clustering*) morphologically related verbs around actionally hybrid *pivot*-verbs. The clustering principle takes into account both morphological criteria, and the actional characteristics of the verbs (telicity, durativity, stativity, multiplicity, etc.). We organize cluster members around 6 *pivot* verbs, illustrating the inner structure of the action, described by members of each specific verbal cluster. Testing the correlation of cluster members with aspectual grams, we analyze their compatibility with grams describing structural stages of the action (ingressive, delimitative, completive, etc.). The use of such a classification

principle suggests the next level of abstraction if compared to the binary organization in aspectual pairs, but still does not overcome the former.

Key words: Actionality; hybrid predicates; actionally hybrid verbs; Aspect; verbal classifications; actional classifications; contrastive studies; Russian; Italian.

About the authors: *Daria A. Shevliakova* – Dr.habil in Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Italian, Faculty of foreign languages and areal studies, Lomonosov Moscow State University (e-mail: scevliakova@mail.ru); *Anna V. Lentovskaya* – Lecturer of Russian, Department of Philology, Literature and Linguistics, the Linguistic Centre of the University of Pisa (e-mail: anna.lentovskaya@unipi.it).

REFERENCES

1. Volodina M.V. 2012. Smyslovoe vzaimodejstvie sredstv vyskazyvanija (ital'jansko-russkoe sopostavlenie) [Meaning of an utterance in semantic interaction (Italian-Russian comparison)]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 56–68. (In Russ.)
2. Gorbova E.V. 2010. *Akcional'nost' glagol'noj leksiki i aspektual'nye grammemy* [Verbal Actionality and Aspectual grams]. Saint-Petersburg, SPb University Publ. (In Russ.)
3. Denissova G.V. *V mire interteksta: jazyk, pamjat', perevod* [In the world of Intertext: language, memory, translation]. Moscow, Azbukovnik Publ. (In Russ.)
4. Zaliznjak Anna A., Mikajeljan I.L. 2012. O nekotoryh diskussionnyh momentah aspektologičeskoj koncepcii Lory Jandy [On some controversial points of Laura Janda's Aspectual theory]. *Voprosy jazykoznanija*, no. 6, pp. 48–65. (In Russ.)
5. Zaliznjak Anna A., Mikajeljan I.L., Shmelev A.D. 2015. *Russkaja aspektologija: v zashhitu vidovoj pary* [Russian Aspectology: In defence of the aspectual pair]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (In Russ.)
6. Lysenkova E.L. 2006. O zakone perevodnoj dispersii [On dispersion in translation]. *Moscow State University Bulletin. Series 19: Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 111–118. (In Russ.)
7. Maslov Ju. S. 1948. Vid i leksičeskoe znachenie glagola v sovremennom rusском literaturnom jazyke [Aspect and Lexical meaning of the Verbs in contemporary Russian]. *Izvestija Akademii Nauk SSSR*, no. VII/4. Moscow, AN SSSR Publ, pp. 303–316. (In Russ.)
8. Paducheva E.V. 1996. *Semanticheskie issledovanija* [Semantic studies]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (In Russ.)
9. Tatevosov S.G. 2015. *Glagol'nye klassy i tipologija akcional'nosti* [Verbal classes and Typology of Actionality]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ. (In Russ.)
10. Janda L.A., Kuznecova Ju.L. 2013. Pristavki v svete kognitivnoj lingvistiki i tipologii [Preverbs within the Cognitive linguistics and Typology]. *Voprosy jazykoznanija*, no. 4, pp. 87–96. (In Russ.)
11. Bertinetto P.M. 1986. *Tempo, aspetto e azione nel verbo italiano. Il sistema dell'indicativo*. Firenze, Accademia della Crusca.
12. Bertinetto P.M., Lentovskaya A. 2015. *Degree Verbs: English-Russian contrastive analysis*. In Benacchio R. (ed.). *Verbal Aspect. Grammatical Meaning and Context*. München – Berlin – Washington D.C.: Verlag Otto Sagner, pp. 93–115.
13. Binnick R.I. 1991. *Time and the Verb. A Guide to Tense and Aspect*. Oxford, Blackwell.
14. Dickey S. 2000. *Parameters of Slavic Aspect*. Stanford, CSLI Publications.

15. Dowty D.R. 1979. *Word meaning and Montague grammar. The semantics of verbs and times in generative semantics and in Montague's PTQ*. Dordrecht, Reidel.
16. Gebert L. 2016. *Verbi ibridi nelle lingue slave e romanze*. In Inkova O., Trovesi A. (eds.). *Lingue slave a confronto*. Bergamo University Press, Sestante edizioni, pp. 17–36.
17. Janda L.A. 2007. Aspectual Clusters of Russian verbs. *Studies in Language*, no. 31/3, pp. 607–648.
18. Mehlig H.R. 2012. Hybrid predicates in Russian. *Journal of Slavic Linguistics*, vol. 20, no. 2. Indiana University Bloomington, Slavica Publishers, pp. 171–227.
19. Rozwadowska B. 2014. Initial Boundary and Telicity in the Semantics of Perfectivity. *FDSL*, no. 4, pp. 1–14.
20. Smith C. 1991. *The Parameter of Aspect*. Dordrecht, Kluwer.
21. Tatevosov S.G. 2002. The parameter of actionality. *Linguistic Typology*, no. 6, pp. 317–401.
22. Vendler Z. 1957. Verbs and Times. *Linguistics in Philosophy*. New York, Ithaca, pp. 97–121.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

А.П. Миньяр-Белоручева

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ КАРТИНЫ МИРА В ИЗУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

В данной статье рассматриваются вопросы национальной культурной картины мира, реализованной национальным языком, с целью оптимизации методов обучения иностранным языкам. Язык, отражающий и одновременно формирующий национальную культурную картину мира, обусловлен географическими условиями. Интерес исследователей к означенной проблеме объясняется стремлением осмыслить глубинные механизмы данного процесса. Географические условия определяют не только образ и стиль жизни каждого народа, но и его видение и вербализацию окружающего мира. Это, в свою очередь, определяет этническую идентичность общества, отличающую его от других. В настоящее время смещение акцента на ключевую роль природных условий в формировании мышления, культуры и языка каждого народа, позволяет говорить о необходимости разработки нового направления в рамках лингводидактики – геолингводидактики, позволяющей по-новому подойти к обучению иностранным языкам. Несмотря на общее происхождение европейских языков, отражающееся в их лексико-грамматической близости в целом, каждый из них имеет свои особенности, обусловленные картиной мира конкретного народа, которая определяется ареалом его проживания, влияющим на его жизнедеятельность и фиксируете языковой картиной мира.

При изучении иностранных языков наряду с усвоением грамматического и лексического материала учащимся необходимо понять и попытаться освоить мир изучаемого языка, который отражается в логике мышления его носителей, реализующейся как в лексическом составе, так и в национальной культуре.

Ключевые слова: геолингводидактика; картина мира; культурная картина мира; языковая картина мира; логика мышления; иностранные языки.

Миньяр-Белоручева Алла Петровна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ostvera@mail.ru).

При обучении иностранным языкам необходимо учитывать специфику национального менталитета, обозначенного Вильгельмом фон Гумбольдтом как «дух» народа, который воплощается в национальном языке. Уникальность каждого языка была выражена ученым в высказывании, ставшим хрестоматийным: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, за пределы которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг. Изучение иностранного языка можно было бы уподобить приобретению новой точки зрения в прежнем миропонимании; только потому, что в чужой язык мы в большей или меньшей степени переносим свое собственное миропонимание и свое собственное языковое воззрение, мы не ощущаем с полной ясностью результатов этого процесса» [Гумбольдт, 2001: 80]. Несомненно, различия менталитета каждого народа, отраженные в культуре и проявляющиеся на грамматическом, лексическом и синтаксическом уровнях, осложняют усвоение иностранных языков. При освоении чужого языка обучаемый стремится адаптировать его к близкому и знакомому родному языку. Несмотря на общее происхождение европейских языков, инвариантно выраженное в сходстве их лексики и грамматики в целом, в конкретных случаях они вариативны и подразделяются на множество видов и подвидов, что обусловлено картиной мира каждого народа, которая определяется природными факторами, оказывающими влияние на его жизнедеятельность, включая национальную кухню [Павловская, 2017]. Подчеркивая влияние окружающей среды на язык, в своей знаковой статье «Положение языка в системе культуры» Лео Вайсгербер писал, что «главную предметную основу для картины мира конкретного языка создает природа: почва, географические условия, в частности, климат, мир животных и растений...» [Weisgerber, 2004]. Природная среда детерминирует не только образ жизни каждого народа, но и особенности его мировидения, отраженного в языке, являющемся индикатором этнической идентичности. Картина мира как объективно данная реальность существования человека, несмотря на то, что трактуется индивидуально через культурную картину мира, сохраняет свою целостность для людей, живущих в одинаковых географических условиях благодаря общему языку.

Картина мира и языковая картина мира сопрягаются посредством культурной картины мира, определяемой как «отражение реальной картины через призму понятий, сформированных на основе представлений человека, полученных с помощью органов чувств и про-

шедших через его сознание – как коллективное, так и индивидуальное. Это образ мира, преломленный в сознании человека, т.е. мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [Тер-Минасова, 2000]. Культурная картина мира, воплощенная в языке, обусловлена культурой, предопределенной средой обитания человека, которая реализует ценности «путем культивирования высших человеческих достоинств, в свою очередь, культивируя себя» [Хайдеггер, 1986: 93]. При изучении иностранного языка обучаемым сложно абстрагироваться от родного языка и культуры, которые они переносят в новый язык, что затрудняет его усвоение и вызывает межязыковую интерференцию. Необходимость освоения как реальной, так и культурной картины мира, отраженных через языковую картину мира в изучаемом языке, требует введения новой дисциплины с целью оптимизации обучения иностранным языкам.

В настоящее время наблюдается развитие геолингвистики, перспективной академической дисциплины, изучающей влияние географической среды на язык. В термине *геолингвистика* подчеркивается взаимосвязь и взаимодействие природных условий, культуры и языка, специфика которых обусловлена жизнью людей в конкретном географическом пространстве и подкрепляется метафорами, позволяющими воспринимать язык как зеркало культуры, как сокровищницу, кладовую, копилку культуры; как передатчик, и носитель культуры, как ее орудие и инструмент [Тер-Минасова, 2000: 14–15]. Означенные максимы и их развернутые пояснения наглядно демонстрируют, что в языке отражается не только реальный мир, окружающий человека и условия его жизни, но и общественное самосознание народа, его национальный характер, образ жизни, традиции, обычаи, мораль, система ценностей, мироощущение, что хранящиеся в языке национальные культурные ценности, воплощенные в лексике, грамматике, идиоматике, в пословицах, поговорках, в фольклоре, в художественной и научной литературе, в формах письменной и устной речи, передаются из поколения в поколение, формируя личность человека, носителя языка, через навязанные ему языком и заложенные в языке видение мира и менталитет. С.Г. Тер-Минасова подчеркивает, что люди являются продуктом языка и культуры, которые они получают при рождении, усваивая мощный культуроспособный пласт языка, в котором заложено отношение к миру как данность [Тер-Минасова, 2000: 14–15]. Достижения геолингвистики необходимо использовать в лингводидактике, соединив их в единую дисциплину – геолингводидактику.

Каждый язык предлагает своим носителям не только готовую интерпретацию метафизической картины мира, которая, возникнув в мышлении людей прошлых веков, обновляясь через культурную картину мира, усваивается новыми поколениями посредством языка. Постигание мира человеком происходит постепенно и «предшествующий уровень познания действительности, в определенной степени зафиксированный в языке, не может не оказывать известного влияния на последующие этапы познавательной деятельности человека, на сам подход познающего субъекта к объектам действительности, в частности, в связи с категоризацией мира в языке» [Панфилов, 1977: 29]. Познание мира формируется в географическом пространстве, что проявляется не только в видении разными народами конкретных предметов по-разному, но и «различными способами», что выражается не только в семантике слов, но и в различном представлении о времени и пространстве, которое отражается в грамматических категориях, составляющих единую систему взглядов, свойственных конкретному народу. Так, семантическое пространство, охватываемое единой грамматической формой в исходном языке (например, формой прошедшего времени в русском), оказывается разделенным между разными формами английского языка (например, Past Indefinite и Present Perfect). Примером сказанному служит перевод из произведения М.Ю. Лермонтова: «Довольно людей кормили сладостями, у них от этого испортился желудок» – People have been fed enough sweetmeats to upset their stomachs. Здесь контекст, привносящий в высказывание значение результативности, позволяет приравнять форму прошедшего времени («кормили») к Present Perfect (have been fed) [Швейцер, 1988: 102]. Таким образом, время и пространство, преломленные в сознании разных народов, закрепляются в разных видовременных и семантических формах. Географическая среда обуславливает вид деятельности людей, которая накладывает свой отпечаток на язык. Так, страсть англичан к передвижению и покорению новых земель отразилась в слове “travel”, тезаурусный ряд которого включает тридцать шесть лексических единиц и наличия двадцати семи видовременных форм глагола.

Мышление под влиянием географической среды формирует картину мира индивидуума, определяя не только язык народа и его философию. Ч.С. Пирс высказал мысль о том, что, если бы Аристотель был не греком, то его логика была бы иной, и, следовательно, вся философия и науки, поскольку языковые различия разных народов происходят на глубинном уровне. Мышление, культура и язык

тесно переплетены: различия в языках разных народов определяются мировидением их носителей, которое проявляется в культуре и реализуется в языке. Таким образом, наблюдается замкнутый круг, который каждый «язык описывает вокруг своей культуры», типы «структур которых являются формулой универсальных законов» [Dufrenne, 1963: 35–37]. Универсальность законов отражается в общности категорий человеческого мышления, без которых невозможно было бы ни изучение иностранных языков, ни осуществление перевода. В частности, отмечается, что «какими бы разными ни были языки в фонетическом, морфологическом и семантическом планах, как по-разному ни членили бы их носители в своем сознании объективную действительность (а результатом этого различия и являются различия лексической и лексико-грамматической системы языков), в семантических категориях любого языка обязательно находят свое отражение основные, фундаментальные категории мышления» [Петрова, 1989: 107–108].

Однако существует мнение, что, несмотря на общность фундаментальных категорий мышления, логика частной риторики, порожденной культурой, уникальна и отражается в языке ее носителей. Из этого следует, что количество типов логического мышления совпадает с количеством культур и языков и осложняет межкультурную коммуникацию. Связь между последовательностью изложения мысли и риторикой, наукой о законах «изобретения, расположения и выражения мыслей в речи» [Античные риторики, 1978: 28], подчеркивал еще Цицерон. В древности влияние риторики на жизнедеятельность общества и государства было настолько велико, что Платон называл ее «искусством управлять умами» [там же]. В XX в. эта мысль воплотится в сентенцию Сепира-Уорфа о языке, определяющем сознание, ошибочно закрепляющую примат языка над мышлением, но широко распространенную в современном мире. Формула «язык определяет сознание» является вторичной, поскольку в ней заложена способность языка, первично сформированного посредством мышления, манипулировать сознанием масс с целью его перекодирования, т.е. изменить общество, изменяя доминирующий в языке как лексический состав, так и логику мысли, которая в каждом языке тесно переплетена с грамматикой, что позволяет ученым заявлять о необходимости усвоения отдельных грамматических структур через призму логических. «Логика мышления и культура каждого народа по-разному отражаются в языке, поскольку одно и то же явление воспринимается по-разному, что и пере-

дает язык. Так, если носители английского языка говорят “I see him”, то представители индо-эскимосской культуры скажут “He appears before me”. Разница в этих высказываниях заключается в том, что представители англоязычной культуры в языке передают опыт своего зрительного восприятия, в то время как носители индо-эскимосских языков сообщают о событии, которое произошло с ними» [Spietzer, 1953: 83–84].

Английский язык и мышление, корнями уходящие в европейскую культуру, «зародились в трудах Платона и Аристотеля, были сформированы древними римлянами, усовершенствованы средневековыми теологами и мыслителями Нового времени, по сути своей, являются антропоцентричными, поскольку их носители видят мир из центра, находящегося в них самих» [Polanyi, 1958: 9]. Однако, несмотря на общеевропейские культурные корни, в Англии не появился Микеланджело, Эль Греко или Моцарт, поскольку в стране, отрезанной от материков водными просторами, всегда полагались на людей, которые были более интересными и ценными, чем идеи. Антропоцентричность носителей английского языка подчеркивающая их индивидуализм, проявляется в использовании местоимений, помещающих человека в реперную точку, вокруг которого вращается мир. Использование личных местоимений в английском языке, подчеркивает самость человека, его чувства, настроение и значимость. Так, если в английском языке акцентируется принадлежность конкретному человеку разных частей его тела – “his chin”, “his arms”: “He lay flat on the brown, pine-needled floor of the forest, his chin on his folded arms, and high overhead the wind blew in the tops of the pine trees”, то в русском языке констатируется событие, но не восприятие человека, ощущающего себя в пространстве: «Он лежал на устланной сосновыми иглами бурой земле, уткнув подбородок (а не в свой подбородок) в скрещенные руки (а не свои руки), а ветер шевелил над ним верхушки высоких сосен» [Hemingway]. Отстраненность человека от самого себя, отраженная в русском языке, является признаком его внутренней силы, способностью контролировать себя и действовать с полным спокойствием при любых обстоятельствах.

Носители английского языка, передавая восприятие самих себя и окружающего их пространства, подчеркивают свою ответственность за совершенные ими поступки, даже за неудачно выбранное имя для военной операции. В романе Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls” герой становится судьей собственных поступков, что характерно для американского индивидуализма с его гиперболизо-

ванным антропоцентризмом, восходящим к учениям английских философов XVII в.: “When I think I come to command a division and I can pick out any name I want and I pick out Hotze” [Hemingway]. На русский язык досада героя на самого себя не передается, безличное предложение с самоименованием в третьем лице позволяет абстрагироваться от этой не совсем приятной для него ситуации: «Подумать только – человек едет командовать дивизией, может выбрать любое имя и выбирает Хоце» [Hemingway].

Несомненно, при переводе следует учитывать менталитет и специфику мышления народа языка перевода. Однако при обучении иностранным языком, необходимо уделять больше внимания логике мышления и культуре носителей изучаемого языка, чтобы увидеть мир глазами тех людей, которые находятся во власти своего языка, поскольку «язык – это путеводитель» [Сепир, 1993: 260] в мир разных народов. «Миры, в которых живут различные общества, – это разные миры, а вовсе не один и тот же мир с различными навешанными на него ярлыками» [Сепир, 1993: 260]. Для Лео Вайсгербера язык – это ключ к миру, сетка, заброшенная на внешний мир, позволяющая человеку познать лишь то, что создает язык [Вайсгербер, 2004]. Данную мысль необходимо принимать во внимание при обучении иностранным языкам, поскольку, двигаясь от внешнего слоя конкретного языка к его глубинным пластам, можно увидеть породивший его мир во всем многообразии.

Для того чтобы иностранный язык воспринимался как родной, его необходимо пропустить через весь спектр человеческих эмоций и чувств: красоту, ценности и эстетику, поскольку это накладывает отпечаток на психические познавательные процессы обучаемых.

В процессе изучения иностранного языка большое значение имеют положительные эмоции обучаемого, поскольку при усвоении нового языка, он «одновременно усваивает чужой, новый мир. С новым иностранным словом учащийся как бы транспонирует в свое сознание, в свой мир понятие из другого мира, из другой культуры <...>. Именно эта необходимость перестройки мышления, перекраивания собственной, привычной, родной картины мира по чужому, непривычному образцу и представляет собой одну из главных трудностей (в том числе и психологическую) овладения иностранным языком» [Тер-Минасова, 2000: 48].

Таким образом, уже при изучении иностранного языка обучаемый начинает вести с другим народом межкультурный диалог, знакомясь через язык не только с другой культурной картиной мира, но и познавая свою, поскольку только «при диалогической встрече двух

культур, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, одновременно обогащая другую» [Бахтин, 1979]. В современном быстроменяющемся мире «для идеологического обоснования настоящего и, следовательно, формирования оценки тех или иных событий» [Загряжкина, 2017: 27] преподаватели иностранных языков должны иметь «набор определенных тактических приемов, направленных на моделирование ментальных механизмов <...>, молодого поколения, и тем самым во многом формирующих для него новую картину мира» [Молчанова, 2019: 9]. При обучении иностранному языку необходимо изучать не только внешнюю структуру языка, но культуру и логику мышления его носителей, обусловленную географическими условиями, что должно найти соответствующее отражение в учебниках и учебных пособиях, созданных в рамках геолингводидактики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные риторика / Собрание текстов, статьи, комментарии и общая редакция А.А. Тахо-Годи. М., 1978.
2. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. Вайсгербер Л. Родной язык и формирование духа. М., 2004.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. 2-е изд. М., 2001.
5. Загряжкина Т.Ю. Лингвистическая идеология и ценности общества в контексте обучения французскому языку и культуре Франции // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 27–41.
6. Молчанова Г.Г. Когнитивные подходы к изменению дискурса нового поколения // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 1. С. 9–18.
7. Павловская А.В. «Неолитическое чудо»: Дар Богов или потерянный рай? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 48–61.
8. Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М., 1977.
9. Петрова О.В. Местоимения в системе функционально-семантических классов слов. Воронеж, 1989.
10. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
12. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
13. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на западе. М., 1986. С. 93–119.
14. Dufrenne M. Language and Philosophy, trans. Veatch H.B. Bloomington, 1963. P. 35–37.
15. Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. URL: <https://studyenglishwords.com/bookBE1page=1> (accessed: 05.05.2019).
16. Polanyi M. Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy. Chicago, 1958.
17. Spietzer L. The Basis of Science, Philosophy and Poetry // Studies in Intellectual History, ed. George Boas, et al. Baltimore, 1953. P. 83–84.
18. Weisgerber L. Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur. Heidelberg, Winter, 1934. P. 97–236.

Alla P. Minyar-Beloroucheva

THE ROLE OF THE NATIONAL CULTURAL WORLDVIEW IN MODERN LANGUAGES LEARNING

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The paper deals with the role of the national cultural worldview (Weltbild), embodied in the national cultural worldview and realized through the language of its speakers to facilitate the process of modern languages learning. The researchers' interest in this issue is explained by their strive to comprehend the mechanism of this processes. The language and the national cultural worldview manifested through the native speakers are determined by the geographical setting that does not only establish the lifestyle of the people, their vision and verbalization of the surrounding world, but fosters the identification of one ethnic community from others. In modern languages learning the idea of the key role of natural environment in the formation of thinking, culture and language of each nation caused the need to introduce a new academic discipline within linguodidactics – geolinguodidactics, which can improve the quality of teaching modern languages. European languages as members of the Indo-European language family are noted for their lexical and grammatical affinity; however, each of them has its own particularities determined by the habitat that eventually affects them. To learn modern languages proper besides mastering grammar and vocabulary it is necessary to study culture and the way of thinking of their native speakers.

Key words: geolinguodidactics; world view; cultural world view; language world view; logic thinking; foreign languages.

About the author: *Alla P. Minyar-Beloroucheva* – Dr. Habil in Philology, Professor, Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ostvera@mail.ru).

REFERENCES

1. Taxo-Godi A.A. (ed.) 1978. *Antichnye ritoriki* [Antique rhetoric]. Moscow, Izd. Moskovskogo universiteta. (In Russ.)
2. Bahtin M.M. 1979. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Xudozhestvennaya literatura. (In Russ.)
3. Humboldt W. von. 2001. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [Selected works on linguistics]. 2nd ed. Moscow, Progress. (In Russ.)
4. Zagrzazkina T.Ju. 2017. Lingvisticheskaja ideologija i cennosti obshhestva v kontekste obuchenija francuzskomu jazyku i kul'ture Francii [Linguistic Ideology and Values of Society in the Context of Teaching the French Language and Culture of France]. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 2, pp. 27–41. (In Russ.)
5. Molchanova G.G. 2019. Cognitive approaches to changing the discourse of the new generation. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 9–18. (In Russ.)

6. Pavlovskaya A.V. 2017. "Neolithic Miracle": Gods' Gift or Lost Paradise? *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, no. 1, pp. 48–61. (In Russ.)
7. Weisgerber L. 2004. *Rodnoj yazyk i formirovanie duha* [Native language and the formation of the spirit.]. Moscow, Editorial URCC. (In Russ.)
8. Panfilov V.Z. 1977. *Filosofskie problemy yazykoznaniya* [Philosophical problems of linguistics]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
9. Petrova O.V. 1989. *Mestoimeniya v sisteme funkcional'no-semanticheskikh klassov slov* [Pronouns in the system of functional-semantic classes of words]. Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta. (In Russ.)
10. Sepir E. 1993. *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologii* [Selected Works on Linguistics and Cultural Studies]. Moscow, Izdatelskaya gruppa "Progress". (In Russ.)
11. Ter-Minasova S.G. 2000. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and Intercultural Communication]. Moscow, Slovo. (In Russ.)
12. Shvejcer A.D. 1988. *Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty* [Translation Theory: Status, Problems, Aspects]. Moscow, Nauka. (In Russ.)
13. Heidegger M. 1986. Vremya kartiny mira [Time of Weltbild]. *Novaya tekhnokraticeskaya volna na zapade*. Moscow, Respublika, pp. 93–119. (In Russ.)
14. Dufrenne M. 1963. *Language and Philosophy*. Trans. Veatch H.B. Bloomington, pp. 35–37.
15. Hemingway E. For Whom the Bell Tolls. URL: <https://studyenglishwords.com/bookBEpage=1> (accessed: 17.04.2019).
16. Polanyi M. 1958. *Personal Knowledge: Towards a Post-Critical Philosophy*. Chicago.
17. Spietzer L. 1953. *The Basis of Science, Philosophy and Poetry*. In *Studies in Intellectual History*, ed. George Boas, et al. Baltimore, pp. 83–84.
18. Weisgerber L. 1934. *Die Stellung der Sprache im Aufbau der Gesamtkultur*. Heidelberg, Winter, pp. 97–236.

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ

К публикации в журнале «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» принимаются статьи, представляющие результаты оригинальных научных исследований, а также вспомогательные материалы учебно-методического характера; библиографические обзоры и рецензии на новейшие отечественные и зарубежные исследования по проблемам лингвистики и межкультурной коммуникации, обучения иностранным языкам, по культурологии и регионоведению.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных (в том числе географических названий) и иных сведений энциклопедического характера.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация» выходит один раз в три месяца.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

*Требования к **формату** текста статей:*

- текстовый редактор Microsoft Word (версии 97–2003 и т.д.);
- шрифт Times New Roman или Times New Roman Cyrillic 12-й кегль;
- полуторный межстрочный интервал;
- поля: 2,54 и 3,17 см;
- **объем рукописи до 25 тыс. знаков с пробелами (для аспирантов – строго до 17 тыс. знаков с пробелами).**

*Требования к **форме** предоставления статей:*

- текст присылается на электронный адрес редколлегии (vestnik19@yandex.ru) в формате .doc или .docx (Word 1997–2003 и т.д.);
- схемы, рисунки, алгоритмы и иной иллюстративный материал необходимо выслать отдельными файлами в формате .tif.

Статья должна содержать следующие обязательные элементы:

- аннотацию на русском языке (150–200 слов), на английском языке (200 слов) и ключевые слова (до 20 слов) на русском и английском языках;
- сведения обо всех авторах на русском и английском языках: фамилия; имя; отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения; контактный телефон и адрес электронной почты автора;
- пристатейные библиографические списки (ссылки на цитируемые исследования должны быть оформлены в тексте в виде внутритекстовых ссылок; ссылки на источники даются в виде подстрочных сносок, список процитированных исследований должен быть вынесен в конец статьи в виде списка литературы и references).

Помните, что несоблюдение требований к оформлению может существенным образом усложнить процесс публикации статьи. **Подробнее требования изложены на сайте журнала** – <http://www.fl.msu.ru/research/vestnik/article-publication.php>

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Рукописи не возвращаются. Во всех случаях полиграфического брака просьба обращаться в типографию.

Плата с авторов за публикацию рукописей не взимается.